

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 2/2023

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Социальная психология здоровья»
Тематический редактор номера Л.А. Цветкова

Theme of the issue
“Social Psychology of Health”
Issue editors L.A. Tsvetkova

2023 г. Том 14. № 2

2023. Vol. 14. No. 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

Ф. Зимбардо (США),
В.А. Лабунская (Россия), М. Линч (США),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексруется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНИТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 500 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

P.G. Zimbardo (USA),
V.A. Labunskaya (Russia) M.F. Lynch (USA),
I. Markova (Great Britain),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia)
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Index of Scientific Citing database,
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, Russian
Science Citation Index (RSCI), VINITI Database
RAS, Google Scholar, Index Copernicus, East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

500 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed
in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Цветкова Л.А. Социальная психология здоровья 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Черного Д.И., Васильева М.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж. Влияние раннего опыта институционализации на развитие ребенка: биологические показатели, физиологические механизмы, поведенческие характеристики 9

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А., Веракса А.Н. Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков 28

Антонова Н.А., Ерищян К.Ю. Этнокультуральные факторы востребованности альтернативных практик в сфере физического и психического здоровья 49

Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Суханов А.А. Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи 66

Бовина И.Б., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Новикова И.А., Березина Е.Б., Новиков А.Л. Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование 85

Волкова Е.Н., Руднова Н.А., Калимуллин А.М. Субъективные репрезентации здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений 103

Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н. Переживание будущего: жизненные перспективы людей предпенсионного возраста 116

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Березина Т.Н. Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» — оценка эффективности по показателям биопсихологического возраста 134

Арифин С., Пиереван А.Ч., Сусанти С., Салмон И.П.П. Политика субъективного благополучия в Особом регионе Джокьякарта, Индонезия (на английском языке) 152

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Голянич В.М., Бондарук А.Ф., Ходаковская О.В. Ценностно-интенциональные механизмы и стратегии социально-психологической адаптации юношей к условиям военно-образовательной среды 169

Гудзовская А.А., Добрынина Е.И., Мышкина М.С. Социальная идентичность как контекст креативности в ситуации фрустрации 193

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Есина Г.К. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: социально-психологическая рефлексия актуальных проблем общества 211

CONTENTS

EDITORIAL

Tsvetkova L.A. Social Psychology of Health 5

THEORETICAL RESEARCH

Chernego D.I., Vasilyeva M.J., Muhamedrahimov R.J. The Impact of Early Institutionalization Experience on Child Development: Biological Indicators, Physiological Mechanisms, Behavioral Characteristics 9

EMPIRICAL RESEARCH

Kornienko D.S., Rudnova N.A., Gordeeva T.O., Sychev O.A., Egorov V.A., Veraksa A.N. Loneliness and Social Support as Characteristics of Social Health and Factors of Social Media Addiction among Adolescents 28

Antonova N.A., Eritsyun K.Yu. Ethno-Cultural Factors of Demand for Alternative Practices in the Field of Physical and Mental Health 49

Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbayeva S.B., Laktionova A.I., Postilyakova Yu.V., Sukhanov A.A. Comparative Empirical Analysis of the Russian and Buryat Youth Resilience 66

Bovina I.B., Sachkova M.E., Dvoryanchikov N.V., Novikova I.A., Berezina E.B., Novikov A.L. COVID-19 Seen by Students: An Exploratory Study 85

Volkova E.N., Rudnova N.A., Kalimullin A.M. Subjective Representations of the Health of Preschool Teachers 103

Emelyanova T.P., Vikentieva E.N. Experiencing the Future: Life Prospects for Pre-retirement Age People 116

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Berezina T.N. Socio-Psychological Programs: “Active Longevity” and “Anti-Aging XXI” – Evaluation of Effectiveness in Terms of Biopsychological Age 134

Aripin S., Pierewan A.C., Susanti S., Salmon I.P.P. The Subjective Well-being Policy: Case Studies and Its Relevance in the Special Region of Yogyakarta, Indonesia 152

EMPIRICAL RESEARCH

Golyanich V.M., Bondaruk A.F., Khodakovskaia O.V. Value-Intentional Mechanisms of Socio-Psychological Adaptation to the Conditions of the Military Educational Environment in Adolescence 169

Gudzovskaya A.A., Dobrynina E.I., Myshkina M.S. Social Identity as a Context of Creativity in Situation of Frustration 193

SCIENTIFIC LIFE

Esina G.K. The Conference in Memory of M.Yu. Kondratiev: Social-Psychological Reflection of Actual Society' Problems 211

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Социальная психология здоровья

Цветкова Л.А.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»);
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4080-7103>, e-mail: latsvetkova@hse.ru**

В данном выпуске журнала «Социальная психология и общество» представлены современные исследования в области социальной психологии здоровья.

Для цитаты: Цветкова Л.А. Социальная психология здоровья // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 5–8. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140201>

Social Psychology of Health

Larisa A. Tsvetkova

**National Research University Higher School of Economics;
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4080-7103>, e-mail: latsvetkova@hse.ru**

This issue of the journal “Social Psychology and Society” presents modern research in the field of social psychology of health.

For citation: Tsvetkova L.A. Social Psychology of Health. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 5–8. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140201> (In Russ.).

Социальная психология здоровья — относительно новый раздел социальной психологии — стала активно развиваться во второй половине 70-х гг. прошлого века. Автором первого в России наиболее полного научного труда по социальной психологии здоровья, включающего анализ теоретических моделей и обзор эмпирических исследований, был И.Н. Гур-

вич [3], фактически его можно считать основателем этого направления в нашей стране.

Социальная психология здоровья — это приложение социальной психологии к изучению здоровья. В рамках этого направления ученые исследуют, какие социально-психологические факторы оказывают влияние на поведение человека в

сфере здоровья и болезни, например, как пациенты интерпретируют болезненные симптомы, как отношения между врачом и пациентом и социальная среда влияют на приверженность лечению и др.

Социальные психологи могут способствовать улучшению показателей здоровья и благополучия человека (или социальных групп), разрабатывая и внедряя профилактические программы, созданные на основе понимания механизмов модификации поведения, особенностей принятия решений в сфере здоровья, учитывая разные уровни функционирования человека (индивидуальный, организационный, социальный). Социальные психологи помогают разрабатывать убедительную коммуникацию в сфере здоровья (повышать коммуникативную компетентность медицинских работников или организаторов здравоохранения, мотивировать пациентов к изменению поведения и пр.), а широкомасштабное использование компьютерных технологий в современном обществе стимулировало исследование новых форм коммуникаций, в том числе и в сфере здравоохранения.

За последние сорок лет в России накоплен большой эмпирический материал в целом по психологии здоровья и сформированы научно-исследовательские группы, работающие в этом направлении [1; 2].

Очевидно, что исторически вопросы изучения здоровья в первую очередь интересовали медиков. Однако начиная со второй половины XX века, когда изменился тип заболеваемости населения и основной причиной как заболеваемости, так и смертности стали не инфекционные, а, скорее, хронические заболевания, связанные с образом жизни человека, проблема здоровья зазвучала по-новому, исследования стали носить междисциплинарный характер, а социально-психологический фокус изучения здоровья

стал в наивысшей степени актуальным. На смену медицинской парадигме здоровья пришла биопсихосоциальная [4], и современные исследователи, опираясь на эту модель, предлагают междисциплинарный взгляд на изучение здоровья. К настоящему времени уже разработаны теоретические модели и накоплен значительный объем исследований, в которых показано действие широкого круга социально-психологических факторов, оказывающих влияние на связанное со здоровьем и болезнью поведение индивидов и групп. Именно «обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» является третьей целью в области устойчивого развития (*Sustainable Development Goals (SDGs)*) вслед за ликвидацией нищеты и голода, принятой Генеральной ассамблеей ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» до 2030 года [5]. Безусловно, социальные психологи вносят свою лепту в достижение этой глобальной цели.

Такой подход к осмыслению здоровья побудил нас включить в специальный тематический выпуск журнала по социальной психологии здоровья статьи, учитывающие этнокультуральные, социальные, возрастные аспекты изучения здоровья; представляющие профилактические программы с оценкой эффективности; анализирующие влияние социальных и социально-психологических факторов (например, депривации в раннем возрасте) на биологическое развитие и поведенческие проявления; изучающие социальные представления и субъективную репрезентацию здоровья. Традиционно в тематический выпуск включены статьи с теоретическим анализом и представляющие результаты эмпирических исследований, позволяющие применять полученные результаты в практической работе.

Таким образом, в тематический выпуск журнала вошли следующие статьи:

в рубрике «Теоретические исследования» — статья *Черного Д.И., Васильевой М.Ю., Мухамедрахимова Р.Ж.* с анализом изучения влияния депривации в раннем возрасте на отдаленные последствия изменений показателей биологического развития, психического здоровья и взаимосвязанных с ними поведенческих проявлений;

в рубрику «Эмпирические исследования» мы включили статьи:

— рассматривающие одиночество и социальную поддержку как показатели социального здоровья подростков (*Корниенко Д.С., соавт.*);

— учитывающие влияние этнокультуральных факторов на поведение в сфере здоровья (*Антонова Н.А., соавт.*);

— выявляющие общие и национально специфичные компоненты жизнеспособности представителей молодежи разных этнических групп (*Махнач А.В., соавт.*);

— исследующие влияние социальных представлений о новых вызовах (в случае пандемии COVID-19) на поведение молодежи (*Бовина И.Б., соавт.*);

— изучающие связь субъективных репрезентаций здоровья и вовлеченность в педагогическую деятельность (*Волкова Е.Н., соавт.*);

— анализирующие жизненные перспективы людей предпенсионного возраста и их связь с показателями здоровья (*Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н.*);

в рубрике «Прикладные исследования и практика» вы можете познакомиться с социально-психологической программой долголетия и оздоровления людей старших возрастных групп (*Березина Т.Н.*); а также с результатами изучения индекса счастья и его связи с существующими регламентами планирования развития отдельного региона в Индонезии (*Арифин С., соавт.*).

Приятного вам чтения! И до новых встреч на страницах нашего журнала!

Литература

1. Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб: Питер, 2006. 607 с.
2. Руководство по психологии здоровья / Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. М.: Издательство московского университета, 2019. 840 с.
3. *Цветкова Л.А., Антонова Н.А., Колпакова О.И.* И.Н. Гурвич — основатель научной школы «Социальная психология здоровья» в России [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2015. № 6(35). URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2015_6_35/pomer07.php (дата обращения: 08.06.2023).
4. *Engel G.* The need for a new medical model: A challenge for biomedicine // Science. 1977. № 196. P. 129–136.
5. Sustainable Development Goals (SDGs) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (дата обращения: 08.06.2023).

References

1. *Psikhologiya zdorov'ya: Uchebnik dlya vuzov* [Health Psychology. Textbook for Universities]. In G.S. Nikiforov (eds.). Saint Petersburg: Piter, 2006. 607 p. (In Russ.).
2. *Rukovodstvo po psikhologii zdorov'ya* [Guide to Health Psychology]. In A.Sh. Tkhostov, E.I. Rasskazova (eds.). Moscow: Publ. moskovskogo universiteta, 2019. 840 p. (In Russ.).
3. *Tsvetkova L.A., Antonova N.A., Kolpakova O.I.* I.N. Gurchich — osnovatel' nauchnoi shkoly «Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya» v Rossii [Elektronnyi resurs] [I.N. Gurchich — the Founder

of the Scientific School of “Social Health Psychology” in Russia]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii = Clinical Psychology in Russia*, 2015, no. 6(35). URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2015_6_35/nomer07.php (Accessed 08.06.2023). (In Russ.).

4. Engel G. The need for a new medical model: A challenge for biomedicine. *Science*, 1977, no. 196, pp. 129–136.

5. Sustainable Development Goals (SDGs) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (Accessed 08.06.2023).

Информация об авторах

Цветкова Лариса Александровна, доктор психологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»); ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4080-7103>, e-mail: latsvetkova@hse.ru

Information about the authors

Larisa A. Tsvetkova, Doctor of Psychology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4080-7103>, e-mail: latsvetkova@hse.ru

Получена 08.06.2023

Received 08.06.2023

Принята в печать 09.06.2023

Accepted 09.06.2023

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Влияние раннего опыта институционализации на развитие ребенка: биологические показатели, физиологические механизмы, поведенческие характеристики

Черного Д.И.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9166-5435>, e-mail: chernego@gmail.com**

Васильева М.Ю.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4955-0065>, e-mail: marinajv@list.ru**

Мухамедрахимов Р.Ж.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3532-5019>, e-mail: rjm@list.ru**

Цель. Систематизация и обобщение научной информации о влиянии раннего депривационного опыта институционализации на биологические показатели развития детей, а также описание возможных физиологических механизмов негативного влияния ранней депривации и взаимосвязи изменения биологических маркеров с поведенческими проявлениями у детей.

Контекст и актуальность. Ранняя депривация является мощнейшим социально-психологическим фактором, драматически влияющим на последующее психическое здоровье и развитие детей. К настоящему времени в международной научной литературе накоплен большой объем данных о биологических эффектах ранней институциональной депривации, однако эти данные мало представлены в российской литературе. В связи с ростом числа детей с опытом институционализации, принятых в российские замещающие семьи, и необходимостью понимания их биологического развития и соответствующих поведенческих проявлений необходимо проведение анализа, систематизации и обобщения представленных в литературе результатов изучения последствий ранней институционализации.

Основные выводы. Результаты исследований свидетельствуют о наличии у детей с депривационным опытом ранней институционализации значительных нарушений в биологических системах организма, проявляющихся в негативных изменениях морфофункционального развития и микроструктурной организации мозга, нейрофизиологических индексов, секреции кортизола, нарушениях иммунитета, состава микробиоты, изменениях профилей метилирования ДНК. Изменения биологических показателей, а также их поведенческих коррелятов связаны с характеристиками институционализации, среди которых прежде всего выделяются длительность пребывания детей в депривационных условиях (возраст перевода ребенка из учреждения в семью) и тяжесть депривационных условий. Пребывание человека на ранних этапах развития в

депривационных условиях окружения может иметь значительные отдаленные последствия, проявляющиеся в долговременных негативных изменениях показателей биологического развития и взаимосвязанных с ними поведенческих проявлениях. Для предотвращения нарушений развития и психического здоровья человека, связанных с долговременным влиянием раннего депривационного опыта, государственная политика в области раннего детства и работа профессионального сообщества должны быть направлены на удовлетворение права ребенка на проживание в семье во взаимодействии и формировании отношений с чувствительными и отзывчивыми к потребностям развития ребенка, эмоционально доступными постоянными близкими взрослыми.

Ключевые слова: дети с опытом институционализации; замещающая семья; развитие; биологические показатели.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00626, <https://rscf.ru/project/22-28-00626/>.

Для цитаты: Черного Д.И., Васильева М.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж. Влияние раннего опыта институционализации на развитие ребенка: биологические показатели, физиологические механизмы, поведенческие характеристики // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 9–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140202>

The Impact of Early Institutionalization Experience on Child Development: Biological Indicators, Physiological Mechanisms, Behavioral Characteristics

Daria I. Chernego

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9166-5435>, e-mail: chernego@gmail.com

Marina J. Vasilyeva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4955-0065>, e-mail: marinajv@list.ru

Rifkat J. Muhamedrahimov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3532-5019>, e-mail: rjm@list.ru

Objective. *Systematization and generalization of research data on the impact of early institutionalization on biological indicators of children's development, and a description of the underlying physiological mechanisms and relations between biological indicators and their behavioral manifestations in children.*

Background. *Early deprivation is a significant social-psychological factor that dramatically affects the subsequent mental health and development of children. To date, a wide amount of data on the biological effects of early institutional deprivation has been accumulated in the research literature while this information is little represented in Russia. To understand the specificity of the biological and behavioral development of children with institutionalization experience transferred from Russian institutions into domestic adoptive or foster care families there is a need to analyze, systematize and generalize information on bio-behavioral consequences of early institutionalization.*

Conclusions. *Research results indicate in children with early institutional experience a significant change in biological development manifested in negative changes in morphofunctional development and microstructural organization of the brain, and characteristics of its activity, in cortisol secretion, violations of immunity, changes in DNA methylation profiling, in microbiome. Biological changes and their behavioral correlates are*

associated with such institutional conditions as the severity of deprivation and duration of institutionalization (the age of the child's transfer from institution to family). In order to prevent developmental, somatic and mental health disorders associated with the long-term impact of early deprivation, the state policy in the field of early childhood and the work of the professional society have to fulfil the rights of the child to live in the family in relationship with sensitive and responsive emotionally available primary caregivers.

Keywords: *children with institutional experience; post-institutional family; development; biological indicators.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00626, <https://rscf.ru/project/22-28-00626/>.

For citation: Chernego D.I., Vasilyeva M.J., Muhamedrahimov R.J. The Impact of Early Institutionalization Experience on Child Development: Biological Indicators, Physiological Mechanisms, Behavioral Characteristics. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 9–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140202> (In Russ.).

Введение

По данным литературы [59], более двух миллионов детей во всем мире проживают в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Общими чертами социального окружения в этих организациях являются большое количество детей, проживающих в одном помещении; их перевод из группы в группу по достижении определенного возраста; формирование групп по возрастному критерию и отсутствию/наличию нарушений развития у детей; частая смена персонала в течение недели; отсутствие постоянного и эмоционально доступного близкого взрослого [26; 47; 68]. Дети, живущие в сиротских организациях, оказываются лишены базовых условий, способствующих становлению и развитию ребенка — проживанию в семье во взаимодействии и формировании отношений с постоянным, чувствительным и отзывчивым, эмоционально доступным близким взрослым [9; 65]. При удовлетворении потребностей детей в питании, лечении и адекватных санитарных условиях институциональное окружение определяется как социально-эмоционально депривационное, тогда

как при отсутствии таких условий — как глобально депривационное [69]. В Российской Федерации численность детей-сирот по итогам 2021 года составила около 391 тысячи, из них примерно 350 тысяч находились на воспитании в замещающих семьях, тогда как 35 тысяч продолжали проживать в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [1].

Имеющиеся в научной литературе метааналитические статьи и обзоры результатов научных психологических исследований детей с опытом институционализации, воспитывающихся в учреждениях или принятых в замещающие семьи, свидетельствуют о значительных негативных изменениях их моторного, речевого, когнитивного [17] и социально-эмоционального развития [3; 5], о нарушении привязанности и паттернов поведения [2; 4; 5]. Квазилонгитюдные исследования популяции российских детей с опытом проживания в домах ребенка и принятых на воспитание в отечественные замещающие семьи выявляют снижение социально-эмоциональных компетенций и показателей внимания [42], а также целый ряд негативных из-

менений характеристик взаимодействия с близким взрослым в первые годы проживания в семье [48]. Таким образом, результаты обширных психологических исследований свидетельствуют, что ранняя депривация является мощнейшим социально-психологическим фактором, влияющим на последующее психическое здоровье и развитие ребенка.

В то же время проведенные в последние годы отдельными научными группами междисциплинарные исследования позволили выявить драматические изменения целого ряда биологических (генетических и эпигенетических, молекулярных и клеточных, физиологических и нейробиологических) показателей у детей с опытом институционализации, их кратко- и долгосрочное влияние на дальнейшее функционирование ребенка [26]. Рядом авторов предложены гипотезы и описаны механизмы негативного воздействия ранней депривации на развивающийся организм [23; 26; 36; 43; 68]. Однако, с одной стороны, несмотря на накопленный к настоящему времени значительный объем эмпирических данных о биологических эффектах ранней депривации, можно по-прежнему констатировать существенный недостаток в систематизации, критическом анализе и обобщении таких результатов в научной литературе, с другой стороны, результаты этих исследований мало представлены в российской научной литературе. Настоящая работа посвящена систематизации и обобщению научной информации о последствиях раннего проживания в депривационных условиях сиротских учреждений для биологических показателей развития детей, а также описанию возможных механизмов негативного влияния ранней депривации и взаимосвязи изменений биологических индексов с поведенческими проявлениями у детей.

Влияние ранней институционализации на развитие биологических систем организма ребенка

Морфофункциональное развитие головного мозга

Изучение детей с опытом институциональной депривации показало наличие долгосрочных изменений в морфофункциональном развитии и в микроструктурной организации мозга. Так, по данным международного научного проекта, в детских домах Румынии было выявлено патологическое уменьшение общего объема мозга, снижение объемов серого и белого вещества, толщины ряда корковых областей, наблюдаемое не только во время проживания детей в учреждении и после перевода их в приемные семьи, но и сохраняющееся во взрослом возрасте, спустя 20 и более лет после выхода из учреждения [39; 44; 52; 63].

Накопленные к настоящему времени нейровизуализационные данные позволяют связать ранний опыт проживания в учреждениях с изменениями в целом ряде корковых и подкорковых структур, проявляющимися в уменьшении плотности кортикальных зон, особенно связанных с функциями внимания, памяти и социально-эмоциональной регуляцией (латеральная орбито-фронтальная кора, префронтальная, париетальная, височная, фузиформная кора, супрамаргинальная извилина); изменении размеров и нарушении связей в структурах лимбической системы (миндалины, гиппокамп, стриатум) [8; 39; 63]. Выявлен «дозозависимый» эффект патологического увеличения размеров миндалины в правом полушарии, связанный с длительностью пребывания ребенка в условиях учреждения. Наибольший размер правой миндалины имели дети, усыновленные после 15 месяцев, по сравнению с таковой у де-

тей, усыновленных ранее 15 месяцев [67]. Аналогичные результаты были получены у 16-летних подростков из английских приемных семей с опытом институционализации. При этом подростки с большим периодом депривации имели меньший объем миндалины в левом полушарии. Авторы предположили, что в неблагоприятных условиях среды увеличение правой миндалины может происходить по компенсаторному механизму, что свидетельствует об особой чувствительности данной мозговой структуры к негативным и стрессогенным воздействиям [44].

Недавние исследования с использованием диффузионно-тензорной МРТ продемонстрировали, что у детей 8–10 лет из румынских учреждений наблюдаются обширные изменения в трактах белого вещества, затрагивающие длинные ассоциативные проводящие пути (в т.ч. нижний продольный и нижний лобно-затылочный пучок, левый верхний продольный пучок и левый дугообразный пучок); лимбические и паралимбические пути (в т.ч. форникс и цингулум); проекционные волокна кортико-спинального тракта; а также пути сенсорной обработки (в т.ч. медиальный лемникс и часть волокон внутренней капсулы); кроме того, отмечается нарушение микроструктурной целостности мозолистого тела. У сверстников из приемных семей наблюдаемые изменения были минимальны [7; 8]. Важно отметить, что в большинстве нейровизуализационных исследований особо подчеркивается «дозо-зависимый» эффект наблюдаемых изменений, связанный с длительностью периода институционализации.

Активность головного мозга: фоновая ЭЭГ и вызванные потенциалы

Регистрация электроэнцефалограммы (ЭЭГ) и вызванных потенциалов (ВП) как

эффективный инструмент нейровизуализации спонтанной и вызванной электрической активности головного мозга дает возможность неинвазивно и напрямую измерять быстрые нейрональные процессы, происходящие в мозге человека в состоянии покоя и при различного рода деятельности. Лонгитюдные исследования детей, проживавших в учреждениях Румынии, показали наличие долгосрочных изменений спектральных характеристик ЭЭГ покоя и их взаимосвязи с нарушениями поведения, выявляемые даже спустя годы после проживания в стабильной замещающей семье. Данный показатель традиционно используется для оценки процессов функционального созревания головного мозга, поскольку характеристики спектра мощности фоновой ЭЭГ изменяются по мере развития: наблюдается смена низкочастотных ритмов на высокочастотные. Результаты, полученные на детях в возрасте 6–30 месяцев, продемонстрировали большую относительную мощность низкочастотного тета-ритма (3–5 Гц) и более низкую относительную мощность альфа-ритма (6–9 Гц) в лобных, теменных и затылочных областях, отражающие, по мнению авторов, функциональную незрелость ЦНС и/или общую задержку развития [40]. Данные прослеживания этой выборки детей в семьях (в 3,5 года, в среднем и старшем школьном возрасте) были столь же драматичными. При этом во всех случаях возраст помещения ребенка в семью оказался самым значимым предиктором изменения паттернов ЭЭГ. Так, дети в возрасте 3,5 лет, помещенные в семьи после 24 месяцев, демонстрировали более низкие абсолютную и относительную мощность альфа-ритма и коэффициент когерентности ЭЭГ по сравнению с детьми, помещенными до 24 месяцев [41]. В 8 лет профили ЭЭГ таких детей были неотличимы от таковых у детей, оставшихся на воспитании

в учреждениях, в то время как дети, помещенные в приемные семьи до 24 месяцев, имели профили ЭЭГ, близкие к таковым у сверстников из биологических семей [70]. При этом в 12 и 16 лет подростки из приемных семей показали более близкую к сверстникам из биологических семей ЭЭГ по сравнению со сверстниками из учреждений [15; 71]. В целом, было выявлено, что увеличение возраста усыновления (в диапазоне от 6 до 29 месяцев) приводит к более незрелым и атипичным профилям корковой организации в среднем школьном возрасте, выражающимся в более высокой относительной мощности тета-ритма (4–6 Гц), более низкой относительной мощности и более низкой пиковой частоте альфа-ритма (7–12 Гц), более низкой абсолютной мощности бета- (13–20 Гц) и гамма-ритмов (21–50 Гц).

Использование вызванных потенциалов для изучения когнитивных процессов и социального познания у детей с опытом институционализации выявило атипичные паттерны ответов и нейрофизиологические маркеры нарушения отдельных этапов кодирования, обработки и запоминания информации. Так, в серии исследований у детей раннего возраста из учреждений Румынии были обнаружены изменения характеристик ВП при восприятии социальных стимулов. Было выявлено снижение амплитуды ранних (N170, Nc) и поздних компонентов (PSW, так называемая медленная позитивная волна) ВП при предъявлении лиц знакомых (воспитатели) и незнакомых взрослых у детей в возрасте 7–32 месяцев, воспитывающихся в учреждениях, по сравнению со сверстниками из биологических семей. В группе детей из учреждений не наблюдали различий в амплитуде длиннolatентного компонента PSW, связанного с кодированием новизны стимула и процессом его запоминания, что указывает на

существенную разницу в поздних этапах обработки лицевых стимулов между двумя группами детей [57].

Восприятие изображений лиц с разными эмоциональными выражениями (радость, злость, печаль и страх) также выявило различия в амплитуде вызванного ответа. У детей, проживающих в депривационных условиях, наибольшая амплитуда ранних компонентов (N170 и P250) была зарегистрирована в ответ на лица, выражающие страх, тогда как у детей из семей максимум амплитуды тех же компонентов был при просмотре лиц, выражающих печаль [58]. Таким образом, ранние компоненты ВП выявили различия между группами детей с опытом/без опыта депривации в восприятии эмоциональных выражений лица взрослого, тогда как поздние компоненты ВП выявили различия между группами в восприятии лица знакомого/незнакомого взрослого. Использование тех же самых экспериментальных парадигм после помещения детей в приемные семьи показало, что у детей из учреждений наблюдаемые ранее характеристики ВП сохраняются как минимум до 3,5 лет. Так, у детей из приемных семей в обеих задачах (распознавание знакомых/незнакомых лиц и восприятие эмоциональных выражений) амплитуда и латентность ВП имели промежуточные значения по сравнению с таковыми у детей из учреждений и биологических семей. Однако в отличие от данных фоновой ЭЭГ [41; 70], не было выявлено взаимосвязи между возрастом, в котором дети были помещены в приемные семьи (до/после 24,5 месяцев), и характеристиками ВП [46].

Похожие результаты, показавшие снижение амплитуды ранних (P1 и N170) и поздних (P400) компонентов ВП при восприятии знакомых/незнакомых лиц, были получены у детей 3–6 лет, прожи-

вавших в учреждениях Португалии [54]. В данном случае снижение амплитуды ВП на оба типа лицевых стимулов (компонент Р1) и ухудшение распознавания изображений лиц знакомых/незнакомых взрослых (компонент Р400), а также уменьшение амплитуды Р400 на изображение лица незнакомца были взаимосвязаны с нарушениями привязанности, в частности с таким проявлением, как расторможенное расстройство привязанности (РаРП). Более сильные проявления симптомов РаРП сопровождалась меньшими амплитудами компонента Р1 и разностной волны Р400, а также снижением амплитуды Р400 на лицо незнакомца. Таким образом, такой социально значимый стимул, как лицо человека, вызывал меньшую активацию ЦНС у детей с РаРП.

Использование ВП для оценки речевой функции и усвоения языка выявило противоречивые результаты, что, с одной стороны, подтверждает поведенческие данные об отставании детей с опытом институционализации в становлении устной и письменной речи [64], а с другой стороны, свидетельствует о высокой вариабельности исходов в данной области развития. Так, например, было выявлено, что проживание в учреждении в раннем возрасте не влияет на фонологическую обработку родного языка [56], однако фактор длительности пребывания в данном случае проанализирован не был.

Гипоталамо-гипофизарная надпочечниковая (ГН) система и секреция кортизола

ГН система отвечает за физиологический ритм секреции гормона кортизола и выработку кортизола организмом в ответ на стресс [28]. Исследования детей в сиротских учреждениях, проживание в которых рассматривается как пребывание в условиях длительного стресса,

свидетельствуют о нарушении ритма секреции кортизола, которое выражается в снижении [12] или повышении (для специфической группы детей с задержкой в росте) [18] утренней и повышении вечерней концентрации кортизола [12; 18]. Для российской выборки детей из домов ребенка в возрасте от 8 до 42 месяцев было обнаружено отсутствие различий утренних и повышение вечерних значений концентрации кортизола по сравнению с таковыми у сверстников из биологических семей [13]. Снижение утренней и повышение вечерней концентрации кортизола прослеживаются и после перевода детей в замещающие семьи: в течение 2 лет жизни в семье [31; 33], в возрасте 7—15 лет [37; 60] и спустя 20 лет проживания в замещающей семье [36]. Также у детей с опытом институционализации, принятых в замещающие семьи, в возрасте 12—14 лет был зафиксирован более низкий уровень секреции кортизола в ответ на краткосрочно воздействующий стрессор по сравнению с детьми из биологических семей [27; 43]. При этом в период позднего пубертата по сравнению с ранним пубертатом дети демонстрировали утреннее повышение секреции кортизола [60] или давали значимое повышение кортизола в ответ на стресс, сходный с таковым у детей из биологических семей [27]. Кроме того, в исследованиях отмечается, что чем раньше ребенок был принят на воспитание в семью, то есть чем меньше времени он пробыл в учреждении, тем меньшими были негативные последствия: показатели утренней концентрации кортизола были ниже при усыновлении после 6 [36] или после 16 [37] месяцев. При моделировании ситуации воздействия острого стресса кортизолный ответ был слабее у тех детей, которые были переведены на воспитание в семью после 24 месяцев [43]. В целом, ре-

зультаты исследований указывают на негативные изменения секреции кортизола у детей с ранним опытом институционализации в виде гипокортизолизма — снижение концентрации кортизола в утренние часы и, соответственно, уменьшение угла наклона линии изменения концентрации кортизола в течение дня, а также снижение секреции кортизола в ответ на краткосрочное воздействие стрессора.

Иммунная система

Авторы немногочисленных работ предполагают, что опыт ранней депривации создает особый фенотип, характеризующийся такими проявлениями, как частые воспаления (т.н. *inflammatory phenotype*), нарушение клеточного иммунитета, преждевременное иммуностарение и иммунная недостаточность [21]. Данные свидетельствуют, что такой «воспалительный» фенотип значительно увеличивает риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний и частоту встречаемости депрессии у взрослых с опытом депривации [45]. Было показано, что у подростков с опытом институционализации, усыновленных в семьи США, обнаруживаются количественные изменения в субпопуляциях Т-лимфоцитов, непосредственно ответственных за иммунный ответ: низкое по сравнению со сверстниками в биологических семьях содержание Т-хелперов (т.н. субпопуляция CD4+) и более высокое — цитотоксических Т-киллеров (т.н. субпопуляция CD8+) [22]. Сходные результаты были получены на российской выборке детей в возрасте от 8 до 35 месяцев, воспитывающихся в домах ребенка. Было обнаружено более высокое содержание гранулоцитов и более низкое — Т-хелперов (CD4+ Т-клетки) и В-лимфоцитов, при этом соотношение Т-хелперов и цитотоксических Т-клеток (CD4+/CD8+) было близко к норме [51].

Микробиом

Согласно современным представлениям микробиом — это единый комплекс, образуемый микроколониями бактерий, архей, простейших, вирусов, грибов, продуцируемые ими метаболитами, включающий также и генетический материал этого сообщества [6]. Исследования свидетельствуют, что микробиом не только играет важнейшую роль в функционировании иммунной системы человека [6], но и является активным участником так называемой «кишечно-мозговой оси» (*gut-brain axis*), обеспечивающей, в частности, взаимонаправленные связи между микробиотой кишечника и мозгом [11; 61].

Результаты немногочисленных работ свидетельствуют об изменении микробиоты кишечника у детей с опытом институционализации, выражающемся, например, в повышенном содержании бактерий рода *Bacteroides* и *Prevotella*, составляющих нормальную микрофлору кишечника [11; 62]. При этом увеличение содержания *Prevotella* приводило к росту хронических инфекций у детей в возрасте от 5 до 18 лет. Кроме того, была обнаружена положительная взаимосвязь между увеличением содержания бактерий рода *Bacteroides* и активацией медиальной префронтальной коры, между увеличением *Lachnospiraceae* и активацией левой латеральной и медиальной префронтальной коры и мозжечка [11]. У детей с опытом институционализации чаще фиксировали желудочно-кишечный дистресс (боли, странные ощущения в желудке, тошнота, диарея), который в том числе был взаимосвязан с общим состоянием тревоги ребенка. Авторы рассматривают эти результаты как предикторы возможной будущей психопатологии у данной группы детей [11]. У подростков и молодых взрослых (13–21 год) с опытом институционализации обнаружено значимое влияние содер-

жания бактерий рода *Bacteroides* на процессы терминальной дифференциации Т-лимфоцитов [62].

Эпигенетические исследования (метилирование ДНК) и длина теломеров хромосом

Накопленные к настоящему времени научные данные свидетельствуют, что под воздействием внешней среды происходит эпигенетическое перепрограммирование активности генома, приводящее к изменению экспрессии генов. Один из наиболее изученных эпигенетических механизмов — это метилирование ДНК, заключающееся в присоединении метильной группы к цитозину в динуклеотиде CG молекулы ДНК. Одним из последствий метилирования ДНК является снижение активности гена или полная его инактивация. Вследствие метилирования ДНК у детей наблюдается нарушение выработки белковых ферментов, необходимых для структурного и функционального развития ЦНС, и, соответственно, нарушение их поведенческого и когнитивного функционирования.

Исследование детей, воспитывающихся в детских домах, на основе полногеномного анализа показало, что наблюдаемый у них уровень метилирования ДНК выше по сравнению с уровнем метилирования ДНК у сверстников, воспитывавшихся биологическими родителями [50]. Было установлено, что у детей из учреждений гиперметилированными областями являются части генома, отвечающие за иммунный ответ организма и клеточные сигнальные системы. Отличия метилирования ДНК у детей в российских домах ребенка наблюдались по сравнению с детьми из биологических семей в 172 генах [51].

Определенные паттерны метилирования ДНК установлены и у детей, переве-

денных из институциональных в семейные условия проживания. У усыновленных из России и стран Восточной Европы в США подростков различия в профилях метилирования ДНК по сравнению со сверстниками из биологических семей были обнаружены в 19 генах [22]. При этом наиболее метилированные области связаны с деятельностью нервной системы и развитием систем и органов. Авторами была обнаружена взаимосвязь повышения метилирования ДНК и уровня стресса в связи с негативными жизненными событиями [22]. В исследовании подростков в семьях Великобритании с ранним опытом проживания в учреждениях Румынии было обнаружено повышение метилирования ДНК участка гена семейства цитохромов CYP2E1 при усыновлении в возрасте после 6 месяцев по сравнению с усыновленными до 6 месяцев и сверстниками из биологических семей [35]. Рядом авторов обсуждается существование генотипов с высокой и низкой восприимчивостью к воздействию неблагоприятной социальной среды, что в свою очередь определяет индивидуальные различия в устойчивости и способности детского организма к восстановлению после перевода из сиротского учреждения в замещающую семью [73]. При этом результаты исследований демонстрируют некоторое единство в экспрессии определенных генов у детей, имеющих ранний опыт пребывания в учреждениях, в том числе даже с генотипом с низкой восприимчивостью.

Еще одним из направлений генетических исследований детей с опытом институционализации является изучение теломеров хромосом — ДНК-белковых комплексов на концах хромосом. Известно, что процесс естественного старения хромосом в связи с укорочением теломеров приводит к клеточному старению и уменьшению регенеративной способно-

сти тканей, что также взаимосвязано со сниженным уровнем метилирования субтеломерных областей, влияющим на экспрессию генов, связанных с возрастными заболеваниями, например, болезнями сердца, сахарным диабетом [10]. При исследовании подростков в возрасте 15 лет с ранним опытом пребывания в сиротских учреждениях Румынии было обнаружено снижение длины теломеров по сравнению со сверстниками из биологических семей [20; 30]. Была выявлена отрицательная связь длины теломеров и длительности пребывания детей в учреждении [72].

Обсуждение результатов обзора литературы

Результаты представленных выше исследований детей с опытом институционализации свидетельствуют о наличии у них значительных нарушений морфофункционального развития и микроструктурной организации мозга, изменения нейрофизиологических индексов, негативного изменения дневного ритма секреции кортизола и изменения концентрации кортизола в ответ на разовое воздействие острого стресса, нарушения звеньев гуморального и клеточного иммунитета, микробиоты кишечника, укорочения теломеров хромосом, изменения профилей метилирования ДНК. Наблюдаемые негативные изменения биологических показателей проявляются как на этапе институционализации, так и в долговременной перспективе после принятия в семейные условия проживания, в том числе по отдельным показателям спустя 20 лет после перевода в семью. Результаты свидетельствуют, что изменения биологических показателей связаны с характеристиками условий институционализации, среди которых прежде всего выделяются длительность пребывания детей в депривационных условиях (измеряемых в основном по возрасту перевода

ребенка из учреждения в замещающую семью) и тяжесть депривационных условий.

Данные исследований влияния длительности депривации в целом показывают, что чем меньше время институционализации, тем в большей степени биологические показатели были близки к таковым у сверстников из биологических семей. Так, при изучении работы ГГН системы показано, что у детей, усыновленных в возрасте до 6 месяцев (по другим данным — до 16 месяцев [37]), показатели утренней секреции кортизола выше, чем у усыновленных после 6 месяцев [36]. При воздействии острого стресса уровень кортизола был выше у детей, усыновленных до 24 месяцев, чем в более позднем возрасте [43]. Повышенное метилирование отдельного участка ДНК отмечалось у усыновленных после 6 месяцев [35]. «Дозо-зависимый» эффект наблюдаемых негативных изменений отмечался в большинстве нейровизуализационных исследований (например, увеличение размеров правой миндалины при усыновлении после 15 месяцев) [67], в исследованиях спектральных составляющих ЭЭГ (возраст усыновления от 6 до 29 месяцев) [7; 40; 41] и в генетических исследованиях (отрицательная взаимосвязь длины теломеров и длительности пребывания детей в учреждении) [72].

Обобщение выделенных результатов свидетельствует, что негативные изменения биологических показателей развития детей наблюдаются в случае, если период их пребывания в институциональных условиях (по возрасту принятия в семью) превышает, по разным данным, от 6 до 24 месяцев. Различия критических значений длительности институционализации могут быть связаны, с одной стороны, с изучением авторами разных биологических систем [53], с другой — с тяжестью условий институциона-

лизации. Так, в исследованиях детей из глобально депривационных сиротских учреждений Румынии долговременные негативные изменения отдельных биологических показателей наблюдались при усыновлении в возрасте после 6 месяцев [35; 36], тогда как в исследовании группы детей, включавшей усыновленных из социально-эмоционально депривационных условий домов ребенка России и других стран СНГ, — после первых 16 месяцев жизни в учреждении [37]. Выделенный авторами нижний порог длительности глобальной депривации, негативно влияющей на показатели биологического развития детей (по разным данным — 6—24 месяцев), соответствует длительности, обнаруженной в результате исследований психологических последствий ранней депривации. Так, депривационно-специфические паттерны психологических нарушений [34], а также негативные изменения распределения паттернов привязанности [2] наблюдались у детей, усыновленных из сиротских организаций Румынии в возрасте 6 месяцев и старше, по сравнению с детьми, усыновленными в возрасте до 6 месяцев.

Важно подчеркнуть, что максимальное негативное воздействие депривации приходится на младенческий и ранний возраст, характеризующий активным созреванием всех систем и функций организма, то есть на так называемые чувствительные периоды развития. Известно, что в течение чувствительных периодов организм или отдельные его системы особенно чувствительны к воздействиям окружающей среды, так что именно в эти периоды времени внешние стимулы могут оказывать наибольшее влияние и способствовать прогрессивному созреванию и успешному функционированию организма [68; 74]. При этом отсутствие необходимых стимулов или воздействие неблагоприятных

может привести к неблагоприятным исходам [11; 68]. Кроме того, согласно существующим представлениям, развитие ЦНС происходит под взаимодополняющим влиянием так называемого «ожидаемого» (*experience-expectant*) и зависящего от опыта (*experience-dependent*) опыта [24]. Важнейшими составляющими «ожидаемого» опыта являются присутствие доступного/стабильного близкого взрослого, адекватное питание, сенсорная стимуляция (визуальная, зрительная, тактильная), речевая среда. Институциональные условия лишены многих элементов «ожидаемого» опыта. Результатом такого дефицита средовых воздействий является незрелость ЦНС, которая не получает ключевых составляющих опыта в течение чувствительного периода развития, что нарушает процессы специализации мозговых структур и формирование проводящих путей [53]. При этом некоторые функциональные области зависимы от опыта в большей степени, чем другие, и чувствительные периоды их развития могут варьировать.

Данные исследований свидетельствуют, что еще одним важным чувствительным периодом развития является период пубертата [29; 60]. Показано, что в депривационной среде сиротского учреждения у детей младенческого возраста происходит приспособление (так называемая «калибровка») ГН системы, результатом которого является снижение ее реактивности к воздействию хронического стресса. В случае, если происходит резкая смена средовых условий (перевод ребенка из учреждения в семью), то в период полового созревания для организма открывается новое «окно возможностей», в течение которого ГН система может изменить свою реактивность («перекалиброваться»), что в свою очередь может обусловить улучшения физического и психического здоровья в постпубертатный период [29].

Результаты изучения поведенческих коррелятов наблюдаемых изменений биологических показателей свидетельствуют о формировании при длительной институциональной депривации особого поведенческого фенотипа. Так, показано, что нарушения ритма секреции кортизола могут проявляться в таких поведенческих особенностях, как повышение экстернализации, снижение концентрации внимания [32], уменьшение социальной вовлеченности, отсутствие нормативных проявлений сдержанности при взаимодействии с незнакомыми взрослыми [16]. Появление высокометилованных участков генов может сопровождаться негативными изменениями адаптивного поведения [51], а также нарушением становления модели психического [35]. Данные свидетельствуют, что незрелые и атипичные паттерны ЭЭГ, наблюдающиеся спустя 6-8 лет проживания детей с опытом институционализации в условиях семьи, могут опосредовать повышенный риск экстернализации поведения в школьном возрасте [7]. Снижение амплитуды поздних (P400) компонентов ВП, указывающее на дефицит способности к различению знакомых и незнакомых лиц, может выступать нейрональным маркером расстройственного расстройства привязанности (РаРП), наблюдаемого у детей с опытом депривации спустя несколько лет проживания в семейных условиях [54]. Последнее согласуется с данными ЭЭГ, показавшими, что увеличение низкочастотных составляющих в спектре мощности было предиктором проявлений РаРП у детей в постинституциональный период [66]. Трудности с распознаванием изображений лиц знакомых/незнакомых взрослых и их взаимосвязь с проявлениями РаРП нашли подтверждение в нейровизуализационных данных, показавших сниже-

ние активации миндалины у подростков с опытом депривации при выполнении задачи на дифференцировку изображений лица матери и незнакомого взрослого [55]. При этом дисфункция миндалины может обусловить дисрегуляцию областей, связанных с социально-эмоциональным поведением, а увеличение объема миндалевидного тела может быть предиктором тревожных расстройств и интернализации поведения, что является фактором риска развития психопатологии в более позднем возрасте [67]. В целом, полученные в исследованиях данные согласуются с моделью так называемой «корковой гипоактивации», наблюдающейся вследствие негативных эффектов раннего опыта проживания в учреждении для развития и функционирования ЦНС [53] и взаимосвязанной с долговременными нарушениями социального поведения ребенка.

Исследования показателей функционирования иммунной системы детей с опытом институционализации позволили выделить нарушения звеньев клеточного и гуморального иммунитета, что, по свидетельству авторов, может указывать на сниженную иммунную компетентность организма ребенка с опытом институционализации, выявляемую как в раннем [51], так и в подростковом возрасте [22]. В связи с тем, что в функционировании иммунной системы человека важную роль играет микробиом [6], нарушения иммунной компетентности могут быть связаны с наблюдаемыми в пост-институциональный период значительными нарушениями микробиома [11]. Кроме того, взаимосвязь комменсалов кишечника и мозга является необходимой частью гомеостаза, который не только поддерживает стабильность микробиоты, но и модулирует функции мозга и поведение.

Изучение широкого спектра биологических показателей и установление причинно-следственных связей в континууме «социальная среда — биологические маркеры — поведенческие проявления» позволяет выявить возможные механизмы, посредством которых негативный опыт институционализации в буквальном смысле «проникает под кожу» ребенка («*gets under the skin*», [26]), вызывая долговременные негативные изменения поведения и нарушения психического здоровья. В целом, депривационная среда сиротских учреждений не отвечает основным потребностям развития ребенка, ее негативное воздействие по силе и длительности может быть приравнено к хроническому стрессу [28], токсичному для всех систем развивающегося организма. В условиях хронического стресса системы, отвечающие за поддержание физиологической стабильности, вынуждены адаптироваться к длительному стрессорному воздействию, перепрограммировать свою работу, защищая таким образом весь организм от перегрузки и работы на износ. Результатом этого являются значительные функциональные и структурные перестройки в работе биологических систем [14; 29].

Полученные ранее данные, а также представленные в настоящем обзоре результаты исследований долговременных негативных последствий институционализации на биологическое и психологическое развитие и психическое здоровье ребенка привели мировое научное сообщество к твердому пониманию необходимости исключить институционализацию как форму устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [19; 25; 26]. Кроме того, проведенная в отдельных исследованиях оценка финансовых затрат на содержание детей показала, что сопровождение и поддержка замеща-

ющих семей обходятся государству дешевле, чем содержание детей в сиротских организациях [38; 49]. Помещение ребенка в сиротское учреждение может использоваться лишь в исключительных случаях при отсутствии возможности найти альтернативные семейные формы устройства. Активные меры по сохранению детей в биологических семьях, развитию и поддержке системы замещающих семей и тем самым предотвращению институциональной сегрегации соответствуют базовой потребности и праву каждого ребенка жить и воспитываться в семье.

Заключение

Результаты представленных в обзоре исследований детей, проживавших в младенческом и раннем возрасте в депривационных условиях сиротских организаций, и последующее их прослеживание после перевода в замещающие семьи свидетельствуют о наличии значительных негативных изменений морфофункционального развития головного мозга и нейрофизиологических индексов, показателей работы гипоталамо-гипофизарной надпочечниковой системы, иммунной системы, микробиома, эпигенетических показателей. Изменения показателей работы биологических систем организма, а также их поведенческих коррелятов в значительной степени связаны с характеристиками институционализации — тяжестью депривационных условий и длительностью пребывания детей в этих условиях. Существенные нарушения показателей развития, наблюдаемые после изменения условий проживания на семейные вплоть до взрослого возраста, связаны с отсутствием или значительным ограничением в период ранней институционализации необходимой для развития организма стимуляции, прежде всего взаимодействия с чувствительным, от-

зависчивым и стабильным в пространстве жизни ребенка близким взрослым. Для предотвращения нарушений развития и психического здоровья человека, связанных с долговременным влиянием раннего депривационного опыта, государственная политика в области раннего детства

и работа профессионального сообщества должны быть направлены на уважение, защиту и удовлетворение права ребенка на проживание в семье во взаимодействии и формировании отношений с эмоционально доступными родителями или постоянными близкими взрослыми.

Литература/References

1. Министерство просвещения Российской Федерации. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans?ysclid=lggurt7aod922170332 (дата обращения: 22.04.2023).
Ministerstvo prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii. Podderzhka detei-sirot i detei, ostavshikhся bez popcheniya roditel'ei [Elektronnyi resurs] [Ministry of Education of the Russian Federation Support for orphans and children left without parental care]. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans?ysclid=lggurt7aod922170332 (Accessed 22.04.2023). (In Russ.).
2. Мухамедрахимов Р.Ж., Туманьян К.Г., Чернего Д.И., Асламазова Л.А. Привязанность у детей с опытом институционализации. Часть II. Особенности привязанности у детей, проживающих в замещающих семьях // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 48–56. DOI:10.31857/S020595920012586-0
Muhamedrahimov R.J., Tuman'yan K.G., Chernego D.I., Aslamazova L.A. Privyazannost' u detei s opytom institutsionalizatsii. Chast' II. Osobennosti privyazannosti u detei, prozhivayushchikh v zameshchayushchikh sem'yakh [Attachment in children with experience of institutionalization. Part 2. Living in substitute families]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2020. Vol. 41, no. 6, pp. 48–56. DOI:10.31857/S020595920012586-0 (In Russ.).
3. Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Под ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 670 с.
Problema sirotstva v sovremennoi Rossii: Psikhologicheskii aspekt [The Problem of Orphanhood in Modern Russia: Psychological Aspect]. In Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. (eds.). Moscow: Publ. Institute of Psychology Russian Academy of Science, 2015. 670 p. (In Russ.).
4. Bakermans-Kranenburg M.J., Bunkers K.M., Dobrova-Krol N.A., Engle P., Fox N.A., Gamer G., Goldman P., Greenberg A., Groark C.J., Groza V., Gunnar M.R., Johnson D.E., Juffer F., Kreppner J.M., LeMare L., McCall R.B., Muhamedrahimov R.J., Nelson C.A., Palacios J., Zeanah C.H. The Development and Care of Institutionally Reared Children // Child Development Perspectives. 2012. Vol. 6. № 2. P. 174–180. DOI:10.1111/j.1750-8606.2011.00231.x
5. Bakermans-Kranenburg M.J., Steele H., Zeanah Ch.H., Muhamedrahimov R.J., Vorria P., Dobrova-Krol N.A., Steele M., van IJzendoorn M.H., Juffer F., Gunnar M.R. Attachment and emotional development in institutional care: Characteristics and catch up // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2011. Vol. 76. № 4. P. 62–91. DOI:10.1111/j.1540-5834.2011.00628.x
6. Belkaid Y., Hand T.W. Role of the microbiota in immunity and inflammation // Cell. 2014. Vol. 157. № 1. P. 121–141. DOI:10.1016/j.cell.2014.03.011
7. Bick J., Lipschutz R., Tabachnick A., Biekman B., Katz D., Simons R., Dozier M. Timing of adoption is associated with electrophysiological brain activity and externalizing problems among children adopted internationally // Developmental Psychobiology. 2022. Vol. 64. P. 1–15. DOI:10.1002/dev.22249
8. Bick J., Zhu T., Stamoulis C., Fox N.A., Zeanah C., Nelson C.A. Effect of early institutionalization and foster care on long-term white matter development a randomized clinical trial // JAMA Pediatrics. 2015. Vol. 169. № 3. P. 211–219. DOI:10.1001/jamapediatrics.2014.3212

9. *Bowlby J.* Attachment and loss. Vol. 1: Attachment. NY: Tavistock Institute of Human Relations, 1969. 428 p.
10. *Buxton J.L., Suderman M., Pappas J.J., Borghol N., McArdle W., Blakemore A.I.F., Hertzman C., Power C., Szyf M., Pembrey M.* Human leukocyte telomere length is associated with DNA methylation levels in multiple subtelomeric and imprinted loci // *Scientific Reports*. 2014. Vol. 4. P. 4954. DOI:10.1038/srep04954
11. *Callaghan B.L., Fields A., Gee D.G., Gabard-Durnam L., Caldera C., Humphreys K.L., Goff B., Flannery J., Telzer E.H., Shapiro M., Tottenham N.* Mind and gut: Associations between mood and gastrointestinal distress in children exposed to adversity // *Development and Psychopathology*. 2020. Vol. 32. № 1. P. 309–328. DOI:10.1017/S0954579419000087
12. *Carlson M., Earls F.* Psychological and neuroendocrinological sequelae of early social deprivation in institutionalized children in Romania // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1997. Vol. 801. № 1. P. 419–428. DOI:10.1111/j.1749-6632.1997.tb51936.x
13. *Chernego D.I., Martin C., Bernard K., Muhamedrahimov R.J., Gordon M.K., Dozier M.* Effects of institutional rearing on children's diurnal cortisol production // *Psychoneuroendocrinology*. 2019. Vol. 106. P. 161–164. DOI:10.1016/j.psyneuen.2019.04.010
14. *Danese A., McEwen B.S.* Adverse childhood experiences, allostasis, allostatic load, and age-related disease // *Physiology and Behavior*. 2012. Vol. 106. P. 29–39. DOI:10.1016/j.physbeh.2011.08.019
15. *Debnath R., Tang A., Zeanah C.H., Nelson C.A., Fox N.A.* The long-term effects of institutional rearing, foster care intervention and disruptions in care on brain electric activity in adolescence // *Developmental Science*. 2020. Vol. 23. № 1. P. e12872. DOI:10.1111/desc.12872
16. *DePasquale C., Lawler J., Koss K., Gunnar M.* Cortisol and Parenting Predict Pathways to Disinhibited Social Engagement and Social Functioning in Previously Institutionalized Children // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2020. Vol. 48. P. 797–808. DOI:10.1016/j.psyneuen.2018.01.003
17. *Dobrova-Krol N.A., van IJzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Juffer F.* Effects of perinatal HIV infection and early institutional rearing on physical and cognitive development of children in Ukraine // *Child Development*. 2010. Vol. 81. № 1. P. 237–251. DOI:10.1111/j.1467-8624.2009.01392.x
18. *Dobrova-Krol N.A., van IJzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Cyr C., Juffer F.* Physical growth delays and stress dysregulation in stunted and non-stunted Ukrainian institution-reared children // *Infant Behavior and Development*. 2008. Vol. 31. № 3. P. 539–553. DOI:10.1016/j.infbeh.2008.04.001
19. *Dozier M., Kaufman J., Kobak R., O'Connor T.G., Sagi-Schwartz A., Scott S., Shaffer C., Smetana J., van IJzendoorn M.H., Zeanah C.H.* Consensus statement on group care for children and adolescents: A statement of policy of the American orthopsychiatric association // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2014. Vol. 84. № 3. P. 219–225. DOI:10.1037/ort0000005
20. *Drury S.S., Theall K., Gleason M.M., Smyke A.T., De Vivo I., Wong J.Y., Nelson C.A.* Telomere length and early severe social deprivation: linking early adversity and cellular aging // *Molecular Psychiatry*. 2012. Vol. 17. P. 719–727.
21. *Elwenspoek M.M.C., Sias K., Hengesch X., Schaan V.K., Leenen F.A.D., Adams P., Turner J.D.* T cell immunosenescence after early life adversity: association with cytomegalovirus infection // *Frontiers in Immunology*. 2017. Vol. 8. P. 1263. URL: <http://hdl.handle.net/10993/32680>
22. *Esposito E.A., Jones M.J., Doom J.R., MacIsaac J.L., Gunnar M.R., Kobor M.S.* Differential DNA methylation in peripheral blood mononuclear cells in adolescents exposed to significant early but not later childhood adversity // *Developmental Psychopathology*. 2016. Vol. 28. P. 1385–1399. DOI:10.1017/S0954579416000055
23. *Fox S.E., Levitt P., Nelson C.A.* How the timing and quality of early experiences influence the development of brain architecture // *Child Development*. 2010. Vol. 81. № 1. P. 28–40. DOI:10.1111/j.1467-8624.2009.01380.x

24. *Greenough W.T., Black J.E., Wallace C.S.* Experience and brain development // *Child Development*. 1987. Vol. 58. № 3. P. 539–559.
25. *Goldman P.S., Bakermans-Kranenburg M.J., Bradford B., Christopoulos A., Ken P.L.A., Cuthbert C., Duchinsky R., Fox N.A., Grigoras S., Gunnar M.R., Ibrahim R.W., Johnson D., Kusumaningrum S., Agastya N.L.P.M., Mwangangi F.M., Nelson C.A., Ott E.M., Reijman S., van IJzendoorn M.H., Sonuga-Barke E.J.S.* Institutionalization and deinstitutionalization of children 2: policy and practice recommendations for global, national, and local actors // *The Lancet Child and Adolescent Health*. 2020. Vol. 4. № 8. P. 606–633. DOI:10.1016/S2352-4642(20)30060-2
26. *Gunnar M.R., Bowen M.* What was learned from studying the effects of early institutional deprivation // *Pharmacology Biochemistry and Behavior*. 2021. Vol. 210. P. 173–272. DOI:10.1016/j.pbb.2021.173272
27. *Gunnar M.R., DePasquale C.E., Reid B.M., Donzella B.* Pubertal stress recalibration reverses the effects of early life stress in postinstitutionalized children // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2019. Vol. 116. № 48. P. 23984–23988. DOI:10.1073/pnas.1909699116
28. *Gunnar M.R., Quevedo K.* The neurobiology of stress and development // *Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 145–173. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085605
29. *Gunnar M.R., Reid B.M.* Early Deprivation Revisited: Contemporary Studies of the Impact on Young Children of Institutional Care // *Annual Review of Developmental Psychology*. 2019. Vol. 1. P. 93–118. DOI:10.1146/annurev-devpsych-121318
30. *Humphreys K.L., Esteves K., Zeanah C.H., Fox N.A., Nelson C.A., Drury S.A.* Accelerated telomere shortening: tracking the lasting impact of early institutional care at the cellular level // *Psychiatry Research*. 2016. Vol. 246. P. 95–100. DOI:10.1016/j.psychres.2016.09.023
31. *Koss K.J., Mliner S.B., Donzella B., Gunnar M.R.* Early adversity, hypocortisolism, and behavior problems at school entry: A study of internationally adopted children // *Psychoneuroendocrinology*. 2015. Vol. 66. P. 31–38. DOI:10.1016/j.psyneuen.2015.12.018
32. *Koss K.J., Mliner S.B., Donzella B., Gunnar M.R.* Early adversity, hypocortisolism, and behavior problems at school entry: a study of internationally adopted children // *Psychoneuroendocrinology*. 2016. Vol. 66. P. 31–38. DOI:10.13140/RG.2.1.2672.2800
33. *Kroupina M.G., Fuglestad A.J., Iverson S.L., Himes J.H., Mason P.W., Gunnar M.R., Miller B.S., Petryk A., Johnson D.E.* Adoption as an intervention for institutionally reared children: HPA functioning and developmental status // *Infant Behavior and Development*. 2012. Vol. 35. № 4. P. 829–837. DOI:10.1016/j.infbeh.2012.07.011
34. *Kumsta R., Kreppner J., Kennedy M., Knights N., Rutter M., Sonuga-Barke E.J.* Psychological Consequences of Early Global Deprivation // *European Psychologist*. 2015. Vol. 20. № 2. P. 138–151. DOI:10.1027/1016-9040/a000227
35. *Kumsta R., Marzi S.J., Viana J., Dempster E.L., Crawford B., Rutter M., Sonuga-Barke E.J.* Severe psychosocial deprivation in early childhood is associated with increased DNA methylation across a region spanning the transcription start site of CYP2E1 // *Translational Psychiatry*. 2016. Vol. 6. № 6. P. e830. DOI:10.1038/tp.2016.95
36. *Kumsta R., Schlotz W., Golm D., Moser D., Kennedy M., Knights N., Kreppner J., Maughan B., Rutter M., Sonuga-Barke E.* HPA axis dysregulation in adult adoptees twenty years after severe institutional deprivation in childhood // *Psychoneuroendocrinology*. 2017. Vol. 86. P. 196–202. DOI:10.1016/j.psyneuen.2017.09.021
37. *Leneman K.B., Donzella B., Desjardins C.D., Miller B.S., Gunnar M.R.* The slope of cortisol from awakening to 30 min post-wake in postinstitutionalized children and early adolescents // *Psychoneuroendocrinology*. 2018. Vol. 96. P. 93–99. DOI:10.1016/j.psyneuen.2018.06.011
38. *Lumos Lumos'* contribution to the public consultation on EU funds in the area of values and mobility: ending volunteering in institutions for children. 2018. URL: https://lumos.contentfiles.net/media/documents/document/2018/04/18_01_30__Lumos_contribution_values_and_mobility.pdf (Accessed 24.04.2023).

39. Mackes N.K., Golm D., Sarkar S., Kumsta R., Rutter M., Fairchild G., Mehta M.A., Sonuga-Barke E.J.S. Early childhood deprivation is associated with alterations in adult brain structure despite subsequent environmental enrichment // PNAS. 2020. Vol. 117. P. 641–649. DOI:10.1073/pnas.1911264116
40. Marshall P.J., Fox N.A. A comparison of the electroencephalogram between institutionalized and community children in Romania // Journal of Cognitive Neuroscience. 2004. Vol. 6. № 8. P. 1327–1338. DOI:10.1162/0898929042304723
41. Marshall P.J., Reeb B.C., Fox N.A., Nelson C.A., Zeanah C.H. Effects of early intervention on EEG power and coherence in previously institutionalized children in Romania // Developmental Psychopathology. 2008. Vol. 20. № 3. P. 861–880. DOI:10.1017/S0954579408000412
42. McCall R.B., Muhamedrahimov R.J., Groark Ch.J., Palmov O.I., Nikiforova N.V., Salaway J., Julian M. The development of postinstitutionalized versus parent-reared Russian children as a function of age at placement and family type // Development and Psychopathology. 2016. Vol. 28. № 1. P. 251–264. DOI:10.1017/S0954579415000425
43. McLaughlin K.A., Sheridan M.A., Tibu F., Fox N.A., Zeanah C.H., Nelson C.A. Causal effects of the early caregiving environment on development of stress response systems in children // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2015. Vol. 112. № 18. P. 5637–5642. DOI:10.1073/pnas.1423363112
44. Mehta M.A., Golembi N.I., Nosarti C., Colvert E., Mota A., Williams S.C.R., Rutter M., Sonuga-Barke E.J.S. Amygdala, hippocampal and corpus callosum size following severe early institutional deprivation: The English and Romanian Adoptees study pilot // Child Psychological Psychiatry. 2009. Vol. 50. P. 943–951. DOI:10.1111/j.1469-7610.2009.02084.x
45. Miller G.E., Chen E., Parker K.J. Psychological stress in childhood and susceptibility to the chronic diseases of aging: Moving toward a model of behavioral and biological mechanisms // Psychological Bulletin. 2011. Vol. 137. № 6. P. 959–997. DOI:10.1037/a0024768
46. Moulson M.C., Fox N.A., Zeanah C.H., Nelson C.A. Early adverse experiences and the neurobiology of facial emotion processing // Developmental Psychology. 2009. Vol. 45. № 1. P. 17–30. DOI:10.1037/a0014035
47. Muhamedrahimov R.J., Arintcina I.A., Solodunova M.Y., Anikina V.O., Vasilyeva M.J., Chernogo D.I., Tsvetkova L.A., Grigorenko E.L. Structural characteristics of the institutional environment for young children // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. № 3. P. 103–112. DOI:10.11621/pir.2016.0307
48. Muhamedrahimov R.J., Shabalina E.V., Palmov O.I., Nikiforova N.V. Caregiver-Child Interaction in Children Placed into Different Types of Russian Families Following an Institutional Intervention // Adoption Quarterly. Published online 22 Dec 2022. DOI:10.1080/10926755.2022.2156640
49. Mulheir G. Ending institutionalisation: an analysis of the financing of the deinstitutionalisation process in Bulgaria. Lumos. 2015. URL: https://bettercarenetwork.org/sites/default/files/Finance_BG_online_final_2.pdf (Accessed 24.04.2023).
50. Naumova O.Y., Lee M., Koposov R., Szyf M., Dozier M., Grigorenko E.L. Differential patterns of whole-genome DNA methylation in institutionalized children and children raised by their biological parents // Development and Psychopathology. 2012. Vol. 24. № 1. P. 143–155. DOI:10.1017/S0954579411000605
51. Naumova O.Y., Rychkov S.Y., Kornilov S.A., Odintsova V.V., Anikina V.O., Solodunova M.Y., Grigorenko E.L. Effects of early social deprivation on epigenetic statuses and adaptive behavior of young children: a study based on a cohort of institutionalized infants and toddlers // PLoSOne. 2019. Vol. 14. № 3. P. e0214285. DOI:10.1371/journal.pone.0214285
52. Nelson C.A., Fox N.A., Zeanah C.H. Romania's abandoned children: deprivation, brain development and the struggle for recovery. Cambridge: Harvard University Press, 2014.
53. Nelson C.A., Zeanah C.H., Fox N.A. How early experience shapes human development: The case of psychosocial deprivation // Neural Plasticity. 2019. Vol. 2019. DOI:10.1155/2019/1676285

54. *Oliveira P.S., Fearon P., Belsky J., Mesquita A.R., Sampaio A., Pinal D., Soares I.* Neural correlates of face familiarity in institutionalized children and links to attachment disordered behavior // *Child Psychological Psychiatry*. 2023. Vol. 64. P. 736–746. DOI:10.1111/jcpp.13728
55. *Olsavsky A.K., Telzer E.H., Shapiro M., Humphreys K.L., Flannery J., Goff B., Tottenham N.* Indiscriminate amygdala response to mothers and strangers after early maternal deprivation // *Biological Psychiatry*. 2013. Vol. 74. P. 853–860. DOI:10.1016/j.biopsych.2013.05.025
56. *Ovchinnikova I., Zhukova M.A., Luchina A., Petrov M.V., Vasilyeva M.J., Grigorenko E.L.* Auditory Mismatch Negativity Response in Institutionalized Children // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2019. Vol. 13. P. 1–8. DOI:10.3389/fnhum.2019.00300
57. *Parker S.W., Nelson C.A.* An event-related potential study of the impact of institutional rearing on face recognition // *Development and Psychopathology*. 2005. Vol. 17. № 3. P. 621–639. DOI:10.1017/S0954579405050303
58. *Parker S.W., Nelson C.A.* The impact of early institutional rearing on the ability to discriminate facial expressions of emotion: an event-related potential study // *Child Development*. 2005. Vol. 76. № 1. P. 54–72. DOI:10.1111/j.1467-8624.2005.00829.x
59. *Petrowski N., Cappa C., Gross P.* Estimating the number of children in formal alternative care: Challenges and results // *Child Abuse and Neglect*. 2017. Vol. 70. P. 388–398. DOI:10.1016/j.chiabu.2016.11.026
60. *Quevedo K., Johnson A.E., Loman M.L., Lafavor T.L., Gunnar M.* The confluence of adverse early experience and puberty on the cortisol awakening response // *International Journal of Behavioral Development*. 2012. Vol. 36. № 1. P. 19–28. DOI:10.1177/0165025411406860
61. *Reid B.M., Coe C.L., Doyle C.M., Sheerar D., Slukvina A., Donzella B., Gunnar M.R.* Persistent skewing of the T-cell profile in adolescents adopted internationally from institutional care // *Brain, Behavior, and Immunity*. 2019. Vol. 77. P. 168–177. DOI:10.1016/j.bbi.2019.01.001
62. *Reid B.M., Horne R., Donzella B., Szamosi J.C., Coe C.L.* Microbiota-immune alterations in adolescents following early life adversity: A proof of concept study // *Developmental Psychobiology*. 2020. Vol. 63. № 5. P. 851–863. DOI:10.1002/dev.22061
63. *Sheridan M.A., Mukerji C.E., Wade M., Humphreys K.L., Garrisi K., Goel S., Patel K., Fox N.A., Zeanah C.H., Nelson C.A., McLaughlin K.A.* Early deprivation alters structural brain development from middle childhood to adolescence // *Science Advances*. 2022. Vol. 8. № 40. P. eabn4316. DOI:10.1126/sciadv.abn4316
64. *Short A.K., Baram T.Z.* Early-life adversity and neurological disease: age-old questions and novel answers // *Nature Reviews Neurology*. 2019. Vol. 15. № 11. P. 657–669. DOI:10.1038/s41582-019-0246-5
65. *Stern D.N.* The interpersonal world of the infant: A view from psychoanalysis and developmental psychology. New York: Basic Books, 1985. 352 p.
66. *Tarullo A.R., Garvin M.C., Gunnar M.R.* Atypical EEG power correlates with indiscriminately friendly behavior in internationally adopted children // *Developmental Psychology*. 2011. Vol. 47. P. 417–431. DOI:10.1037/a0021363
67. *Tottenham N.* The importance of early experiences for neuro-affective development // *The Neurobiology of Childhood*. 2014. Vol. 16. P. 109–129. DOI:10.1007/7854_2013_254
68. *van IJzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Duschinsky R., Fox N.A., Goldman P.S., Gunnar M.R., Johnson D.E., Nelson C.A., Reijman S., Skinner G.C.M., Zeanah C.H., Sonuga-Barke E.J.S.* Institutionalisation and deinstitutionalisation of children 1: a systematic and integrative review of evidence regarding effects on development // *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7. № 8. P. 703–720. DOI:10.1016/S2215-0366(19)30399-2
69. *van IJzendoorn M.H., Palacios J., Sonuga-Barke E.J.S., Gunnar M.R., Vorria P., McCall R.B., le Mare L., Bakermans-Kranenburg M.J., Dobrova-Krol N.A., Juffer F.* Children in institutional care: Delayed development and resilience // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2011. Vol. 76. № 4. P. 8–30. DOI:10.1111/j.1540-5834.2011.00626.x

70. *Vanderwert R.E., Marshall P.J., Nelson C.A., Zeanah C.H., Fox N.A.* Timing of intervention affects brain electrical activity in children exposed to severe psychosocial neglect // PLoS ONE. 2010. Vol. 5. № 7. P. 3–7. DOI:10.1371/journal.pone.0011415
71. *Vanderwert R.E., Zeanah C.H., Fox N.A., Nelson C.A.* Normalization of EEG activity among previously institutionalized children placed into foster care: A 12-year follow-up of the Bucharest Early Intervention Project // Developmental Cognitive Neuroscience. 2016. Vol. 17. P. 68–75. DOI:10.1016/j.dcn.2015.12.004
72. *Wade M., Fox N.A., Zeanah C.H., Nelson C.A., Drury S.S.* Telomere length and psychopathology: specificity and direction of effects within the Bucharest early intervention project // Child and Adolescent Psychiatry. 2020. Vol. 59. P. 140–148. DOI:10.1016/j.jaac.2019.02.013
73. *Woodhouse S., Miah A., Rutter M.* A new look at the supposed risks of early institutional rearing // Psychological Medicine. 2018. Vol. 48. P. 1–10. DOI:10.1017/S0033291717001507
74. *Zeanah C.H., Gunnar M.R., McCall R.B., Kreppner J.M., Fox N.A.* VI. Sensitive Periods // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2011. Vol. 76. № 4. P. 147–162. DOI:10.1111/j.1540-5834.2011.00631.x

Информация об авторах

Черного Дарья Ивановна, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9166-5435>, e-mail: chernego@gmail.com

Васильева Марина Юрьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии, биологический факультет, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4955-0065>, e-mail: marinajv@list.ru

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3532-5019>, e-mail: rjm@list.ru

Information about the authors

Daria I. Chernego, PhD in Psychology, Research Scientist of Department of Child and Parent Mental Health and Early Intervention, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9166-5435>, e-mail: chernego@gmail.com

Marina J. Vasilyeva, PhD in Biology, Senior Research Scientist of Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4955-0065>, e-mail: marinajv@list.ru

Rifkat J. Muhamedrahimov, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of Child and Parent Mental Health and Early Intervention, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3532-5019>, e-mail: rjm@list.ru

Получена 28.04.2023

Received 28.04.2023

Принята в печать 23.05.2023

Accepted 23.05.2023

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков

Корниенко Д.С.

**ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(ФГБНУ «ПИ РАО»)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Руднова Н.А.

**ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(ФГБНУ «ПИ РАО»)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Гордеева Т.О.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ)**, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Сычев О.А.

**ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ имени В.М. Шукшина),
г. Бийск, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Егоров В.А.

**Некоммерческая организация «Целевой фонд будущих поколений Республики Саха
(Якутия)» (НО «ЦФБП РС(Я)»)**, г. Якутск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>, e-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Веракса А.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), ФГБНУ «Психологический институт
Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»)**,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7187-6080>, e-mail: veraksa@yandex.ru

Цель. Анализ различий в проявлении зависимости от социальных сетей в связи с различной выраженностью характеристик социального здоровья (одиночества и социальной поддержки).

Контекст и актуальность. Одиночество и социальная поддержка рассматриваются как показатели социального здоровья подростка, характеризующие внутреннее переживание изолиро-

ванности от других и широту круга контактов, к которым подросток может обратиться за помощью. Ранее вопрос об их соотношении в контексте зависимости от социальных сетей не рассматривался.

Дизайн исследования. Исследование реализовано как сравнительный анализ показателей зависимости от социальных сетей, мотивов и формальных характеристик использования социальных сетей среди подростков, отличающихся соотношением одиночества и социальной поддержки.

Участники. Выборку исследования составили 6405 подростков в возрасте от 13 до 18 лет ($M = 15$, $SD = 1,46$), 42,2% — юноши, являющиеся учащимися образовательных учреждений г. Якутска (Республика Саха (Якутия)).

Методы (инструменты). Трехпунктовая шкала одиночества, Шкала социальной поддержки, Бергенская шкала зависимости от социальных сетей. Были выявлены мотивы использования социальных сетей и формальные характеристики их использования.

Результаты. Были выделены группы подростков, отличающихся в выраженности одиночества и социальной поддержки, которые обнаруживают значимые различия в проявлении зависимости от социальных сетей. Специфика групп с различным соотношением одиночества и социальной поддержки обнаруживается в мотивах использования социальных сетей и формальных характеристиках (время, количество друзей). В группе подростков с высоким показателем одиночества и низкой социальной поддержкой проявляется эффект компенсации и обеднения, когда использование социальных сетей приводит к негативным результатам и формирует зависимость. Подростки с низким показателем одиночества и высокой социальной поддержкой, наоборот, обнаруживают позитивный эффект от использования социальных сетей.

Основные выводы. Среди показателей социального здоровья высокий уровень одиночества подростка может приводить к большей выраженности зависимости от социальных сетей. Также обнаружено, что зависимость от социальных сетей может иметь в основе не непосредственно коммуникативные мотивы, а мотивы, направленные на установление и поддержание связей с группой, объединенной общими игровыми интересами.

Ключевые слова: социальное здоровье; одиночество; социальная поддержка; зависимость от социальных сетей; подростки.

Для цитаты: Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А., Веракса А.Н. Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 28–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140203>

Loneliness and Social Support as Characteristics of Social Health and Factors of Social Media Addiction among Adolescents

Dmitry S. Kornienko

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Natalia A. Rudnova

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Tamara O. Gordeeva

Lomonosov Moscow State University, Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Oleg A. Sychev

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Vladimir A. Egorov

Trust Fund of Future Generations in the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>, e-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Aleksander N. Veraksa

Lomonosov Moscow State University, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7187-6080>, e-mail: veraksa@yandex.ru

Objective. *The goal of the study was to look at how different levels of social health (loneliness and social support) show up in different ways in terms of how dependent people are on their social networks.*

Background. *Loneliness and social support are considered as indicators of a teenager's social health, characterizing the inner experience of isolation from others and the breadth of the circle of contacts that a teenager can turn to for help. Previously, the question of their relationship in the context of their dependence on social networks was not considered.*

Study design. *The current study examined the differences in social media addiction, motive, and formal characteristics of social media use among groups of adolescents with different levels of social health (loneliness and social support).*

Participants. *The study sample was made up of 6405 13–18-year-olds ($M = 15$, $SD = 1,46$), 42,2% of them male, who went to school in Yakutsk, which is in the Republic of Sakha (Yakutia).*

Measurements. *The following methods were used: the three-point Loneliness Scale, the Social Support Scale, and the Bergen Social Network Addiction Scale. The motives for using social networks and the formal characteristics of their use were identified.*

Results. *Teenagers were put into groups based on how lonely they were and how much social support they had. These groups show that dependence on social networks shows up in various ways. The groups with different levels of loneliness and social support can be identified by the reasons they use social networks and the way they work (how long they use them and how many friends they have). The use of social networks by adolescents with high levels of loneliness and low levels of social support leads to negative results and forms addiction due to the effects of compensation and diminution. Adolescents with low loneliness and high social support, on the other hand, demonstrate positive effects from the use of social networks.*

Conclusions. *Among indicators of social health, low social support for an adolescent may lead to greater dependence on social networks. It was also found that dependence on social networks may be based not on direct communicative motives but on motives aimed at establishing and maintaining ties with a group united by common gaming interests.*

Keywords: *social health; loneliness; social support; social media addiction; adolescents.*

For citation: Kornienko D.S., Rudnova N.A., Gordeeva T.O., Sychev O.A., Egorov V.A., Veraksa A.N. Loneliness and Social Support as Characteristics of Social Health and Factors of Social Media Addiction among Adolescents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 28–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140203> (In Russ.).

Введение

Цифровая трансформация общества, которая только ускорилась из-за политики изоляции населения во время пандемии коронавируса SARS-CoV-2, привела к росту использования информационных технологий для реализации различных социальных процессов [5]. Информационные технологии стали атрибутом повседневной жизни современного человека и имеют как положительное, так и отрицательное влияние на различные аспекты физического и психологического здоровья, а ряд авторов поднимают вопрос о негативном влиянии цифровизации на социальное здоровье (например, [4; 15]).

Социальное здоровье человека можно определить как «устойчивое состояние социального благополучия, обеспечивающее успешность функционирования, социализации и самореализации личности в условиях современного информационного общества» [2]. Одним из важнейших его показателей ряд авторов называет способность человека контактировать с социумом, что особенно важно для подростков и юношей, так как данная способность является значимым фактором дальнейшей адаптации человека в обществе (например, [3]). Цифровизация предлагает для реализации этой способности отдельный инструмент — социальные сети — интерактивные сайты, которые создают автоматизированную социальную среду [7].

Социальные сети являются неотъемлемым контекстом социализации, что подтверждается рядом работ [5]. Большинство авторов, однако, обращает внимание либо на личностные предикторы зависимого поведения [13], либо, например, на нормативы поведения в социальных сетях [9]. При этом вопросы социального здоровья, особенно у лиц

подросткового и юношеского возрастов, остаются вне поля внимания.

Зависимость от социальных сетей

Значимость сетей для социального здоровья связана с их функциями, которые могут использоваться для расширения круга контактов, поддержания связей, получения поддержки. Однако увлеченность социальными сетями приводит к тому, что пользователи не могут отказаться от них даже на короткое время, испытывают негативные эмоциональные переживания при ограничении или прерывании контакта и стремятся постоянно быть онлайн [11].

В рамках психологии цифровизации предложены понятия, описывающие зависимое поведение в отношении социальных сетей, а именно — интенсивность использования [28], навязчивость использования [29] и интеграция в ежедневную активность [11]. Указанные понятия содержательно близки, отражают частоту и психологические особенности использования социальных сетей. Однако проблема зависимости от социальных сетей имеет свое собственное содержание: если для интернет-зависимости уже предложено несколько теоретических моделей [17], то для феномена зависимости от социальных сетей они еще разрабатываются.

Наиболее перспективным для рассмотрения содержания феномена зависимости от социальных сетей является сопоставление с характеристиками аддиктивного поведения: поглощенностью, управлением эмоциями, толерантностью к воздействию, синдромом отмены, конфликтностью и снижением контроля [31].

Поглощенность проявляется как то, что активность в социальных сетях становится наиболее значимой в жизни человека, занимая все переживания, мысли

и время [33]. Зависимый пользователь испытывает положительные переживания, когда заходит на свою страницу или в новостную ленту, перестает думать о своих проблемах и не чувствует одиночества [44]. С течением времени растет потребность в интенсивности использования (повышается толерантность), что проявляется в увеличении времени, проводимого в сети [23]. Синдром отмены проявляется как искаженное восприятие времени вне социальных сетей, которое кажется более длительным и доставляет меньше удовольствия [43]. Неспособность контролировать поведение как проявление зависимости от социальных сетей связана с неэффективными попытками снижения частоты использования социальных сетей [47]. Еще одна характеристика зависимости — конфликтность. Она проявляется в игнорировании иных видов активности и может вызывать проблемы межличностных отношений, что особенно важно для прогнозирования социального здоровья, поскольку зависимость от социальных сетей зачастую приводит к межличностным конфликтам и снижает социальное благополучие [21].

Использование социальных сетей и социальное здоровье

В настоящее время проблема благополучия и здоровья в психологии находит свое рассмотрение в различных отраслях и с использованием различных терминов: психологическое благополучие и здоровье, социальное благополучие и здоровье, психологическое и социальное самочувствие. Подобное разнообразие позволяет исследователям обращаться к различным составляющим благополучия и здоровья, однако и создает сложности для поиска общих методологических основ.

Понятие социального здоровья рассматривается с позиции психологии

здоровья преимущественно в исследованиях, ориентированных на социальные и психологические компоненты среды пациентов клиник [32]. При этом социальное здоровье не находится в фокусе исследований, хотя имеет прикладное значение для социальной интеграции людей с различными заболеваниями [32]. В таком контексте социальное здоровье рассматривается как включающее социальное функционирование, как способность участвовать в социальных взаимодействиях и социальные отношения, как стремление к поддержанию дружбы, эмоциональной, информационной, инструментальной поддержки или социальной изоляции [41].

В социологии и социальной психологии подробно рассматривается понятие «социальное самочувствие», которое определяется как эмоционально-оценочная реакция на социальные изменения и собственное положение в меняющемся обществе [6]. Социальное самочувствие может рассматриваться как мера социальной адаптированности человека к окружающей действительности и входит в структуру социальных настроений. Отличают психологическое и социальное самочувствие: в первом выделяют эмоциональные и рефлексивные характеристики, тогда как во втором больше уделяется внимания когнитивным и объективным параметрам социального окружения человека [14]. Некоторые авторы акцентируют внимание на то, что социальное самочувствие выражает отношение к окружающей действительности [10] и включает психологическое самочувствие как личностную характеристику [16].

Третьим понятием, активно используемым в контексте социального и психологического здоровья, является благополучие (well-being). На сегодняшний день существует множество работ, рас-

смастривающих благополучие и его составляющие как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях (например, [38]). Вместе с тем обращение именно к социальному благополучию как отдельному феномену не является частым. Социальное благополучие рассматривается прежде всего как социальная поддержка — поддержка членов семьи или друзей [22], и может входить в представление о ментальном здоровье [45].

В целом социальное здоровье является широким термином, объединяющим различные социально-психологические качественные и количественные характеристики, описывающие особенности взаимодействия и его результаты.

Исследования психологического и социального благополучия и использования социальных сетей обращаются к рассмотрению разных характеристик социальных взаимодействий — социальной поддержки, количества друзей онлайн и офлайн, проявления кибербуллинга, участия родителей в онлайн-активности детей, а также формальных характеристик использования социальных сетей (время, проводимое в социальных сетях, их количество).

В связи с этим представляется целесообразным при характеристике социального здоровья выделить две составляющие: внешнюю, связанную с формальной включенностью в социальные группы, наличием поддержки от других, и внутреннюю, связанную с субъективной оценкой включенности в социум, переживанием связности с другими или, наоборот, покинутости и в целом одиночества.

Исследования связи активности в социальных сетях и социальных характеристик опираются на две гипотезы: гипотезу обогащения, утверждающую, что использование социальных сетей оказывает положительный эффект для тех, кто уже имеет широкие социальные связи,

и гипотезу компенсации, которая предлагает противоположное объяснение — положительный эффект использования социальных сетей проявляется для тех, кто испытывает трудности с реальным взаимодействием [26]. В качестве социальных характеристик психологического благополучия рассматриваются: личностные черты, описывающие особенности социальных отношений, например, экстраверсия-интроверсия; наличие проблем в отношениях с другими — одиночество или социальная тревожность; социальная поддержка [35].

Одним из дискуссионных вопросов при обсуждении результатов исследований включения социальных медиа в жизнь подростков является вопрос о зависимости от социальных сетей, а не просто об активном их использовании [12]. Существуют данные, что люди, склонные к зависимости от социальных сетей, ощущают реальные отношения небезопасными для себя и менее вовлечены в сообщества в реальной жизни [37]. Подростки, имеющие негативный опыт отношений со сверстниками в реальности, стремятся компенсировать это использованием социальных сетей [46], что подтверждается данными о преобладании социальных мотивов у лиц, зависимых от социальных сетей [18]. При этом ввиду эффекта онлайн-растормаживания [1] подростки, обращающиеся в социальные сети за поддержкой, могут получить лишь негативный отклик.

Исследования связи социального здоровья и использования социальных сетей подчеркивают важность разделения активного и проблемного использования социальных сетей, так как возникающие эффекты противоположны [39].

В контексте проблемы социального здоровья становится актуальным вопрос о том, насколько переживание одиноче-

ства и социальной поддержки сказывается на проявлении зависимого от социальных сетей поведения. Переживание одиночества рассматривается как составляющая психологического благополучия и описывает степень изолированности подростка от других, а социальная поддержка, несмотря на субъективную оценку, характеризует широту круга контактов, к которым может обратиться подросток за помощью.

Цель исследования — анализ различий в проявлении зависимости от социальных сетей в связи с различной выраженностью характеристик социального здоровья (одиночество и социальная поддержка). Частной задачей данного исследования стало установление психометрических характеристик русской адаптации Бергенской шкалы зависимости от социальных сетей (С. Андерсен и др.) (Bergen Social Media Addiction Scale, BSMAS) [27], которые, несмотря на имеющиеся обзоры данной методики [8], ранее представлены не были.

Метод

Выборка исследования. Для анализа психометрических показателей использовались результаты, полученные от 6405 респондентов в возрасте от 13 до 18 лет ($M = 15$, $SD = 1,46$), 42,2% — юноши. Респонденты являются учащимися средних и средних профессиональных образовательных учреждений г. Якутска (Республика Саха (Якутия)). Опрос проводился в индивидуальном порядке, на добровольной основе. Процедура сбора данных соответствует этическим стандартам Российского психологического общества.

Методики исследования

Трехпунктовая шкала одиночества [42]. Шкала включает три утверждения

относительно отсутствия дружеских отношений, ощущения покинутости и изоляции, с которыми респондент выражает согласие или несогласие, используя шкалу от 1 («никогда») до 5 («постоянно»). Альфа Кронбаха — 0,86.

Степень **социальной поддержки** подростка предполагала оценку вероятности обращения к различным сверстникам и взрослым при ответе на вопрос «Если у меня возникают проблемы, то я обращаюсь за помощью к...» по шкале от 1 («никогда») до 5 («очень часто») [25]. Альфа Кронбаха — 0,64.

Бергенская шкала зависимости от социальных сетей, разработанная С. Андерсен с коллегами [20], включает шесть пунктов, описывающих основные характеристики зависимости: заикленность, рост устойчивости к воздействию, использование социальных сетей для изменения настроения, переживание дискомфорта при попытках сократить их использование, потеря контроля и конфликт с другими сферами жизни [31]. Респондент оценивает свой опыт использования социальных сетей в течение последнего года, используя 5-балльную шкалу Лайкерта: от 1 («очень редко») до 5 («очень часто»). Шкала адаптирована для использования на различных языках и демонстрирует однофакторную структуру и высокие психометрические показатели валидности и надежности. Пункты были переведены на русский язык в соответствии с рекомендациями по адаптации психодиагностических инструментов, используемых в кросс-культурных исследованиях (см. приложение) [24].

В качестве формальных характеристик использования социальных сетей были использованы следующие показатели: количество социальных сетей, которыми пользуется респондент, субъек-

тивная оценка времени, проводимого в сетях, количество друзей, также респондентам были заданы вопросы о мотивах использования социальных сетей (быть на связи со знакомыми людьми, узнавать новых людей, играть в игры, публиковать собственную информацию) [25].

Обработка данных осуществлялась в программе Jamovi, использовались кластерный, корреляционный, регрессионный и дисперсионный анализы.

Результаты

Психометрические характеристики русскоязычной версии Бергенской шкалы зависимости от социальных сетей

Пункты русскоязычной версии Бергенской шкалы зависимости от социальных сетей (С. Андерсен и др.) были использованы для выявления структуры методики. Предварительный анализ показал возможность проведения факторного анализа — тест Бартлетта: $\chi^2 = 7958$, $df = 15$, $p < 0,001$; коэффициент адекватности факторной структуры $KMO = 0,83$. Результаты факторного анализа с вращением варимакс показали, что все пункты входят в один фактор, который объясняет 45,6% дисперсии. Значения факторных нагрузок варьируют от 0,544 до 0,743. Конфирматорный анализ показал следующие значения коэффициентов пригодности модели: $CFI = 0,976$; $RMSEA = 0,056$ [$CI\ 90\% 0,049; 0,063$], $TLI = 0,96$.

Шкала продемонстрировала высокие показатели надежности (альфа Кронбаха — 0,759; омега Макдональда — 0,761), при удалении пунктов надежность не возрастала.

Были подсчитаны корреляции суммарного балла по шкале зависимости от социальных сетей с формальными характеристиками использования социальных сетей. Корреляционный анализ показал,

что зависимость от социальных сетей положительно связана с количеством социальных сетей ($r = 0,114$; $p < 0,001$), друзей в социальных сетях ($r = 0,060$; $p < 0,001$) и временем, проводимым в социальных сетях ($r = 0,252$; $p < 0,001$).

Зависимость от социальных сетей коррелирует с мотивами «быть на связи» со знакомыми людьми ($r = 0,085$; $p < 0,001$), «узнавать новых людей» ($r = 0,224$; $p < 0,001$), «играть в игры» ($r = 0,139$; $p < 0,001$) и с публикацией собственной информации ($r = 0,276$; $p < 0,001$).

Показатель одиночества ($r = 0,397$; $p < 0,001$) и показатель социальной поддержки ($r = 0,081$; $p < 0,001$) положительно связаны с зависимостью от социальных сетей. Связь между социальной поддержкой и одиночеством отрицательная ($r = -0,199$; $p < 0,001$). Также была сделана регрессионная модель, включавшая социальную поддержку как предиктор зависимости от социальных сетей при контроле одиночества ($R^2 = 0,18$, $\Delta R^2 = 0,027$; $F(1\ 6402) = 208$, $p < 0,001$). В результате обнаружен слабый положительный вклад социальной поддержки ($\beta = 0,17$; $t = 14,4$; $p < 0,001$) в сравнении с одиночеством ($\beta = 0,43$; $t = 37,4$; $p < 0,001$).

Одиночество и социальная поддержка как факторы различий в использовании социальных сетей

Для выделения групп подростков, отличающихся по выраженности показателей одиночества и социальной поддержки, был проведен кластерный анализ по методу k-средних. В результате было выделено четыре группы, описательная статистика изучаемых показателей для них приведена в таблице.

Первая группа высоко оценивает собственную оторванность от других, но

Таблица

Средние и стандартные отклонения показателей в группах с различным соотношением одиночества и социальной поддержки

Показатели	Вся выборка		Группа 1 (N = 1470)		Группа 2 (N = 1820)		Группа 3 (N = 1709)		Группа 4 (N = 1406)	
	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение								
Одиночество	2,70	1,09	3,28	0,58	3,82	0,67	1,85	0,57	1,71	0,51
Социальная поддержка	2,36	0,76	2,93	0,49	1,74	0,41	1,89	0,41	3,14	0,51
Зависимость от социальных сетей	15,90	5,13	17,60	4,53	17,40	4,99	13,80	4,74	14,50	5,06
Время в социальных сетях (мин.)	179,0	78,4	176,9	78,9	193,5	71,8	177,0	79,7	164,6	81,3
Количество друзей в социальных сетях	60,1	50,3	64,3	50,8	49,1	47,5	58,7	49,6	71,6	51,3
Количество социальных сетей	4,27	1,80	4,27	1,85	4,48	1,77	4,15	1,77	4,14	1,79
Быть на связи со знакомыми людьми	3,93	0,95	3,96	0,89	3,85	0,99	3,82	1,00	4,12	0,84
Узнавать новых людей	3,40	1,07	3,55	0,97	3,31	1,10	3,24	1,11	3,57	1,02
Играть в игры	3,62	1,18	3,65	1,08	3,57	1,25	3,58	1,24	3,69	1,12
Публикация собственной информации	2,95	1,23	3,20	1,12	2,92	1,29	2,72	1,25	3,03	1,19

при этом включена в широкий круг контактов. Вторая группа имеет наименьший круг социальных взаимодействий и испытывает негативные переживания от отсутствия общения. Представители третьей группы не чувствуют себя изолированными и покинутыми, несмотря на ограниченный круг социальных взаимодействий. Наконец, четвертая группа считает себя включенной в социальные взаимодействия и не испытывает негативных переживаний в связи с социальными взаимодействиями (рис. 1).

Анализ различий в показателе зависимости от социальных сетей в четырех группах показал, что существуют различия в связи с принадлежностью к

группе ($F(3\ 3488) = 271$; $p < 0,001$). Значимых различий между группами 1 и 2 нет, при этом данные группы обладают наибольшей выраженностью показателя зависимости в сравнении с другими. При сравнении групп 3 и 4 обнаруживаются значимые различия ($t = -3,54$; $23,1$; $p < 0,001$) в показателе зависимости от социальных сетей. Вероятно, именно одиночество является показателем социального здоровья, способствующим зависимости от социальных сетей. Такой результат позволяет предположить, что независимо от того, как выражена социальная поддержка, высокий показатель одиночества будет приводить к более высоким показателям зависимости.

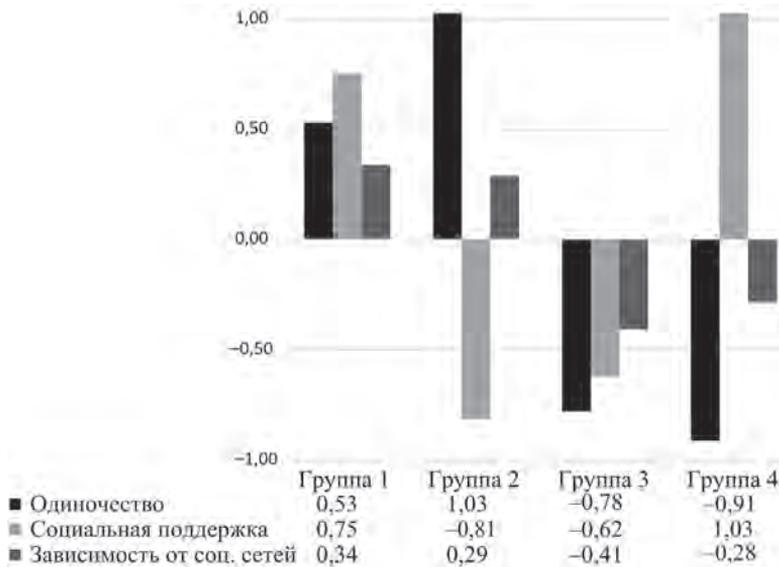

Рис. 1. Выраженность показателей одиночества, социальной поддержки и зависимости от социальных сетей в обнаруженных группах (показатели представлены в z-оценках)

Формальные характеристики активности в социальных сетях, мотивы использования социальных сетей в группах, различающихся выраженностью показателей одиночества и социальной поддержки

Количество времени, проводимого в социальных сетях, по субъективной оценке значимо отличается между группами ($F(3; 3467) = 59,2; p < 0,001$), так же как количество друзей ($F(3; 3458) = 39,6; p < 0,001$) и количество социальных сетей ($F(3; 3478) = 13,3; p < 0,001$) (рис. 2). Наибольшее время в социальных сетях проводят подростки из группы 2, значительно меньше в социальных сетях находятся группы 3 и 1, наименьшее время в социальных сетях проводят подростки из группы 4.

Наибольшее количество друзей онлайн — у группы 4, а наименьшее — у группы 2. Сравнение числа используемых социальных сетей в группах по-

казало, что группа 2 значимо отличается от остальных групп ($t = -3,31; 5,49; p < 0,001$), при этом различий между другими группами не обнаружено.

При анализе различия в мотивах использования социальных сетей обнаруживается основной эффект во всех показателях — быть на связи ($F(3; 3524) = 30,40; p < 0,001$), узнавать новых людей ($F(3; 3541) = 40,32; p < 0,001$), играть в игры ($F(3; 3519) = 3,60; p < 0,01$) и размещать информацию ($F(3; 3513) = 44,93; p < 0,001$) (рис. 3). Значимые различия в мотиве «быть на связи» есть между всеми группами, за исключением групп 2 и 3. Различия в стремлении узнавать новых людей не обнаруживаются как между группами 2 и 3, так и между группами 1 и 4. Таким образом, при низкой социальной поддержке мотив установления новых связей, скорее, будет выражен меньше. Вероятно, наличие высокой социальной поддержки будет способствовать проявлению мотива поиска социальной новизны.

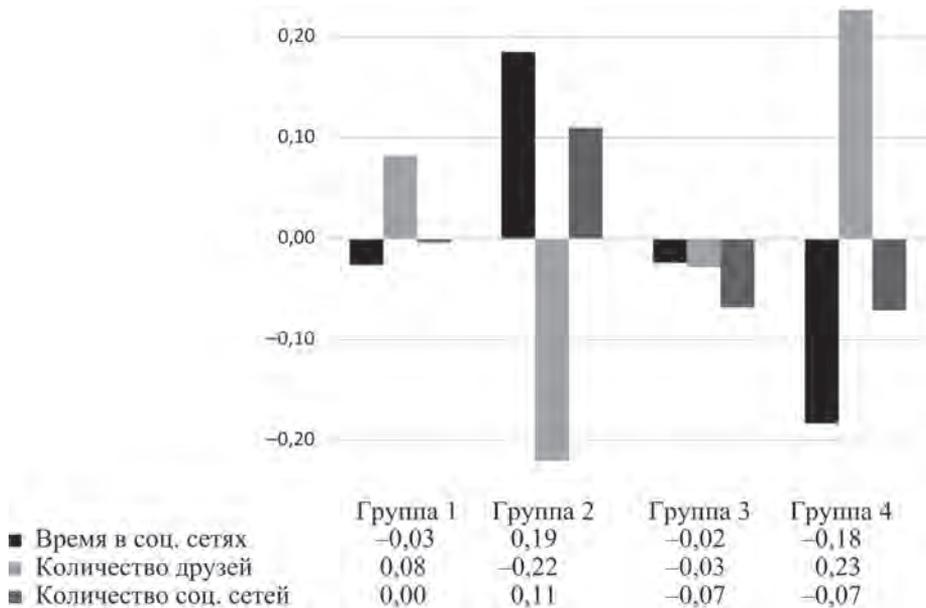

Рис. 2. Выраженность показателей использования социальных сетей в обнаруженных группах (показатели представлены в z-оценках)

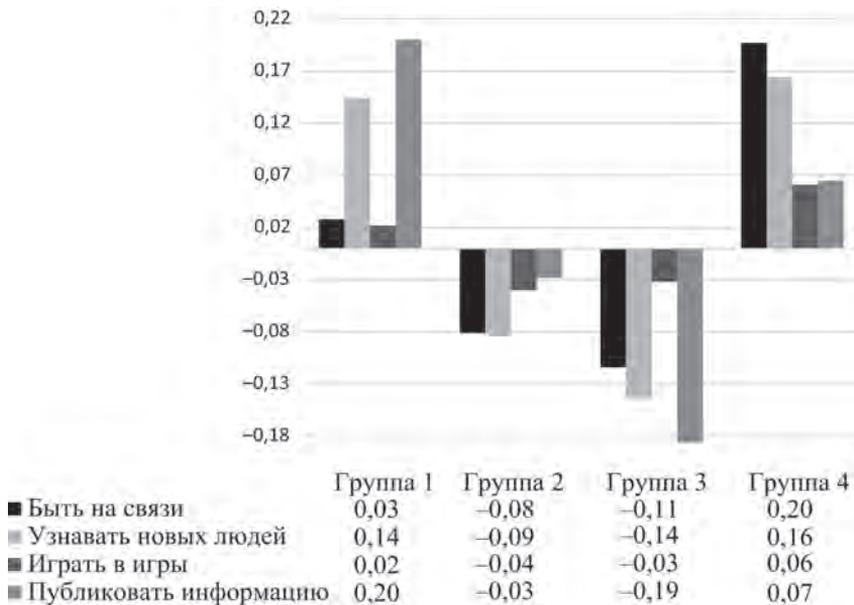

Рис. 3. Выраженность показателей мотивов использования социальных сетей в обнаруженных группах (показатели представлены в z-оценках)

Группы с различными характеристиками одиночества и социальной поддержки максимально близки по развлекательным мотивам, но группа 4 значительно отличается от групп 2 и 3. Вероятно, такие подростки (из групп 2 и 3) не только не стремятся к общению, но и не стремятся к развлечениям. Стремление размещать информацию максимально выражено в группе 1, затем — в группе 4, наименьший показатель — в группе 3, в целом значимые различия обнаружены между всеми группами. Можно заключить, что наличие высокой социальной поддержки способствует публикации информации в социальных сетях независимо от того, насколько выражено одиночество.

Обсуждение результатов

Одной из задач настоящего исследования была проверка психометрических показателей Бергенской шкалы зависимости от социальных сетей (С. Андерсен и др.). Установлено, что шкала обладает однофакторной структурой, которая соответствует оригинальной версии [19]. Статистические показатели пригодности модели соответствуют требованиям, что позволяет использовать данную шкалу в дальнейших исследованиях для диагностики общей зависимости от социальных сетей.

Теоретический анализ показал, что одиночество и социальная поддержка характеризуют содержательно разные оценки взаимодействия с другими людьми. Так, одиночество скорее характеризует внутренние переживания, связанные с недостатком общения и изоляцией, тогда как социальная поддержка — оценку внешних связей, то есть насколько широк круг людей, к которым подросток может обратиться за любой помощью.

Выявленные группы подростков, отличающихся в выраженности одиночества

и социальной поддержки, показывают специфику в зависимости от социальных сетей. Независимо от социальной поддержки высокая выраженность переживания одиночества является основанием для более высокой зависимости от социальных сетей. Подобные факты находят свое подтверждение в других исследованиях, в частности, большее время и более активные действия в социальных сетях связаны с большим показателем одиночества [30; 34].

Данные факты находят подтверждение и в доминирующих мотивах, и в формальных характеристиках использования социальных сетей. Наибольшее время и большее количество различных социальных сетей обнаруживают подростки с высокими показателями одиночества и низкой социальной поддержкой, наименьшие значения времени и разнообразия социальных сетей демонстрируют подростки с низким показателем одиночества и высокой социальной поддержкой. При этом количество друзей у группы с высокими показателями одиночества и низкой социальной поддержкой минимальное по сравнению с другими группами. Вероятно, именно субъективное переживание изолированности более значимо для формирования зависимости от социальных сетей, чем включенность во взаимодействие с разными людьми.

Данные, полученные в отношении различий в мотивах использования социальных сетей, показывают, что наибольшую выраженность мотивов поддержания контактов демонстрируют подростки, не чувствующие себя одинокими и имеющие широкий круг контактов. Интересно, что мотив установления новых контактов более выражен при высокой социальной поддержке независимо от уровня одиночества. Игро-

вые мотивы более выражены также у подростков, имеющих широкий социальный круг, хотя в целом подростки всех групп близки по развлекательным мотивам. Стремление размещать информацию максимально выражено у подростков с высоким показателем одиночества и высокой социальной поддержкой, им уступают подростки, не считающие себя одинокими и имеющие поддержку от других.

Таким образом, подростки, переживающие одиночество и имеющие достаточную социальную поддержку, склонны к зависимости от социальных сетей, но при этом демонстрируют стремление к общению через социальные сети и размещению информации о себе, что согласуется с гипотезой компенсации. Подростки, переживающие одиночество, но не имеющие социальной поддержки, также обнаруживают зависимость от социальных сетей, что подтверждается временем, проведенным онлайн, но они в меньшей степени проявляют активность как в коммуникативных, так и в игровых мотивах, а также меньше размещают информации, что позволяет предполагать проявление эффекта обеднения [41] от использования социальных сетей. Данный эффект был обнаружен у подростков, которые имеют низкую поддержку среди друзей, использование ими социальных сетей в целом снижает их психологическое благополучие. Подтверждением эффекта обеднения являются данные о том, что использование социальных сетей с целью размещения своей информации или просмотра информации о других приводит к еще большим проблемам во взаимодей-

ствии с другими и психологическому благополучию [30].

В противоположность им подростки, не испытывающие одиночества и имеющие поддержку, реализуют коммуникативные мотивы, но при этом в значительно меньшей степени склонны к зависимости. Данные факты согласуются с идеями гипотезы обогащения, но, вероятно, именно хорошие коммуникативные навыки в реальности и наличие круга общения позволяют им избегать формирования зависимости. Наконец, подростки, не испытывающие одиночества и имеющие низкую социальную поддержку, проявляют меньшую зависимость от социальных сетей, проводя там достаточно времени, но не стремясь к активному использованию социальных сетей.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что характеристики социального здоровья — одиночество и социальная поддержка — могут являться факторами зависимого от социальных сетей поведения.

При рассмотрении обнаруженных групп независимо от уровня социальной поддержки при высоком показателе одиночества будет выражена зависимость от социальных сетей. Однако при высоком показателе одиночества отсутствие социальной поддержки проявляется в меньшем количестве друзей в социальных сетях, меньшей выраженности коммуникативных мотивов, что может объясняться эффектом компенсации, при этом высокая зависимость от сетей в сочетании с пассивным использованием сетей скорее говорит об «эффекте обеднения».

Бергенская шкала зависимости от социальных сетей (Bergen Social Media Addiction Scale, BSMAS)

Инструкция. Внимательно прочитай каждое утверждение и укажи, как часто за последний год с тобой происходили подобные ситуации. Для ответа используй следующую шкалу:

- 1 = очень редко;
- 2 = редко;
- 3 = иногда;
- 4 = часто;
- 5 = очень часто.

№	Пункт шкалы	Ответ
	Как часто за последний год ты...	
1	...тратил много времени, размышляя о том, как использовать социальные сети, и планируя действия в них?	1 2 3 4 5
2	...испытывал потребность все больше и больше пользоваться социальными сетями?	1 2 3 4 5
3	...использовал социальные сети, чтобы забыть о личных проблемах?	1 2 3 4 5
4	...безуспешно пытался сократить использование социальных сетей?	1 2 3 4 5
5	...беспокоился или волновался, если тебе запретили пользоваться социальными сетями?	1 2 3 4 5
6	...пользовался социальными сетями настолько часто, что это отрицательно сказалось на делах, учебе?	1 2 3 4 5

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98–108. DOI:10.17759/chr.2020160410
2. Болдина М.А. Социальное здоровье семьи // Материалы международной научно-практической конференции «Социальное здоровье: теоретические подходы, модели, технологии развития» (г. Тамбов, 18 ноября 2008 г.). Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11–17.
3. Ведерникова Л.В., Бьрдина О.Г., Поворозюк О.А. Социальное здоровье студентов: сущность, структура и основные направления его формирования // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 2. С. 117–121.
4. Веракса А.Н., Корниенко Д.С., Чичина Е.А., Бухаленкова Д.А., Чурсина А.В. Связь времени использования дошкольниками цифровых устройств с полом, возрастом и социально-экономическими характеристиками семьи // Наука телевидения. 2021. Том 17. № 3. С. 179–209. DOI:10.30628/1994-9529-17.3-179-209
5. Веракса А.Н., Чичина Е.А. Сравнение особенностей использования цифровых устройств детьми старшего дошкольного возраста до начала и в ходе пандемии COVID-19 // Современное дошкольное образование. 2022. Том 2. № 110. С. 30–39. DOI:10.24412/1997-9657-2022-2110-30-39

6. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1998. № 10. С. 45–71.
7. Дужникова А.С. Социальные сети: современные тенденции и типы пользования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. Том 5. № 99. С. 238–251.
8. Зотова Д.В., Розанов В.А. Патологическое использование и зависимость от социальных сетей — анализ с позиций феноменологии и аддиктивного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Том 10. № 2. С. 158–183.
9. Карабанова О.А., Георгиевская М.А. Представления об этических нормах интернет-общения у пользователей юношеского возраста с различным уровнем развития морального сознания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 4. С. 107–125. DOI:10.11621/vsp.2019.04.111
10. Коломиец О.В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. М.: Изд-во «Московский психолого-социальный университет», 2012. С. 14–25.
11. Корниенко Д.С., Руднова Н.А. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией // Психологические исследования. 2018. Том 11. № 59. DOI:10.54359/ps.v11i59.284
12. Корниенко Д.С., Чурсина А.В., Калимуллин А.М., Семенов Ю.И. Взаимосвязь использования социальных сетей с удовлетворенностью жизнью и одиночеством у подростков // Российский психологический журнал. 2022. Том 19. № 3. С. 202–218. DOI:10.21702/rpj.2022.3.13
13. Кружкова О.В., Воробьева И.В. Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 4. С. 160–185. DOI:10.11621/vsp.2019.04.164
14. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 51–59.
15. Ростовцева Н.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Киберхондрия — самостоятельное явление или проявление ипохондрических особенностей онлайн? // Национальный психологический журнал. 2022. Том 1. № 45. С. 76–93. DOI:10.11621/rpj.2022.0107
16. Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека как социально-психологический феномен. СПб.: Астерион, 2013. 245 с.
17. Семенова Н.Б. Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 22–32. DOI:10.17759/sps.2022130102
18. Шубин С.Б. Психологические особенности цифровой активности подростков на примере социальных сетей: обзор иностранных исследований // Педагогика и психология образования. 2020. № 3. С. 173–191.
19. Andreassen C.S., Billieux J., Griffiths M.D., Kuss D.J., Demetrovics Z., Mazzoni E., Pallesen S. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study // Psychology of Addictive Behaviors. 2016. Vol. 30. № 2. P. 252–262. DOI:10.1037/adb0000160
20. Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S., Pallesen S. Development of a Facebook Addiction Scale // Psychological Reports. 2012. № 110. P. 501–517. DOI:10.2466/02.09.18.PR0.110.2.501-517
21. Bekalu M.A., Mccloud R.F., Viswanath K. Association of Social Media Use with Social Well-Being, Positive Mental Health, and Self-Rated Health: Disentangling Routine Use from Emotional Connection to Use // Health Education & Behavior. 2019. Vol. 46. № 2S. P. 69S–80S. DOI:10.1177/1090198119863768

22. Boer M., Van Den Eijnden R.J., Boniel-Nissim M., Wong S.L., Inchley J.C., Badura P. et al. Adolescents' intense and problematic social media use and their well-being in 29 countries // *Journal of Adolescent Health*. 2020. Vol. 66. № 6. P. S89–S99. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.02.014
23. Brailovskaia J., Margraf J. Addictive social media use during Covid-19 outbreak: Validation of the Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS) and investigation of protective factors in nine countries // *Current Psychology*. 2022. DOI:10.1007/s12144-022-03182-z
24. Brislin R.W. Back-translation for cross-cultural research // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1970. Vol. 1. P. 187–216. DOI:10.1177/135910457000100301
25. Bruggeman H., Van Hiel A., Van Hal G., Van Dongen S. Does the use of digital media affect psychological well-being? An empirical test among children aged 9 to 12 // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 101. P. 104–113. DOI:10.1016/j.chb.2019.07.015
26. Cheng C., Wang H.Y., Sigerson L., Chau C.L. Do the socially rich get richer? A nuanced perspective on social network site use and online social capital accrual // *Psychological Bulletin*. 2019. Vol. 145. № 7. P. 734–764. DOI:10.1037/bul0000198
27. Duradoni M., Innocenti F., Guazzini A. Well-Being and Social Media: A Systematic Review of Bergen Addiction Scales // *Future Internet*. 2020. Vol. 2. № 2. P. 24. DOI:10.3390/fi12020024
28. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook «friends»: Social capital and college students' use of online social network sites // *Journal of computer-mediated communication*. 2007. Vol. 12. № 4. P. 1143–1168. DOI:10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
29. Elphinston R.A., Noller P. Time to face it! Facebook intrusion and the implications for romantic jealousy and relationship satisfaction // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. 2011. Vol. 14. № 11. P. 631–635. DOI:10.1089/cyber.2010.0318
30. Frison E., Eggermont S. Toward an integrated and differential approach to the relationships between loneliness, different types of Facebook use, and adolescents' depressed mood // *Communication Research*. 2020. Vol. 47. № 5. P. 701–728.
31. Griffiths M.D. A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework // *Journal of Substance Use*. 2005. № 10. P. 191–197.
32. Hahn E.A., Cella D., Bode R.K., Hanrahan R.T. Measuring Social Well-being in People with Chronic Illness // *Social Indicators Research*. 2010. № 96. P. 381–401. DOI:10.1007/s11205-009-9484-z
33. Haroon M.S., Ali F., Awais M. Social media intrusion and psychological adjustment among university students: the mediating role of religious commitment and spirituality // *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*. 2020. Vol. 24. № 1. P. 1–14.
34. Kim J., LaRose R., Peng W. Loneliness as the Cause and the Effect of Problematic Internet Use: The Relationship between Internet Use and Psychological Well-Being // *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*. 2009. Vol. 12. № 4. P. 451–455. DOI:10.1089/cpb.2008.0327
35. Kraut R., Kiesler S., Boneva B., Cummings J., Helgeson V., Crawford A. Internet Paradox Revisited // *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58. № 1. P. 49–74. DOI:10.1111/1540-4560.00248
36. Kross E., Verduyn P., Sheppes G., Costello C.K., Jonides J., Ybarra O. Social media and well-being: Pitfalls, progress, and next steps // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 55–66.
37. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online Social Networking and Addiction—A Review of the Psychological Literature // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2011. Vol. 8. № 9. P. 3528–3552. DOI:10.3390/ijerph8093528
38. Mahasneh A.M. The Relationship between Subjective Well-being and Social Support among Jordanian University Students // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. Vol. 15. № 2. P. 53–64. DOI:10.11621/pir.2022.0204
39. Marino C., Gini G., Vieno A., Spada M.M. The associations between problematic Facebook use, psychological distress and well-being among adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis // *Journal of affective disorders*. 2018. № 226. P. 274–281. DOI:10.1016/j.jad.2017.10.007

40. McDowell I. Measuring health: A guide to rating scales and questionnaires (3rd ed.). Oxford University Press. 2006. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195165678.001.0001
41. Selfhout M.H., Branje S.J., Delsing M., ter Bogt T.F., Meeus W.H. Different types of Internet use, depression, and social anxiety: The role of perceived friendship quality // *Journal of adolescence*. 2009. Vol. 32. № 4. P. 819–833.
42. Sirola A., Kaakinen M., Savolainen I., Oksanen A. Loneliness and online gambling-community participation of young social media users // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 95. P. 136–145. DOI:10.1016/j.chb.2019.01.023
43. Turel O., Brevers D., Bechara A. Time distortion when users at-risk for social media addiction engage in non-social media tasks // *Journal of psychiatric research*. 2018. № 97. P. 84–88. DOI:10.1016/j.jpsychires.2017.11.014
44. Tutgun-inal A., Deniz L. Development of the Social Media Addiction Scale // *AJIT-e: Academic Journal of Information Technology*. 2015. Vol. 6. № 21. P. 51–70. DOI:10.5824/1309-1581.2015.4.004.x
45. Valkenburg P.M., Meier A., Beyens I. Social media use and its impact on adolescent mental health: An umbrella review of the evidence // *Current opinion in psychology*. 2022. № 44. P. 58–68.
46. Valkenburg P.M., Peter J., Schouten A.P. Friend networking sites and their relationship to adolescents' well-being and social self-esteem // *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*. 2006. № 9. P. 584–590. DOI:10.1089/cpb.2006.9.584
47. Zahrai K., Veer E., Ballantine P.W., De Vries H.P., Prayag G. Either you control social media or social media controls you: Understanding the impact of self-control on excessive social media use from the dual-system perspective // *Journal of Consumer Affairs*. 2022. Vol. 56. № 2. P. 806–848. DOI:10.1111/joca.12449

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlajn i oflajn: k voprosu o vozmozhnosti prognoza [Online and offline behavior: does one predict another?]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020, no. 16(4), pp. 98–108. DOI:10.17759/chp.2020160410 (In Russ.).
2. Boldina M.A. Social'noe zdorov'e sem'i [Social health of a family group]. In *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Social'noe zdorov'e: teoreticheskie podhody, modeli, tekhnologii razvitiya»* (g. Tambov, 18 noyabrya 2008 g.) [Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference "Social health: theoretical approaches, models, development technologies"]. Tambov: Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2008, pp. 11–17. (In Russ.).
3. Vedernikova L.V., Byrdina O.G., Povoroznyuk O.A. Social'noe zdorov'e studentov: sushchnost', struktura i osnovnye napravleniya ego formirovaniya [Social health of students: essence, structure and main direction of its formation]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = Siberian pedagogical journal*, 2015, no. 2(2), pp. 117–121. (In Russ.).
4. Veraksa A.N., Kornienko D.S., Chichinina E.A., Bukhalenkova D.A., Chursina A.V. Svyaz' vremeni ispol'zovaniya doshkol'nikami cifrovyyh ustrojstv s polom, vozrastom i social'no-ekonomicheskimi harakteristikami sem'i [Correlations between Preschoolers' Screen Time with Gender, Age and SocioEconomic Background of the Families]. *Nauka televideniya = The Art and Science of Television*, 2021, no. 17(3), pp. 179–209. DOI:10.30628/1994-9529-17.3-179-209 (In Russ.).
5. Veraksa A.N., Chichinina E.A. Sravnenie osobennostej ispol'zovaniya cifrovyyh ustrojstv det'mi starshego doshkol'nogo vozrasta do nachala i v hode pandemii COVID-19 [Comparison of Media Use Among Senior Preschool Children Before and During the COVID-19 Pandemic]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie = Preschool Education Today*, 2022, no. 2(110), pp. 30–39. DOI:10.24412/1997-9657-2022-2110-30-39 (In Russ.).
6. Golovaha E.I., Panina N.V., Gorbachik A.P. Izmerenie social'nogo samochuvstviya: test IISS [Measurement of social well-being: the IISS test]. *Sociologiya: metodologiya, metody*,

matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya:4M) = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M), 1998, no. 10, pp. 45–71.

7. Duzhnikova A.S. Social'nye seti: sovremennye tendencii i tipy pol'zovaniya [Social networks: trends and types of use]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 2010, no. 5(99), pp. 238–251. (In Russ.).

8. Zotova D.V., Rozanov V.A. Patologicheskoe ispol'zovanie i zavisimost' ot social'nyh setej — analiz s pozicij fenomenologii i addiktivnogo povedeniya [Pathological use and dependence on social networks — analysis from the position of phenomenology of addictive behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2020, no. 10(2), pp. 158–183. DOI:10.21638/spbu16.2020.204 (In Russ.).

9. Karabanova O.A., Georgievskaya M.A. Predstavleniya ob eticheskikh normah Internet-obshcheniya u pol'zovatelej yunosheskogo vozrasta s razlichnym urovnem razvitiya moral'nogo soznaniya [Attitudes Toward Ethical Standards of Internet Communication by Youth Users with Different Levels of Development of Moral Consciousness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 107–125. DOI:10.11621/vsp.2019.04.111 (In Russ.).

10. Kolomiets O.V. Social'noe samochuvstvie kak problema social'noj psikhologii [Social well-being as a problem of social psychology]. In *Modern social psychology: theoretical approaches and applied research = Sovremennaya social'naya psikhologiya: teoreticheskie podhody i prikladnye issledovaniya*. Moscow: Publishing House “Moscow Psychological and Social University”, 2012, pp. 14–25. (In Russ.).

11. Kornienko D.S., Rudnova N.A. Osobennosti ispol'zovaniya social'nyh setej v svyazi s prokrastinaciej i samoregulyaciej [Online social network usage, procrastination and self-regulation]. *Psihologicheskie issledovaniya = Psychological studies*, 2018, no. 11(59). DOI:10.54359/ps.v11i59.284 (In Russ.).

12. Kornienko D.S., Chursina A.V., Kalimullin A.M., Semenov Yu.I. Vzaimosvyaz' ispol'zovaniya social'nyh setej s udovletvorennost'yu zhizn'yu i odinochestvom u podrostkov [The Relationship Between Social Media Use and Life Satisfaction and Loneliness in Adolescents]. *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal = Russian psychological journal*, 2022, no. 19(3), pp. 202–218. DOI:10.21702/rpj.2022.3.13 (In Russ.).

13. Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V. Lichnostnye osobennosti podrostkov, yunoshej i molodezhi, vovlechennyh v sredu Internet: zony uyazvimosti dlya ekstremistskogo vozdejstviya v usloviyah cifrovizacii [Personal characteristics of teenagers, youth, and young adults on the internet: vulnerability zones for extremist influence through digitalization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 160–185. DOI:10.11621/vsp.2019.04.164 (In Russ.).

14. Petrova L.E. Social'noe samochuvstvie molodezhi [Social well-being of youth]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2000, no. 12, pp. 51–59. (In Russ.).

15. Rostovzeva N.A., Rasskazova E.I., Thostov A.Sh., Emelin V.A. Kiberhondriya — samostoyatel'noe yavlenie ili proyavlenie ipohondricheskikh osobennostej onlajn? [Cyberchondria: an independent phenomenon or the manifestation of hypochondriacal traits online?]. *Nacional'nyj psikhologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2022, no. 1(45), pp. 76–93. DOI:10.11621/npj.2022.0107 (In Russ.).

16. Rusalina A.A. Social'noe samochuvstvie cheloveka kak social'no-psihologicheskij fenomen [Social well-being of a person as a socio-psychological phenomenon]. St. Petersburg: Asterion, 2013. 245 p. (In Russ.).

17. Semenova N.B. Sovremennye predstavleniya o roli social'nyh faktorov v razvitiu internet-zavisimogo povedeniya u detej i podrostkov (po materialam zarubezhnyh issledovanij) [Advanced Concepts of the Role of Social Factors in the Development of Internet Addiction Behavior in Children and Adolescents (Based on Foreign Studies)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022, no. 13(1), pp. 22–32. DOI:10.17759/sp.2022130102 (In Russ.).

18. Shubin S.B. Psihologicheskie osobennosti cifrovoj aktivnosti podroستkov na primere social'nyh setej: obzor inostrannyh issledovanij [Psychological features of adolescent digital activity on the example of social networks: The review of foreign studies]. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education*, 2020, no. 3, pp. 173–191. DOI:10.31862/2500-297X-2020-3-173-191 (In Russ.).
19. Andreassen C.S., Billieux J., Griffiths M.D., Kuss D.J., Demetrovics Z., Mazzoni E., Pallesen S. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study. *Psychology of Addictive Behaviors*, 2016, no. 30(2), pp. 252–262. DOI:10.1037/adb0000160
20. Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S., Pallesen S. Development of a Facebook Addiction Scale. *Psychological Reports*, 2012, no. 110, pp. 501–517. DOI:10.2466/02.09.18.PR0.110.2.501-517
21. Bekalu M.A., Mccloud R.F., Viswanath K. Association of Social Media Use with Social Well-Being, Positive Mental Health, and Self-Rated Health: Disentangling Routine Use from Emotional Connection to Use. *Health Education & Behavior*, 2019, no. 46(2S), pp. 69S–80S. DOI:10.1177/1090198119863768
22. Boer M., Van Den Eijnden R.J., Boniel-Nissim M., Wong S.L., Inchley J.C., Badura P. et al. Adolescents' intense and problematic social media use and their well-being in 29 countries. *Journal of adolescent health*, 2020, no. 66(6), pp. S89–S99. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.02.014
23. Brailovskaia J., Margraf J. Addictive social media use during Covid-19 outbreak: Validation of the Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS) and investigation of protective factors in nine countries. *Current Psychology*, 2022. DOI:10.1007/s12144-022-03182-z
24. Brislin R.W. Back-translation for cross-cultural research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1970, no. 1, pp. 187–216. DOI:10.1177/135910457000100301
25. Bruggeman H., Van Hiel A., Van Hal G., Van Dongen S. Does the use of digital media affect psychological well-being? An empirical test among children aged 9 to 12. *Computers in Human Behavior*, 2019, no. 101, pp. 104–113. DOI:10.1016/j.chb.2019.07.015
26. Cheng C., Wang H.Y., Sigerson L., Chau C.L. Do the socially rich get richer? A nuanced perspective on social network site use and online social capital accrual. *Psychological Bulletin*, 2019, no. 145(7), pp. 734–764. DOI:10.1037/bul0000198
27. Duradoni M., Innocenti F., Guazzini A. Well-Being and Social Media: A Systematic Review of Bergen Addiction Scales. *Future Internet*, 2020, no. 2(2), pp. 24. DOI:10.3390/fi12020024
28. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook “friends”: Social capital and college students' use of online social network sites. *Journal of computer mediated communication*, 2007, no. 12(4), pp. 1143–1168. DOI:10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
29. Elphinston R.A., Noller P. Time to face it! Facebook intrusion and the implications for romantic jealousy and relationship satisfaction. *Cyberpsychology, behavior, and social networking*, 2011, no. 14(11), pp. 631–635. DOI:10.1089/cyber.2010.0318
30. Frison E., Eggermont S. Toward an integrated and differential approach to the relationships between loneliness, different types of Facebook use, and adolescents' depressed mood. *Communication Research*, 2020, no. 47(5), pp. 701–728.
31. Griffiths M.D. A ‘componets’ model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*, 2005, no. 10, pp. 191–197.
32. Hahn E.A., Cella D., Bode R.K., Hanrahan R.T. Measuring Social Well-being in People with Chronic Illness. *Social Indicators Research*, 2010, no. 96, pp. 381–401. DOI:10.1007/s11205-009-9484-z
33. Haroon M.S., Ali F., Awais M. Social media intrusion and psychological adjustment among university students: the mediating role of religious commitment and spirituality. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*, 2020, no. 24(1), pp. 1–14.
34. Kim J., LaRose R., Peng W. Loneliness as the Cause and the Effect of Problematic Internet Use: The Relationship between Internet Use and Psychological Well-Being. *Cyberpsychology &*

- behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*, 2009, no. 12(4), pp. 451–455. DOI:10.1089/cpb.2008.0327
35. Kraut R., Kiesler S., Boneva B., Cummings J., Helgeson V., Crawford A. Internet Paradox Revisited. *Journal of Social Issues*, 2002, no. 58(1), pp. 49–74. DOI:10.1111/1540-4560.00248
 36. Kross E., Verduyn P., Sheppes G., Costello C.K., Jonides J., Ybarra O. Social media and well-being: Pitfalls, progress, and next steps. *Trends in Cognitive Sciences*, 2021, no. 25(1), pp. 55–66.
 37. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online Social Networking and Addiction—A Review of the Psychological Literature. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2011, no. 8(9), pp. 3528–3552. DOI:10.3390/ijerph8093528
 38. Mahasneh A.M. The Relationship between Subjective Well-being and Social Support among Jordanian University Students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022, no. 15(2), pp. 53–64. DOI:10.11621/pir.2022.0204
 39. Marino C., Gini G., Vieno A., Spada M.M. The associations between problematic Facebook use, psychological distress and well-being among adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis. *Journal of affective disorders*, 2018, no. 226, pp. 274–281. DOI:10.1016/j.jad.2017.10.007
 40. McDowell I. Measuring health: A guide to rating scales and questionnaires (3rd ed.). Oxford University Press. 2006. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195165678.001.0001
 41. Selfhout M.H., Branje S.J., Delsing M., ter Bogt T.F., Meeus W.H. Different types of Internet use, depression, and social anxiety: The role of perceived friendship quality. *Journal of adolescence*, 2009, no. 32(4), pp. 819–833.
 42. Sirola A., Kaakinen M., Savolainen I., Oksanen A. Loneliness and online gambling-community participation of young social media users. *Computers in Human Behavior*, 2019, no. 95, pp. 136–145. DOI:10.1016/j.chb.2019.01.023
 43. Turel O., Brevers D., Bechara A. Time distortion when users at-risk for social media addiction engage in non-social media tasks. *Journal of psychiatric research*, 2018, no. 97, pp. 84–88. DOI:10.1016/j.jpsychires.2017.11.014
 44. Tutgun-ınal A., Deniz L. Development of the Social Media Addiction Scale. *AJIT-e: Academic Journal of Information Technology*, 2015, no. 6(21), pp. 51–70. DOI:10.5824/1309-1581.2015.4.004.x
 45. Valkenburg P.M., Meier A., Beyens I. Social media use and its impact on adolescent mental health: An umbrella review of the evidence. *Current opinion in psychology*, 2022, no. 44, pp. 58–68.
 46. Valkenburg P.M., Peter J., Schouten A.P. Friend networking sites and their relationship to adolescents' well-being and social self-esteem. *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*, 2006, no. 9, pp. 584–590. DOI:10.1089/cpb.2006.9.584
 47. Zahrai K., Veer E., Ballantine P.W., De Vries H.P., Prayag G. Either you control social media or social media controls you: Understanding the impact of self-control on excessive social media use from the dual system perspective. *Journal of Consumer Affairs*, 2022, no. 56(2), pp. 806–848. DOI:10.1111/joca.12449

Информация об авторах

Корниенко Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Руднова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Гордеева Тамара Олеговна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), ведущий научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Егоров Владимир Анатольевич, кандидат физико-математических наук, генеральный директор Некоммерческой организации «Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия)» (НО «ЦФБП РС(Я)»), г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>, e-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Веракса Александр Николаевич, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»); заместитель директора, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7187-6080>, e-mail: veraksa@yandex.ru

Information about the authors

Dmitry S. Kormienko, Doctor of Psychology, Senior Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Natalia A. Rudnova, PhD in Psychology, Junior Research Fellow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Tamara O. Gordeeva, Doctor of Psychology, Full Professor, Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher, Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Oleg A. Sychev, PhD in Psychology, Senior Researcher, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Vladimir A. Egorov, PhD in Physico-Mathematical Sciences, General Director of the Nonprofit organization “Trust Fund of Future Generations in the Republic of Sakha (Yakutia)”, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-9742>, e-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Aleksander N. Veraksa, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Vice-Director of Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7187-6080>, e-mail: veraksa@yandex.ru

Получена 23.03.2023

Принята в печать 17.05.2023

Received 23.03.2023

Accepted 17.05.2023

Этнокультурные факторы востребованности альтернативных практик в сфере физического и психического здоровья

Антонова Н.А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8902>, e-mail: antonova.natalia11@gmail.com

Ерицян К.Ю.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Цель. Изучение этнокультурных факторов востребованности альтернативных практик помощи в сфере здоровья и психологического благополучия среди российской молодежи.

Контекст и актуальность. С позиции психологии здоровья принятие решения об обращении за помощью имеет решающее значение для здоровья и психологического благополучия человека и общества. Обращение к неконвенциональным практикам (экстрасенсорным, паранормальным и пр.) для решения проблем в области как физического и психического здоровья, так и психологического благополучия может иметь потенциальные риски.

Дизайн исследования. Количественное кросс-секционное онлайн-исследование было проведено в конце 2020 года в 8-ми субъектах Российской Федерации (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Красноярский край, Иркутская, Ленинградская, Мурманская и Томская области, г. Санкт-Петербург).

Участники. Подростки и молодежь 14-ти лет и старше, средний возраст — 22,1 года ($min = 14$, $max = 35$; $SD = 6,26$). Объем выборки — 1258 человек, из них тех, кто идентифицирует себя как представителя коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока России, — 671 человек.

Методы (инструменты). Авторские шкалы оценки обращаемости за помощью, установок на обращение, доверия к медицине. Шкала HBSC для измерения самооценки (субъективной репрезентации) психического здоровья. Статистическая обработка — построены таблицы сопряженности для оценки различий по полу и этнической принадлежности молодежи, а также логистическая регрессионная модель.

Результаты. Обращение молодежи к провайдерам альтернативных практик помощи (магам, гадалкам, экстрасенсам и пр.) не имеет этнокультурной специфики. Молодежь коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации значимо чаще по сравнению с молодежью другой этнической принадлежности обращается только к шаманам, являющимся частью уникальной духовной культуры этих этнических групп.

Основные выводы. Обращение за помощью к разным представителям альтернативной помощи связано между собой, что может быть результатом как «подросткового экспериментирования» в разных сферах жизни, так и открытости новому опыту, в том числе и в отношении поиска разных видов помощи. Вторым важным фактором является недоверие к официальной медицине, которое мотивирует людей к использованию альтернативных видов помощи в сфере здоровья (обращение к шаманам, гадалкам, магам, колдунам и пр.).

Ключевые слова: психическое здоровье; физическое здоровье; психологическое благополучие; этнокультурные факторы здоровья; альтернативная помощь; гадалки; астрологи; шаманы; доверие к медицине; коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-01792, <https://rscf.ru/project/22-28-01792/>.

Для цитаты: Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. Этнокультурные факторы востребованности альтернативных практик в сфере физического и психического здоровья // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 49–65. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140204>

Ethno-Cultural Factors of Demand for Alternative Practices in the Field of Physical and Mental Health

Natalia A. Antonova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8902>, e-mail: antonova.natalia11@gmail.com

Ksenia Yu. Eritsyian

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Objective. *Study aims to investigate the ethno-cultural factors of demand for alternative practices in the sphere of health and psychological well-being among Russian youth.*

Background. *The decision to seek help is critical to the health and psychological well-being of the individual and society. Turning to non-conventional practices (psychic, paranormal, etc.) to solve problems in the field of both physical and mental health and psychological well-being can be associated with potential risks.*

Study design. *Quantitative cross-sectional study of adolescents and youth in several Russian regions: Saint-Petersburg and Leningradskaya region, Irkutsk, Murmansk and Tomsk regions, Kamchatka and Krasnoyarsk regions, the Republic of Sakha (Yakutia). Data collection was carried out in the form of an online survey in November-December 2020.*

Participants. *The study sample consisted of 1258 adolescents and young people aged 14 years and older, of which 671 are adolescents and young people who identify themselves as indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Young men constituted 33% of the sample, mean age – 22,1 years (min = 14, max = 35; SD = 6,26).*

Measurements. *The several scales for assessing the help-seeking and related attitudes towards alternative practices, self-assessment of mental health (HBSC scale). Descriptive statistics, contingency tables to assess differences by ethnicity and gender and a logistic regression model predicting intention to future use of the services were calculated.*

Results. *Young people's appeal to providers of alternative practices of help (magicians, fortune-tellers, psychics, etc.) has no ethno-cultural specifics. The youth of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East significantly more often than the youth of another ethnicity turn only to shamans, who are part of the unique spiritual culture of these ethnic groups but not to any other group of practitioners.*

Conclusions. *Asking for help from different representatives of alternative assistance is interconnected, which may be the result of “teenager experimentation” in different areas of life, or openness to new experience, including in relation to the search for different types of help. The second important factor of use of alternative services is the distrust of official medicine, which motivates people to use alternative types of health care (turning to shamans, fortune tellers, magicians, sorcerers, etc.).*

Keywords: *mental health; physical health; psychological well-being; ethno-cultural factors of health; alternative help; fortune-tellers; astrologers; shamans; trust in medicine; indigenous people.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-01792, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01792/>.

For citation: Antonova N.A., Eritsyayn K.Yu. Ethno-Cultural Factors of Demand for Alternative Practices in the Field of Physical and Mental Health. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 49–65. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140204> (In Russ.).

Введение

Фундаментальная концепция «священного с обращением за помощью поведения» (help-seeking behaviour) приобрела популярность как важный конструкт в понимании причин несвоевременной диагностики и лечения многих заболеваний [23]. Несмотря на стремительное развитие медицинских технологий, ключевым фактором успешности лечения является поведение самого человека: большинство заболеваний невозможно диагностировать и лечить без его активного участия. Однако при наличии беспокоящих симптомов человек может обратиться за помощью в очень разные институты. В современном мире медицинского плюрализма одновременно функционирует целый ряд медицинских и околomedicalных систем [7]. Среди них можно выделить официально признанную медицину (или аллопатическую, конвенциональную, научную, регулярную, космополитическую) и неофициальную медицину (неформальную, народную, альтернативную, неконвенциональную, комплиментарную, этномедицинскую) — оздоровительные методы и практики, официально не имеющие статуса врачебных [2; 20]. Альтернативные виды помощи в сфере здоровья имеют разные модальности: к ним можно отнести гомеопатию, травничество, Аюрведу, Унани, традиционную китайскую медицину, целительство, знахарство и пр. В сфере ментального здоровья и психо-

логического благополучия конвенциональные и неконвенциональные виды помощи сегодня четко не обозначены. Мы предполагаем, что к конвенциональным вариантам поиска такой помощи можно отнести обращение к профессионалам в области психического здоровья (психиатрам и психологам), а к неконвенциональным — к представителям различных экстрасенсорных, паранормальных или религиозных практик (парапсихологам, гадалкам, чистильщикам карм, тарологам, астрологам, экстрасенсам, ясновидящим, духовным целителям и прочим). Но к экстрасенсорным практикам люди могут прибегать как для решения проблем в области психического здоровья и психологического благополучия, так и в области соматического здоровья.

Неконвенциональная помощь в целом представляет собой значительный сектор услуг, на которые есть спрос, и к которым обращаются люди [6]. В некоторых развивающихся странах народные целители остаются главными провайдерами медико-санитарных услуг для миллионов людей, живущих в сельских районах [10]. В России сегодня существует стихийное многообразие практик альтернативной помощи, предпринимаются попытки выделения сегментов «неформального здравоохранения» [4]. Часть таких практик могут быть нелегальными, даже опасными для здоровья с точки зрения ортодоксальной медицины и психологии здоровья, другая часть — приме-

жуточными, «близко» расположенными к официальной медицине и оздоровительным практикам.

Исследования распространенности альтернативных практик помощи в области здоровья и психологического благополучия предпринимаются в разных странах. Но эти данные единичные, а изучаемые практики культурно специфичны. В экономически развитых странах с доступностью официальных медицинских услуг альтернативные практики используются как дополнительные и скорее с целью первичной профилактики заболеваний [26].

Предпринимаются попытки изучения востребованности альтернативных видов помощи на сугубо клинических выборках: людей с диабетом [15], астмой [41], хроническими болями [45], хроническими заболеваниями [6], беременных [29] и пр. Растет количество обзоров по тематике альтернативных видов помощи и COVID-19 [16]. Другое направление исследований посвящено изучению востребованности альтернативных практик помощи на неклинических выборках. В целом фиксируется огромная вариативность распространенности использования альтернативной помощи: в общей популяции (не на клинических выборках) по всему миру годовой преваленс находится в диапазоне 9,8–76% [19; 27; 31]. По мнению экспертов, это может являться следствием как существования терминологической путаницы, так и методологических сложностей измерения [11; 30], что привело к попытке установить международно признанный стандарт альтернативных подходов к охране здоровья [38]. В любом случае отмечается рост использования неконвенциональных практик помощи. Масштабное репрезентативное кросс-секционное исследование на выборке более 30 тыс. взрослого

населения (старше 18 лет), проводимое ежегодно Национальным центром статистики здравоохранения США (NHIS), выявило тенденцию к росту использования практик дополнительной помощи с 2002 по 2012 годы с вариативностью по видам практик [22]. Популяционных подбных данных на российской выборке нами обнаружено не было.

Исследования предикторов обращения к альтернативным видам помощи дают неконсистентные результаты. Доступность и относительная дешевизна такой помощи могут выступать предиктором ее использования в ряде стран (например, в странах Африки). В то же время труднодоступность и относительная дороговизна ряда альтернативных практик в странах Европы могут не являться барьером их использования для представителей высокостатусных групп населения [43].

Фасилитаторами обращения за альтернативными видами помощи могут выступать психологические факторы. Как показали результаты недавнего систематического обзора, недоверие к официальной медицине может являться важным предиктором обращения за альтернативной помощью [43].

С позиций теории планируемого поведения [14] убеждения человека играют ведущую роль в формировании его готовности к обращению за помощью. Обращение к ряду альтернативных практик (экстра-сенсорным, паранормальным) может быть связано с паранормальными убеждениями [25]. В широком смысле паранормальные убеждения — это вера в то, что выходит за рамки человеческих возможностей (физических и психических) и не имеет научного объяснения [44]. Исследования показывают, что люди из самых разных демографических групп — независимо от возраста, расы/этнической принадлежно-

сти, пола и социального класса — склонны иметь паранормальные убеждения [37]. Вера в паранормальное широко распространена в обществе, в том числе и в развитых странах [37; 40]. Это противоречит «теории депривации», постулирующей, что более низкий уровень образования и принадлежность к этническим меньшинствам должны делать людей более восприимчивыми к вере в паранормальные явления [40]. Скорее, определенные представления о паранормальных явлениях могут являться результатом проживания на определенной географической территории, культурных традиций и семейной истории [17], а также интуитивного, а не аналитического, когнитивного стиля мышления [12; 35; 42].

Иным фактором обращения за альтернативными видами помощи является этнокультурная принадлежность. В настоящее время есть свидетельства о более частом обращении к шаманам представителей именно этнических меньшинств [8; 39]. Но эксперты подчеркивают важность продолжения изучения поведенческих практик среди представителей разных этнических групп относительно других многочисленных практик альтернативных видов помощи и их предикторов в сфере здоровья и психологического благополучия [28; 37].

Коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее — КМНСС и ДВ) Российской Федерации представляют собой группу этнических меньшинств, которых принято считать в социальном плане чрезвычайно уязвимыми в результате растущей урбанизации и их вовлечения в систему отношений «вестернизированного общества» [3]. Данная группа зачастую рассматривается в исследованиях как единая этническая общность на основе объединяющего критерия — этнической самоидентификации

как представителей коренных малочисленных народов России (например, [3]). Исследования молодежи КМНСС и ДВ в отношении использования альтернативных видов помощи в сфере здоровья и психологического благополучия на сегодняшний день не проводились.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена в целом недостаточностью научного осмысления проблемы обращаемости населения за помощью к представителям неконвенциональных практик. Целью исследования является изучение этнокультурных факторов востребованности альтернативных практик среди российской молодежи.

Гипотезы исследования:

1. Представители КМНСС и ДВ могут демонстрировать более высокую обращаемость к специалистам альтернативных практик как в области физического, так и психического здоровья.

2. Обращение к разным видам альтернативных практик связано между собой: обращение за помощью к одной альтернативной практике увеличивает вероятность обращения к другой альтернативной практике.

3. Обращение за альтернативной помощью связано с низким уровнем доверия к официальной медицине.

Методы

Схема проведения исследования

Количественное кросс-секционное онлайн-исследование было проведено в ноябре—декабре 2020 года в 8-ми субъектах Российской Федерации (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Красноярский край, Иркутская, Ленинградская, Мурманская и Томская области, г. Санкт-Петербург). В исследовании приняли участие как учащиеся разных ступеней образования (школа, ссуз, вуз) от 14 лет и старше, так и неучащаяся

молодежь. Исследование предполагало процедуру информированного согласия, было анонимным и добровольным. Более подробно методология данного исследования описана в ранней статье авторов [1]. В данной статье анализируются выборочные индикаторы исследования в соответствии с выдвинутыми гипотезами.

Оценка обращаемости за помощью. Закрытые вопросы использовались для оценки предыдущего опыта обращения к различным специалистам в области психического здоровья и психологического благополучия как для решения проблем со здоровьем, так и трудноразрешимых жизненных проблем. «Приходилось ли Вам обращаться по поводу своих жизненных трудностей и психологических проблем к...?». Изучалось обращение в течение жизни и в течение последних 12-ти месяцев к профессионалам в области здоровья (психологу, врачу-психиатру, врачу соматической медицины), к представителям альтернативной помощи (к человеку с «экстрасенсорными» способностями (гадалке, астрологу и пр.), шаману, гомеопату, травнику/целителю), к представителям религии.

Установка на обращение за помощью в сфере здоровья изучалась при помощи вопроса: «Если у Вас в будущем возникнут проблемы со здоровьем, к кому Вы предпочтете обратиться (к медицинскому специалисту, к шаману, гомеопату, травнику/целителю, к человеку с “экстрасенсорными” способностями (гадалке, астрологу и пр.), к другому специалисту)?» (множественный выбор).

Оценка доверия к официальным государственным институтам изучалась посредством вопроса: «Определите уровень вашего личного доверия к медицине» по 5-балльной шкале Лайкерта в диапазоне от 1 (нет доверия) до 5 (высокое доверие).

Самооценка психического здоровья измерялась вопросом: «Вы считаете,

что Ваше психическое здоровье...?» по 4-балльной шкале Лайкерта: «превосходное», «хорошее», «удовлетворительное», «плохое» (из шкалы HBSC (Health Behaviour in School-aged Children)) [24].

Выборка исследования составила 1258 подростков и молодежи от 14 лет и старше (средний возраст — 22,1 года, $min = 14$, $max = 35$; $SD = 6,26$), доля юношей — 33%. Молодежь, которая идентифицирует себя как КМНСС и ДВ, — 671 человек. При этом подвыборки молодежи коренных малочисленных и иных народов России были сбалансированы и значимо не различались по половозрастным характеристикам между собой. Старшеклассниками школ являлись 26,8% респондентов, по 21% — студентами колледжей/училищ и вузов, 31% не являлись обучающимися любых образовательных учреждений.

Статистическая обработка данных — построены таблицы сопряженности для оценки различий по полу и этнической принадлежности молодежи (критерии Хи-квадрат, Манна-Уитни), а также логистическая регрессионная модель. Статистический анализ проведен с использованием SPSS, версия 16.

Результаты

Самооценка психического здоровья. Свое психическое здоровье более половины представителей молодежи оценивают позитивно: 43,6% — как хорошее и 14,6% — как превосходное. Треть респондентов (36,6%) оценили свое психическое здоровье как удовлетворительное, а 5,2% — как плохое. Девушки значимо ниже по сравнению с юношами оценивают свое психическое здоровье ($\chi^2 = 43,83$; $p \leq 0,001$). Между молодежью КМНСС и ДВ и молодежью иной этнической принадлежности значимых различий по самооценке психического здоровья получено не было (табл. 1).

Таблица 1

**Самооценка психического здоровья в зависимости
от этнической принадлежности (N = 1258)**

Переменные	Респонденты						Критерий χ^2 / Критерий Манна-Уитни	$p \leq$
	Представитель КМНСС и ДВ		Другая этническая принадлежность		Всего			
	Абсолютные значения	%	Абсолютные значения	%	Абсолютные значения	%		
Самооценка психического здоровья «Вы считаете, что Ваше психическое здоровье...?»								
Плохое	33	4,9	32	5,5	65	5,2	0,826	н/з
Удовлетворительное	251	37,4	209	35,6	460	36,6		
Хорошее	293	43,7	256	43,6	549	43,6		
Превосходное	94	14,0	90	15,3	184	14,6		
Всего	671	100,0	587	100,0	1258	100,0		

Опыт обращения к специалистам альтернативных практик для решения жизненных трудностей и психологических проблем, а также проблем в области здоровья молодежи. Рассмотрим отдельно опыт обращения за помощью к провайдерам альтернативной помощи как для решения проблем в области здоровья, так и для решения жизненных затруднений. Для решения проблем со здоровьем за помощью хотя бы раз в жизни (жизненный преваленс) к представителям альтернативной помощи обращались 12,4% респондентов (к шаману — 6,8%, к травнику или целителю — 5,6%, к человеку с «экстрасенсорными» способностями (например, гадалке) — 4,9%).

Для решения жизненных затруднений и психологических проблем хотя бы раз в жизни (жизненный преваленс) к представителям альтернативной помощи обращались 10,7% молодежи (к человеку с «экстрасенсорными» способностями (гадалке, астрологу и пр.) — 6,5%, к шаману — 6%, к травнику или целителю — 4,7%).

Опыт обращения за помощью к представителям альтернативных практик как для решения жизненных трудностей и психологических проблем, так и для решения проблем в сфере здоровья оказался позитивно ассоциирован с возрастом ($p \leq 0,001$), не ассоциирован с полом (табл. 2).

Этнокультурные различия в обращаемости за альтернативными видами помощи. Анализ показал, что в целом опыт обращения за помощью к представителям альтернативных практик действительно связан с этнокультурной принадлежностью: представители коренных народов чаще сообщали о том, что обращались к ним как для решения проблем со здоровьем (15,4% и 9,0% соответственно, $\chi^2 = 11,510$, $p \leq 0,001$), так и для решения жизненных трудностей и психологических проблем (13,3% и 7,7% соответственно, $\chi^2 = 10,367$, $p \leq 0,01$).

Однако более углубленный анализ показывает, что данные различия связаны именно с обращаемостью к шаманам, кото-

Таблица 2

Опыт обращения за альтернативной помощью в зависимости от пола ($N = 1258$)

Варианты ответа	Респонденты						Критерий χ^2	$p \leq$
	Мужской пол		Женский пол		Всего			
	Абсолютные значения	%	Абсолютные значения	%	Абсолютные значения	%		
<i>Опыт обращения за альтернативной помощью для решения проблем здоровья</i>								
да	50	11,8	106	12,8	156	12,4	0,614	н/з
<i>Опыт обращения за альтернативной помощью для решения психологических проблем и трудных жизненных ситуаций</i>								
да	39	9,2	95	11,4	134	10,7	0,223	н/з

рые являются более частыми проводниками помощи для этой этнокультурной группы как в области физического, так и психического здоровья. Касательно обращаемости к целителям и людям с «экстрасенсорными» способностями представители молодежи КМНСС и ДВ демонстрируют схожий опыт с молодежью других этнических групп. Тогда как к шаманам за помощью представители молодежи КМНСС и ДВ обращаются значительно чаще как для решения жизненных затруднений ($p \leq 0,01$), так и для решения проблем здоровья ($p \leq 0,05$).

Доля представителей молодежи, которые имеют совместный опыт обращения за помощью к провайдером альтернативных практик как для решения проблем со здоровьем, так и для решения психологических проблем и жизненных ситуаций, составила 6%.

Связь опыта обращения к разным видам провайдеров альтернативной помощи между собой. Опыт обращений за альтернативной помощью оказался взаимосвязан: представители молодежи, которые обращались за альтернативной помощью для решения жизненных трудностей, значительно чаще обращались за альтернативной

помощью и для решения проблем со здоровьем ($\chi^2 = 269,456$, $p \leq 0,000$).

Кроме того, молодежь, которая обращается за помощью к гадалкам, значительно чаще обращается и за другой альтернативной помощью (к целителям, травникам, представителям религии) ($p \leq 0,000$).

В целом по выборке мы наблюдаем совместное варьирование практик обращения. То есть те, кто обращается за помощью к гадалкам, больше обращаются и к целителям, и к астрологам, и к шаманам.

Доверие официальным институтам и обращение за помощью. Среднее значение по шкале «доверие к медицине» в выборке составило 3,39 баллов ($max = 5$, $SD = 1,181$), а к государственной власти — 2,74 баллов ($max = 5$, $SD = 1,348$).

Уровень доверия медицине оказался негативно ассоциирован с опытом обращения для решения жизненных трудностей и психологических проблем к шаманам ($p \leq 0,01$) и травникам ($p \leq 0,05$), но не связан с опытом решения проблем в сфере здоровья у провайдеров альтернативных видов помощи.

Обнаружена значимая негативная связь опыта обращения за помощью для

решения жизненных проблем к провайдерам альтернативных видов помощи и доверия к медицине ($\chi^2 = 21,473$, $p \leq 0,000$), а также доверия к государственной власти ($\chi^2 = 18,741$, $p \leq 0,001$): те, у кого доверие к государственным институтам выше, значимо реже обращались за альтернативной помощью. Аналогичная взаимосвязь наблюдается и при анализе опыта обращения за альтернативными видами помощи в области здоровья ($\chi^2 = 13,380$, $p \leq 0,01$ и $\chi^2 = 16,004$, $p \leq 0,01$ соответственно).

Исследование также показало, что уровень доверия к медицине оказался не связан с опытом обращения за помощью к психологам и представителям религии.

Кроме того, уровень доверия к медицине и государственной власти оказался не связан с готовностью обращения за альтернативной помощью в будущем ($p = \text{н/зн.}$).

Предикторы готовности обращения за альтернативной помощью в сфере здоровья в будущем. Готовы обратиться в будущем

при возникновении проблем со здоровьем за альтернативной помощью (к человеку с «экстрасенсорными» способностями (гадалке, астрологу и пр.), шаману, травнику, целителю) 11,4% молодежи.

В табл. 3 представлены результаты логистического регрессионного анализа (model Backward Stepwise – Wald), направленного на проверку модели, предсказывающей уровень готовности молодежи к обращению за альтернативной помощью в сфере здоровья. Проверялись несколько групп факторов: пол, возраст, этническая принадлежность (КМНСС и ДВ и иная), место рождения (крупный город, небольшой город, деревня), место проживания, субъективная репрезентация психического здоровья (самооценка), жизненный опыт обращения за альтернативной помощью в прошлом, а также жизненный опыт обращения к психологам в прошлом. В таблице представлены только факторы, которые сохранили свою значимость в регрессионной модели.

Таблица 3

Логистическая регрессионная модель готовности молодежи к обращению за альтернативными видами помощи

Независимые переменные	Готовность к обращению за альтернативными видами помощи		
	Регрессионный коэффициент <i>B</i>	Значимость $p \leq$	95% Доверительный интервал <i>B</i>
Пол: мужской	1,599	0,018	1,085–2,355
Опыт обращения к представителям альтернативной помощи (к человеку с «экстрасенсорными» способностями, шаману, травнику, целителю) для решения жизненных трудностей и психологических проблем (да)	3,545	0,000	2,171–5,788
Опыт обращения к представителям альтернативной помощи (к человеку с «экстрасенсорными» способностями, шаману, травнику, целителю) для решения проблем со здоровьем (да)	4,757	0,000	3,002–7,539

Примечания. *R* квадрат Нейджелкера = 0,191. Критерий хи-квадрат Пирсона = 127,917, *df* = 3, *Sig.* = 0,000.

Готовность при возникновении проблем со здоровьем обращаться за альтернативными видами помощи (к людям с «экстрасенсорными» способностями, шаманам, целителям и пр.) оказалась связана с полом: при контроле иных факторов юноши имеют более выраженный уровень готовности.

Опыт обращения в прошлом к представителям альтернативной помощи для решения как жизненных трудностей и психологических проблем, так и проблем в сфере здоровья значимо повышает уровень готовности обращения к этим специалистам и в будущем.

Этническая принадлежность не показала значимой связи с готовностью к обращению за альтернативной помощью: молодежь КМНСС и ДВ, как и молодежь иной этнической принадлежности, имеет равно выраженную готовность к обращению за альтернативной помощью в будущем.

Самооценочные характеристики социально-статусной позиции (место рождения и место проживания) также оказались не связаны с готовностью обращаться за помощью к провайдерам альтернативной помощи. Субъективная репрезентация психического здоровья, равно как и опыт обращения к профессиональному психологу в прошлом, не имеет предиктивной силы влияния на готовность обращаться за альтернативными видами помощи.

Обсуждение результатов

Поиск путей решения проблем у гадалок, экстрасенсов, шаманов, целителей и иных неконвенциональных специалистов может являться альтернативой обращения к профессионалам помогающих профессий. С точки зрения психологии здоровья такое поведение может выступать как протективным фактором, так и

фактором риска в отношении здоровья и психологического благополучия.

Гипотеза 1 о связи этнической принадлежности и опыта обращения за альтернативной помощью подтвердилась частично. Большой опыт такого обращения наблюдается у молодежи КМНСС и ДВ, но только за счет их более частого обращения к шаманам. Шаманизм — один из атрибутов уникальных духовных обрядовых культур КМНСС и ДВ Российской Федерации [5]. Обращение к другим провайдерам альтернативных практик оказалось не связанным с этнической принадлежностью. Это согласуется с данными американского исследования: использование духовного целителя не было связано с этнической принадлежностью респондентов, а также их показателями здоровья [33].

Гипотеза 2 о совместном варьировании опыта обращения к разным видам помощи подтвердилась. Эта взаимосвязь может быть обусловлена «подростковым экспериментированием» в разных сферах жизни, открытостью новому опыту и в отношении поиска оптимальных видов помощи в сфере решения проблем со здоровьем и жизненных затруднений.

Наши данные об отсутствии связи пола с опытом обращения к альтернативным практикам противоречат результатам ряда исследований. Женщины чаще по сравнению с мужчинами имеют опыт обращения к провайдерам альтернативных видов помощи: такие данные обнаруживаются как на клинических [36], так и неклинических выборках [19]. Женщины по сравнению с мужчинами имеют и более выраженную веру в паранормальные явления [21; 37]. Любопытно, что в нашем исследовании именно мужской пол оказался единственным социально-демо-

графическим предиктором готовности обратиться за помощью к людям с «экстрасенсорными» способностями при возникновении проблем со здоровьем. Можно предположить, что, с одной стороны, в современной российской молодежной среде происходит нивелирование половых различий в некоторых поведенческих практиках (см., например, [1]). С другой стороны, повышенная готовность мужчин по сравнению с женщинами решать проблемы со здоровьем у «шаманов» может косвенно говорить о существующих страхах мужчин к обращению за официальной медицинской помощью и избегающем поведении. Действительно, мужчины обращаются за медицинской помощью реже, чем женщины [9], реже сообщают о том, что нуждаются в помощи, в том числе и психологической [13; 34].

Наконец, гипотеза 3 о связи кризиса доверия к официальной медицине и государственной власти с обращением за альтернативными видами помощи подтвердилась. Недоверие к официальной медицине может повышать мотивацию молодежи к использованию альтернативных видов помощи в сфере здоровья по результатам недавнего систематического обзора [43]. Но также при обращении к провайдерам альтернативных видов помощи и общении с ними молодежь может терять доверие к официальным институциям оказания помощи, существующим в обществе.

Заключение

Альтернативные виды помощи остаются популярны и привлекательны для людей, несмотря на их низкую или недоказанную эффективность [18; 32]. Поэтому крайне важно понимать и распространенность данных практик среди разных групп населения, и факторы, способствующие

их использованию, с целью предотвращения неблагоприятных и опасных последствий такого рода помощи.

Ограничения данного исследования. А) Опрос проходил среди представителей молодежи коренных малочисленных народов России, не ведущих «традиционный» для этих этнических групп населения образ жизни, проживающих совместно на одних территориях с молодежью других этнических групп и готовых участвовать в опросе на русском языке. Таким образом, данные исследования не характеризуют молодежь КМНСС и ДВ Российской Федерации, проживающую в иных социальных условиях, в том числе ведущую «традиционный» образ жизни. Б) Распространенность разных видов услуг альтернативной помощи на конкретной территории России, а также их стоимость могут являться медиаторами обращения за такой помощью в силу ее доступности. Однако данные факторы не были учтены в нашем исследовании. Мы изучали опыт обращения к провайдерам альтернативных услуг помощи без привязки к конкретной географической территории Российской Федерации. При сформированной мотивации человек имеет возможность подобрать провайдера услуг в соответствии со своим материальным статусом в силу большой вариативности существующей ценовой политики в этой сфере в Российской Федерации. Важными предикторами обращения могут служить и когнитивные факторы, например, убеждения человека (в частности, вера в паранормальное). В последующих исследованиях эти факторы целесообразно изучать и учитывать в анализе. В) Работе свойственны все ограничения кросс-секционных, основанных на самоотчетах опросных исследований.

Литература

1. Антонова Н.А., Ерицын К.Ю., Цветкова Л.А. Субъективная репрезентация психического и соматического здоровья подростков и молодежи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2022. № 203. С. 39–54. DOI:10.33910/1992-6464-2022-203-39-54
2. Горюнов А.В., Хлопушин Р.Г. Рынок традиционной медицины Санкт-Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 179–185.
3. Козлов А.И., Козлова М.А., Вершубская Г.Г., Шилов А.Б. Здоровье коренного населения Севера Российской Федерации: на грани веков и культур. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 205 с.
4. Крашенинникова Ю.А. «Неформальное здравоохранение» в современной России и факторы его развития (по материалам пилотного исследования) [Электронный ресурс] // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 24(4). С. 99–122. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4920> (дата обращения: 01.04.2023).
5. Кудашкин В.А. Изменения духовной культуры у малочисленных народов Севера и Сибири в XX веке // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 2. С. 79–82.
6. Лехциер В.Л., Готлиб А.С., Финкельштейн И.Е. Медицинский выбор хронических больных в крупном российском городе: ситуации, практики, факторы // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 2. С. 78–98. DOI:10.19181/socjour.2019.25.2.6387
7. Михель Д.В. Социальная антропология медицинских систем: медицинская антропология. Саратов: Новый проект, 2010. 80 с.
8. Прокопьева А.Н. Речные люди: жизнь на берегу р. Лена // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Науки о Земле». 2018. № 1(09). С. 23–29.
9. Решетников А.В. Социология обязательного медицинского страхования (часть II) // Социология медицины. 2013. № 1. С. 3–11.
10. Стратегия ВОЗ в области народной медицины, 2014–2023 гг. [Электронный ресурс] // Издание ВОЗ. 2013. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/112501> (дата обращения: 16.03.2023).
11. Харитонова В.И. От народно-медицинских традиций к интегративной медицине // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2012. № 1. С. 40.
12. Aarnio K., Lindeman M. Paranormal beliefs, education, and thinking styles // Personality and individual differences. 2005. Vol. 39(7). P. 1227–1236. DOI:10.1016/j.paid.2005.04.009
13. Addis M.E., Mahalik J.R. Men, masculinity, and the contexts of help seeking // American psychologist. 2003. Vol. 58(1). P. 5. DOI:10.1037/0003-066X.58.1.5
14. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organ Behav Hum Decis Process. 1991. Vol. 50(2). P. 179–211. DOI:10.1016/0749-5978(91)90020-T
15. Alzahrani A.S., Price M.J., Greenfield S.M., Paudyal V. Global prevalence and types of complementary and alternative medicines use amongst adults with diabetes: systematic review and meta-analysis // European journal of clinical pharmacology. 2021. Vol. 77(9). P. 1259–1274. DOI:10.1007/s00228-021-03097-x
16. Badakhsh M., Dastras M., Sarchahi Z., Doostkami M., Mir A., Bouya S. Complementary and alternative medicine therapies and COVID-19: a systematic review // Reviews on environmental health. 2021. Vol. 36(3). P. 443–450. DOI:10.1515/reveh-2021-0012
17. Bader C.D., Mencken F.C., Baker J.O. Paranormal America: Ghost Encounters, ufo Sightings, Bigfoot Hunts, and Other Curiosities in Religion and Culture // Journal of American History. 2010. Vol. 98(3). P. 927–928. DOI:10.1093/jahist/jar391
18. Berman J.D., Straus S.E. Implementing a research agenda for complementary and alternative medicine // Annual Review of Medicine. 2004. Vol. 55. P. 239. DOI:10.1146/annurev.med.55.091902.103657
19. Bishop F.L., Lewith G.T. Who uses CAM? A narrative review of demographic characteristics and health factors associated with CAM use // Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine. 2010. Vol. 7(1). P. 11–28. DOI:10.1093/ecam/nen023

20. *Bishop F.L., Yardley L., Lewith G.T.* A systematic review of beliefs involved in the use of complementary and alternative medicine // *Journal of health psychology*. 2007. Vol. 12(6). P. 851–867. DOI:10.1177/1359105307082447
21. *Castro M., Burrows R., Wooffitt R.* The paranormal is (still) normal: The sociological implications of a survey of paranormal experiences in Great Britain // *Sociological research online*. 2014. Vol. 19(3). P. 30–44. DOI:10.5153/sro.3355
22. *Clarke T.C., Black L.I., Stussman B.J., Barnes P.M., Nahin R.L.* Trends in the use of complementary health approaches among adults: United States, 2002–2012 [Elektronnyi resurs] // *National health statistics reports*. 2015. Vol. 79. P. 1. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4573565/> (Accessed 10.02.2023).
23. *Cornally N., McCarthy G.* Help seeking behaviour: A concept analysis // *International journal of nursing practice*. 2011. Vol. 17(3). P. 280–288. DOI:10.1111/j.1440-172X.2011.01936.x
24. *Currie C., Inchley J., Molcho M., Lenzi M., Veselska Z., Wild F.* Health behaviour in school-aged children (HBSC) study protocol: background, methodology and mandatory items for the 2013/14 survey. St Andrews: CAHRU, 2014. 217 p.
25. *Drinkwater K.G., Dagnall N., Denovan A., Williams C.* Paranormal belief, thinking style and delusion formation: a latent profile analysis of within-individual variations in experience-based paranormal facets // *Frontiers in psychology*. 2021. Vol. 12. P. 670959. DOI:10.3389/fpsyg.2021.670959
26. *Eisenberg D.M., Davis R.B., Ettner S.L., Appel S., Wilkey S., Van Rompay M., Kessler R.C.* Trends in alternative medicine use in the United States, 1990–1997: results of a follow-up national survey // *Jama*. 1998. Vol. 280(18). P. 1569–1575. DOI:10.1001/jama.280.18.1569
27. *Fischer F.H., Lewith G., Witt C.M., Linde K., von Ammon K., Cardini F., ... & Brinkhaus B.* High prevalence but limited evidence in complementary and alternative medicine: guidelines for future research // *BMC complementary and alternative medicine*. 2014. Vol. 14(1). P. 1–9. DOI:10.1186/1472-6882-14-46
28. *Graham R.E., Ahn A.C., Davis R.B., O'Connor B.B., Eisenberg D.M., Phillips R.S.* Use of complementary and alternative medical therapies among racial and ethnic minority adults: results from the 2002 National Health Interview Survey // *Journal of the National Medical Association*. 2005. Vol. 97(4). P. 535.
29. *Hall H.G., Griffiths D.L., McKenna L.G.* The use of complementary and alternative medicine by pregnant women: a literature review // *Midwifery*. 2011. Vol. 27(6). P. 817–824. DOI:10.1016/j.midw.2010.08.007
30. *Harnett J.E., McIntyre E., Steel A., Foley H., Sibbritt D., Adams J.* Use of complementary medicine products: a nationally representative cross-sectional survey of 2019 Australian adults // *BMJ open*. 2019. Vol. 9(7). P. e024198. DOI:10.1136/bmjopen-2018-024198
31. *Harris P.E., Cooper K.L., Relton C., Thomas K.J.* Prevalence of complementary and alternative medicine (CAM) use by the general population: a systematic review and update // *International journal of clinical practice*. 2012. Vol. 66(10). P. 924–939. DOI:10.1111/j.1742-1241.2012.02945.x
32. *Hughes B.M.* How should clinical psychologists approach complementary and alternative medicine? Empirical, epistemological, and ethical considerations // *Clinical psychology review*. 2008. Vol. 28(4). P. 657–675. DOI:10.1016/j.cpr.2007.09.005
33. *Levin J., Taylor R.J., Chatters L.M.* Prevalence and sociodemographic correlates of spiritual healer use: findings from the National Survey of American Life // *Complementary Therapies in Medicine*. 2011. Vol. 19(2). P. 63–70. DOI:10.1016/j.ctim.2011.02.001
34. *Liddon L., Kingerlee R., Barry J.A.* Gender differences in preferences for psychological treatment, coping strategies, and triggers to help-seeking // *British Journal of Clinical Psychology*. 2018. Vol. 57(1). P. 42–58. DOI:10.1111/bjc.12147
35. *Lindeman M.* Biases in intuitive reasoning and belief in complementary and alternative medicine // *Psychology and Health*. 2011. Vol. 26(3). P. 371–382. DOI:10.1080/08870440903440707

36. Molassiotis A., Fernandez-Ortega P., Pud D., Ozden G., Scott J.A., Panteli V., ... Patiraki E. Use of complementary and alternative medicine in cancer patients: a European survey // *Annals of oncology*. 2005. Vol. 16(4). P. 655–663. DOI:10.1093/annonc/mdi110
37. Mowen T.J., Heitkamp A., Boman J. Paranormal activity: Self-control theory and belief in the paranormal // *Deviant Behavior*. 2022. Vol. 43(6). P. 728–742. DOI:10.1080/01639625.2021.1915723
38. Quandt S.A., Verhoef M.J., Arcury T.A., Lewith G.T., Steinsbekk A., Kristoffersen A.E., ... Fønnebø V. Development of an international questionnaire to measure use of complementary and alternative medicine (I-CAM-Q) // *The Journal of Alternative and Complementary Medicine*. 2009. Vol. 15(4). P. 331–339. DOI:10.1089/acm.2008.0521
39. Ray J., Chakrabarty D., Paul R., Som K. Prevalence of the use of complementary and alternative medicine in an eastern Indian population with emphasis on tribal/ethnic minority groups // *Journal of Taibah University medical sciences*. 2018. Vol. 13(4). P. 384–389. DOI:10.1016/j.jtumed.2018.04.001
40. Rice T.W. Believe it or not: Religious and other paranormal beliefs in the United States // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2003. Vol. 42(1). P. 95–106. DOI:10.1111/1468-5906.00163
41. Slader C.A., Reddel H.K., Jenkins C.R., Armour C.L., Bosnic-Anticevich S.Z. Complementary and alternative medicine use in asthma: who is using what? // *Respirology*. 2006. Vol. 11(4). P. 373–387. DOI:10.1111/j.1440-1843.2006.00861.x
42. Stone A. Rational thinking and belief in psychic abilities: It depends on level of involvement // *Psychological Reports*. 2016. Vol. 118(1). P. 74–89. DOI:10.1177/0033294115625261
43. Tangkiatkumjai M., Boardman H., Walker D.M. Potential factors that influence usage of complementary and alternative medicine worldwide: a systematic review // *BMC Complementary Medicine and Therapies*. 2020. Vol. 20(1). P. 1–15. DOI:10.1186/s12906-020-03157-2
44. Thalbourne M.A. A glossary of terms used in parapsychology. Puente Publications, 2003. 176 p.
45. Urits I., Schwartz R.H., Orhurhu V., Maganty N.V., Reilly B.T., Patel P.M., ... Viswanath O. A comprehensive review of alternative therapies for the management of chronic pain patients: acupuncture, tai chi, osteopathic manipulative medicine, and chiropractic care // *Advances in therapy*. 2021. Vol. 38(1). P. 76–89. DOI:10.1007/s12325-020-01554-0

References

1. Antonova N.A., Eritsyana K.Yu., Tsvetkova L.A. Sub’ektivnaya reprezentatsiya psikhicheskogo i somaticheskogo zdorov’ya podrostkov i molodezhi korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal’nego Vostoka RF [Subjective representation of the mental and somatic health of adolescents and young people of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2022, no. 203, pp. 39–5. DOI:10.33910/1992-6464-2022-203-39-54 (In Russ.).
2. Goryunov A.V., Khlopushin R.G. Rynok traditsionnoi meditsiny Sankt-Peterburga [Market of traditional medicine St. Petersburg]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2005. Vol. 8, no. 1, pp. 179–185. (In Russ.).
3. Kozlov A.I., Kozlova M.A., Vershubskaya G.G., Shilov A.B. Zdorov’e korennoy naseleniya Severa Rossiiskoy Federatsii: na grani vekov i kul’tur [Health of the indigenous population of the North of the Russian Federation: on the verge of centuries and cultures]. Perm: OT i DO, 2013. 205 p. (In Russ.).
4. Krashenninnikova Yu.A. «Neformal’noe zdravookhraneniye» v sovremennoy Rossii i faktory ego razvitiya (po materialam pilotnogo issledovaniya) [Elektronnyi resurs] [“Informal Healthcare” in Modern Russia and Its Developmental Factors – Evidence from a Pilot Study]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*, 2015. Vol. 24, no. 4, pp. 99–122. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4920> (Accessed 01.04.2023).

5. Kudashkin V.A. Izmeneniya dukhovnoi kul'tury u malochislennykh narodov Severa i Sibiri v 20 veke [Changes in the Spiritual Culture of the Indigenous Peoples of the North and Siberia in the 20th Century]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia*, 2011, no. 2, pp. 79–82. (In Russ.).
6. Lekhtsier V.L., Gotlib A.S., Finkel'shtein I.E. Meditsinskiĭ vybor khronicheskikh bol'nykh v krupnom rossiiskom gorode: situatsii, praktiki, faktory [Medical choice of chronic patients in a large Russian city: Situations, practices, factors]. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 2019. Vol. 25, no. 2, pp. 78–98. DOI:10.19181/socjour.2019.25.2.6387 (In Russ.).
7. Mikhel' D.V. Sotsial'naya antropologiya meditsinskikh sistem: meditsinskaya antropologiya [Social Anthropology of Medical Systems: Medical Anthropology]. Saratov: New project, 2010. 80 p. (In Russ.).
8. Prokop'eva A.N. Rechnye lyudi: zhizn' na beregu r. Lena [River people: life on the banks of the Lena river]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya «Nauki o Zhemle» = Bulletin of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosov. Earth Sciences series*, 2018. Vol. 1, no. 9, pp. 23–29. (In Russ.).
9. Reshetnikov A.V. Sotsiologiya obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya (chast' II) [The sociology of mandatory medical insurance: Part II]. *Sotsiologiya meditsiny = Sociology of medicine*, 2013, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).
10. Strategiya VOZ v oblasti narodnoi meditsiny, 2014–2023 gg. [Elektronnyi resurs] [WHO strategy in the field of traditional medicine, 2014-2023]. WHO, 2013. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/112501> (Accessed 16.02.2023).
11. Kharitonova V.I. Ot narodno-meditsinskikh traditsii k integrativnoi meditsine [From folk medicine traditions to integrative medicine]. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga = Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug*, 2012, no. 1, p. 40. (In Russ.).
12. Aarnio K., Lindeman M. Paranormal beliefs, education, and thinking styles. *Personality and individual differences*, 2005. Vol. 39, no. 7, pp. 1227–1236. DOI:10.1016/j.paid.2005.04.009
13. Addis M.E., Mahalik J.R. Men, masculinity, and the contexts of help seeking. *American psychologist*, 2003. Vol. 58, no. 1, p. 5. DOI:10.1037/0003-066X.58.1.5
14. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991. Vol. 50, no. 2, pp. 179–211. DOI:10.1016/0749-5978(91)90020-T
15. Alzahrani A.S., Price M.J., Greenfield S.M., Paudyal V. Global prevalence and types of complementary and alternative medicines use amongst adults with diabetes: systematic review and meta-analysis. *European journal of clinical pharmacology*, 2021. Vol. 77, no. 9, pp. 1259–1274. DOI:10.1007/s00228-021-03097-x
16. Badakhsh M., Dastras M., Sarchahi Z., Doostkami M., Mir A., Bouya S. Complementary and alternative medicine therapies and COVID-19: a systematic review. *Reviews on environmental health*, 2021. Vol. 36, no. 3, pp. 443–450. DOI:10.1515/revh-2021-0012
17. Bader C.D., Mencken F.C., Baker J.O. Paranormal America: Ghost Encounters, ufo Sightings, Bigfoot Hunts, and Other Curiosities in Religion and Culture. *Journal of American History*, 2010. Vol. 98, no. 3, pp. 927–928. DOI:10.1093/jahist/jar391
18. Berman J.D., Straus S.E. Implementing a research agenda for complementary and alternative medicine. *Annual Review of Medicine*, 2004. Vol. 55, pp. 239. DOI:10.1146/annurev.med.55.091902.103657
19. Bishop F.L., Lewith G.T. Who uses CAM? A narrative review of demographic characteristics and health factors associated with CAM use. *Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine*, 2010. Vol. 7, no. 1, pp. 11–28. DOI:10.1093/ecam/nen023
20. Bishop F.L., Yardley L., Lewith G.T. A systematic review of beliefs involved in the use of complementary and alternative medicine. *Journal of health psychology*, 2007. Vol. 12, no. 6, pp. 851–867. DOI:10.1177/1359105307082447

21. Castro M., Burrows R., Wooffitt R. The paranormal is (still) normal: The sociological implications of a survey of paranormal experiences in Great Britain. *Sociological research online*, 2014. Vol. 19, no. 3, pp. 30–44. DOI:10.5153/sro.3355
22. Clarke T.C., Black L.I., Stussman B.J., Barnes P.M., Nahin R.L. Trends in the use of complementary health approaches among adults: United States, 2002–2012 [Elektronnyi resurs]. *National health statistics reports*, 2015. Vol. 79, p. 1. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4573565/> (Accessed 10.02.2023).
23. Cornally N., McCarthy G. Help seeking behaviour: A concept analysis. *International journal of nursing practice*, 2011. Vol. 17, no. 3, pp. 280–288. DOI:10.1111/j.1440-172X.2011.01936.x
24. Currie C., Inchley J., Molcho M., Lenzi M., Veselska Z., Wild F. Health behaviour in school-aged children (HBSC) study protocol: background, methodology and mandatory items for the 2013/14 survey. St Andrews: CAHRU, 2014. 217 p.
25. Drinkwater K.G., Dagnall N., Denovan A., Williams C. Paranormal belief, thinking style and delusion formation: a latent profile analysis of within-individual variations in experience-based paranormal facets. *Frontiers in psychology*, 2021. Vol. 12, p. 670959. DOI:10.3389/fpsyg.2021.670959
26. Eisenberg D.M., Davis R.B., Ettner S.L., Appel S., Wilkey S., Van Rompay M., Kessler R.C. Trends in alternative medicine use in the United States, 1990-1997: results of a follow-up national survey. *Journal of the American Medical Association*, 1998. Vol. 280, no. 18, pp. 1569–1575. DOI:10.1001/jama.280.18.1569
27. Fischer F.H., Lewith G., Witt C.M., Linde K., von Ammon K., Cardini F., ... & Brinkhaus B. High prevalence but limited evidence in complementary and alternative medicine: guidelines for future research. *BMC complementary and alternative medicine*, 2014. Vol. 14, no. 1, pp. 1–9. DOI:10.1186/1472-6882-14-46
28. Graham R.E., Ahn A.C., Davis R.B., O'Connor B.B., Eisenberg D.M., Phillips R.S. Use of complementary and alternative medical therapies among racial and ethnic minority adults: results from the 2002 National Health Interview Survey. *Journal of the National Medical Association*, 2005. Vol. 97, no. 4, p. 535.
29. Hall H.G., Griffiths D.L., McKenna L.G. The use of complementary and alternative medicine by pregnant women: a literature review. *Midwifery*, 2011. Vol. 27, no. 6, pp. 817–824. DOI:10.1016/j.midw.2010.08.007
30. Harnett J.E., McIntyre E., Steel A., Foley H., Sibbritt D., Adams J. Use of complementary medicine products: a nationally representative cross-sectional survey of 2019 Australian adults. *BMJ open*, 2019. Vol. 9, no. 7, pp. e024198. DOI:10.1136/bmjopen-2018-024198
31. Harris P.E., Cooper K.L., Relton C., Thomas K.J. Prevalence of complementary and alternative medicine (CAM) use by the general population: a systematic review and update. *International journal of clinical practice*, 2012. Vol. 66, no. 10, pp. 924–939. DOI:10.1111/j.1742-1241.2012.02945.x
32. Hughes B.M. How should clinical psychologists approach complementary and alternative medicine? Empirical, epistemological, and ethical considerations. *Clinical psychology review*, 2008. Vol. 28, no. 4, pp. 657–675. DOI:10.1016/j.cpr.2007.09.005
33. Levin J., Taylor R.J., Chatters L.M. Prevalence and sociodemographic correlates of spiritual healer use: findings from the National Survey of American Life. *Complementary Therapies in Medicine*, 2011. Vol. 19, no. 2, pp. 63–70. DOI:10.1016/j.ctim.2011.02.001
34. Liddon L., Kingler R., Barry J.A. Gender differences in preferences for psychological treatment, coping strategies, and triggers to help-seeking. *British Journal of Clinical Psychology*, 2018. Vol. 57, no. 1, pp. 42–58. DOI:10.1111/bjc.12147
35. Lindeman M. Biases in intuitive reasoning and belief in complementary and alternative medicine. *Psychology and Health*, 2011. Vol. 26, no. 3, pp. 371–382. DOI:10.1080/08870440903440707
36. Molassiotis A., Fernandez-Ortega P., Pud D., Ozden G., Scott J.A., Panteli V., ... Patiraki E. Use of complementary and alternative medicine in cancer patients: a European survey. *Annals of oncology*, 2005. Vol. 16, no. 4, pp. 655–663. DOI:10.1093/annonc/mdi110

37. Mowen T.J., Heitkamp A., Boman J. Paranormal activity: Self-control theory and belief in the paranormal. *Deviant Behavior*, 2022. Vol. 43, no. 6, pp. 728–742. DOI:10.1080/01639625.2021.1915723
38. Quandt S.A., Verhoef M.J., Arcury T.A., Lewith G.T., Steinsbekk A., Kristoffersen A.E., ... Fønnebo V. Development of an international questionnaire to measure use of complementary and alternative medicine (I-CAM-Q). *The Journal of Alternative and Complementary Medicine*, 2009. Vol. 15, no. 4, pp. 331–339. DOI:10.1089/acm.2008.0521
39. Ray J., Chakrabarty D., Paul R., Som K. Prevalence of the use of complementary and alternative medicine in an eastern Indian population with emphasis on tribal/ethnic minority groups. *Journal of Taibah University medical sciences*, 2018. Vol. 13, no. 4, pp. 384–389. DOI:10.1016/j.jtumed.2018.04.001
40. Rice T.W. Believe it or not: Religious and other paranormal beliefs in the United States. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2003. Vol. 42, no. 1, pp. 95–106. DOI:10.1111/1468-5906.00163
41. Slader C.A., Reddel H.K., Jenkins C.R., Armour C.L., Bosnic Anticevich S.Z. Complementary and alternative medicine use in asthma: who is using what? *Respirology*, 2006. Vol. 11, no. 4, pp. 373–387. DOI:10.1111/j.1440-1843.2006.00861.x
42. Stone A. Rational thinking and belief in psychic abilities: It depends on level of involvement. *Psychological Reports*, 2016. Vol. 118, no. 1, pp. 74–89. DOI:10.1177/0033294115625261
43. Tangkiatkumjai M., Boardman H., Walker D.M. Potential factors that influence usage of complementary and alternative medicine worldwide: a systematic review. *BMC Complementary Medicine and Therapies*, 2020. Vol. 20, no. 1, pp. 1–15. DOI:10.1186/s12906-020-03157-2
44. Thalbourne M.A. A glossary of terms used in parapsychology. Puente Publications, 2003. 176 p.
45. Urits I., Schwartz R.H., Orhurhu V., Maganty N.V., Reilly B.T., Patel P.M., ... Viswanath O. A comprehensive review of alternative therapies for the management of chronic pain patients: acupuncture, tai chi, osteopathic manipulative medicine, and chiropractic care. *Advances in therapy*, 2021. Vol. 38, no. 1, pp. 76–89. DOI:10.1007/s12325-020-01554-0

Информация об авторах

Антонова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, доцент Института психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8902>, e-mail: antonova.natalia11@gmail.com

Ерицын Ксения Юрьевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Information about the authors

Natalia A. Antonova, PhD in Psychology, Assistant Professor at Psychology Institute, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8902>, e-mail: antonova.natalia11@gmail.com

Ksenia Yu. Eritsyen, PhD in Psychology, Researcher at Psychology Institute, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Получена 15.04.2023

Принята в печать 02.06.2023

Received 15.04.2023

Accepted 02.06.2023

Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи

Махнач А.В.

*ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru*

Сараева Н.М.

*ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru*

Дагбаева С.Б.

*ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru*

Лактионова А.И.

*ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru*

Постылякова Ю.В.

*ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-1572>, e-mail: postylyakova@mail.ru*

Суханов А.А.

*ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru*

Цель. Выявление возможных обусловленных этнокультуральными особенностями образа жизни отличий в показателях жизнеспособности, в связях и значимости ее компонентов и факторов у представителей русской и бурятской молодежи (от 15 до 24 лет).

Контекст и актуальность. Рост социально-экономической напряженности и вызовы современной общественной жизни обуславливают повышенные требования к жизнеспособности человека. Психологическая наука осознает запрос на анализ феноменологии и сущности жизнеспособности в разных ее аспектах. Один из таких аспектов — этнокультуральные отличия в жизнеспособности людей разной национальности, в частности, русских и бурят. Важно установить общие и национально специфичные компоненты жизнеспособности, факторы ее поддержки и рисков.

Дизайн исследования. Изучены показатели жизнеспособности в выборках русских и бурятских респондентов, с помощью кластерного анализа определена структура переменных, проведено их сопоставление. Выявлены корреляционные связи между переменными внутри каждого кластера, дана сравнительная оценка этих связей и значимости компонентов жизнеспособности, факторов поддержки и риска в каждой выборке.

Участники. 109 русских студентов вузов и 98 бурятских студентов вузов и колледжа. Всего 207 человек.

Методы (инструменты). Диагностика осуществлялась по программе «Resilient Youth in stressed environments» — «Жизнеспособная молодежь в стрессовых условиях», RYSE (Лактионова, Махнач, 2008; Унгар, Хэдфилд (Ungar, Hadfield), 2019), включающей 9 тестов, названных в статье, и социально-демографическую анкету.

Результаты. Результаты исследования свидетельствуют о сходстве уровня (он высокий у большей части респондентов обеих выборок), базовых характеристик жизнеспособности, ее факторов (собственных сил, поддержки семьи и социума). В то же время выявлены отличия по всем переменным, входящим в факторы защиты. У бурятских студентов показатели выше, чем у русских. Особенно отчетливо отличия проявляются в показателях жизнеспособности контекстуальной, прежде всего, в оценках значимости религиозной веры, отношения к культуре и традициям своего народа. Выявились отличия во взаимосвязях переменных: показатель виктимизации у респондентов-бурят положительно связан только с показателем шкалы «Травматические симптомы», а в русской выборке — с показателями депрессии и позитивными детскими переживаниями. Отрицательные связи этой переменной в русской выборке отмечаются с показателями всех компонентов жизнеспособности и с показателем восприятия соседства. В бурятской выборке значимые отрицательные корреляционные связи по этой шкале отсутствуют.

Основные выводы. Жизнеспособность имеет для людей разной национальности базовые основы, структуру и факторы. Не обнаружены какие-то отдельные уникальные национальные особенности в жизнеспособности представителей русской и бурятской молодежи. Вместе с тем этнокультуральные особенности образа жизни определяют некоторые отличия в оценке респондентами разной национальности значимости компонентов жизнеспособности, ее факторов, в связях показателей и характеристик.

Ключевые слова: жизнеспособность; молодежь; русские и буряты; культура; традиции; социальная экология мест проживания; факторы риска и защиты.

Для цитаты: Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Суханов А.А. Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи // Социальная психология и общество. 2023. Том. № 14. № 2. С. 66—84. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140205>

Comparative Empirical Analysis of the Russian and Buryat Youth Resilience

Alexander V. Makhnach

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Nadezhda M. Sarayeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraieva@mail.ru

Soyelma B. Dagbayeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Anna I. Laktionova

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Yuliya V. Postylyakova

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-1572>, e-mail: postylyakova@mail.ru

Aleksey A. Sukhanov

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanov-71@mail.ru

Objective. *Identification of the possible, conditioned by the ethnocultural peculiarities of the way of living differences in the indicators of resilience, in the connections, in the significance of its components and the factors in the representatives of Russian and Buryat youth (from 15 to 24 years).*

Background. *The increase in social and economic tensions and the challenges of modern social life make for increased demands on human resilience. Psychological science is aware of the request for an analysis of phenomenology and the essence of resilience in its various aspects. One such angle is ethnocultural variations in the resilience of people from different nationalities, in particular Russians and Buryats. It is important to determine the general and the ethno-specific components of resilience, factors of its support and the risk factors.*

Study design. *There is studied the resilience indicators in the samples of Russian and Buryat respondents, by means of the cluster analysis has determined the structure of variables, their comparison is carried out. The correlations between the variables within each cluster are revealed, there were given a comparative assessment of these relationships, of resilience components significance, factors of support and the risk in each sample.*

Participants. *Sample: 109 Russian students from the universities and 98 Buryat students from the universities and a college. The total sample is 207 people.*

Measurements. *The diagnosis was carried out under the program “Resilient Youth in stressed environments” — “Zhiznesposobnaya molodezh’ v stressovykh usloviyakh”, RYSE (Laktionova, Makhnach, 2008; Ungar, Hadfield, 2019), which includes 9 questionnaires named in the article, and a socio-demographic questionnaire.*

Results. *The results of the study testify to the similarity of the level (it is high for most of the respondents in both samples), basic characteristics of resilience and its factors (their own forces, support of family and society). At the same time, the differences for all variables included in the protective factors were revealed. The indicators of resilience Buryat students are higher than in Russians. The differences are particularly clear appeared in indicators of contextually resilience primarily in assessments of the significance of religious faith, the attitudes to the culture and traditions of their people. There were found differences in the interrelations of variables: the indicator of victimization in Buryat respondents is positively associated only with the indicator of the “Traumatic Symptoms” scale, and in the Russian sample — with indicators of depression and positive childhood experiences. Negative correlations of this variable in the Russian sample are noted with the indicators of all resilience components and with the rate of the Perception of Neighbourhood. There are no significant negative correlations on this scale in the Buryat sample.*

Conclusions. *Resilience has foundations, structure and factors common to people of different nationalities. No unique national peculiarities in the resilience of representatives of Russian and Buryat youth were found. However, the ethno-cultural features of the way of life determine some distinctions in an assessment conducted by the respondents of different nationalities of the resilience components significance, its factors, connections of its indicators and characteristics.*

Keywords: *resilience; youth; russians and buryats; culture; traditions; social ecology of residence places; risk and protective factors.*

For citation: Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbayeva S.B., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V., Sukhanov A.A. Comparative Empirical Analysis of the Russian and Buryat Youth Resilience // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 66–84. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140205> (In Russ.).

Введение

Современная социальная ситуация и условия существования в нашей стране и в мире приводят к значительному росту напряженности психической деятельности человека, предъявляют повышенные требования к его психологической устойчивости, выносливости, умению приспособиться к трудным жизненным обстоятельствам, — то есть становятся реальным вызовом его жизнеспособности. Подверглись изменениям взгляды многих людей на саму ценность человеческой жизни. Проблема жизнеспособности человека, ее природы, механизмов, детерминант актуализировалась как никогда ранее. На-сущным стало изучение ее конкретных аспектов для определения ресурсов жизнеспособности человека, возможностей ее укрепления. В условиях жестких испытаний, которым сегодня подвергается жизнеспособность многих людей, решение этой задачи имеет не только сугубо академическую, но отчетливо выраженную практическую значимость — определение социальных и психологических опор, помогающих выжить и жить.

К важным аспектам жизнеспособности относятся ее этнопсихологические характеристики. Несмотря на то, что жизнеспособность является свойством общечеловеческим, она может иметь национально специфические характеристики, формы проявления, факторы становления.

Россия — страна многонациональная, многоконфессиональная, поликультурная. Образ жизни, культура, система воспитания, традиции каждого народа накладывают на общую для всех людей канву жизнеспособности национальный узор, определяя своеобразие поведения человека в трудных жизненных обстоятельствах, нюансы в рисках жизнеспособности и факторах ее поддержки.

В условиях совместного проживания представителей нескольких этносов особое значение приобретает сосуществование и взаимовлияние национальных обычаев, культур. Факторами каждой культуры являются терпимость к отличным от основной национальным традициям и верованиям [23], культурная и/или духовная идентификация, связь с корнями своего народа. В исследованиях жизнеспособности подростков выделяют также влияния фактора общества/контекста, который отличают от фактора культуры. Последний понимается как социальное, временное и географическое положение социальной группы — в нашем случае молодежи и подростков, в котором проявляется их принадлежность к определенной культуре [18]. Как считает М. Унгар, глобальные, культурные и контекстуальные аспекты жизни молодых людей способствуют развитию у них жизнеспособности [30].

Умение использовать имеющиеся в окружающей социальной среде ресурсы повышает жизнеспособность подростка и молодого человека. Развитию жизнеспособности способствуют динамические процессы взаимодействия между личностными характеристиками и соответствующими экологическими ресурсами [22].

В связи с этим с теоретической точки зрения жизнеспособность следует рассматривать как культурно обусловленный феномен, поскольку культура влияет на то, как люди интерпретируют невзгоды и как они должны реагировать на них [14].

Интересные результаты сравнительного анализа жизнеспособности подростков, проживающих в условиях социальных и экологических рисков России и ЮАР, выявленные отличия в жизнеспособности молодежи двух стран [11] побудили к постановке проблемы о возможном суще-

ствовании национальной специфики жизнеспособности и других народов уже внутри России, что обусловило выбор темы и заявленную цель исследования.

Не повторяя проведенный А.В. Махначем анализ исторического пути развития проблематики жизнеспособности в психологии [6], скажем, что в сравнительно коротком по времени (с 50-х годов прошлого века) процессе изучения такого сложного объекта, как жизнеспособность, общее движение исследовательской мысли обусловило уточнение и обогащение понимания жизнеспособности: от первоначального рассмотрения ее как черты личности, обеспечивающей внутреннюю устойчивость (с указанием на внешние факторы), через вычленение системных связей жизнеспособности со средой и позитивную адаптацию к ней — к пониманию жизнеспособности как сверхсложной самоорганизующейся системы с тонкими механизмами саморегуляции. Дальнейшее развитие представлений о системной природе и сути жизнеспособности привело к осознанию необходимости реализации метасистемной [5], интегративной [10] стратегий в ее изучении, которые требуются для анализа функционирования таких психологических образований.

Метакатегория жизнеспособности изучается зарубежными и отечественными исследователями с позиций разных методологических подходов: прежде всего, социально-психологического (в разных его вариантах, в том числе экологического (социокультурного) (А.В. Махнач [6; 7], А.И. Лактионова [5; 7], А.А. Нестерова [8], Ю.В. Постылякова [9], В.А. Толочек [12]), общепсихологического (Е.А. Рыльская [10]), эконпсихологического (Н.М. Сараева, А.А. Суханов [3]) и других. Концептуализация феноменологии жизнеспособности, представления авторов о ее

структуре и факторах разнятся. Но общим для моделей жизнеспособности является опора на два базовых полярных конструкта: риск (неблагополучие, слабость, уязвимость) и поддержка (компетенция, ресурсы, потенциалы).

Данная работа выполнена в рамках социально-психологического подхода, предполагающего системный анализ проявлений жизнеспособности личности в разных социальных контекстах.

Жизнеспособность здесь понимается как «индивидуальная способность управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» [7, с. 294].

К факторам риска для жизнеспособности относятся негативные диспозиционные качества личности, проблемы здоровья, неблагоприятные социально-экономические условия жизни человека в семье и во внешнем социальном окружении, включая общество в целом. Соответственно, те же характеристики, но с положительным знаком или содержанием считаются факторами поддержки жизнеспособности.

Теоретические позиции социально-психологического подхода определили направление работы по решению конкретной проблемы о существовании связанных с образом жизни этнокультуральных отличий в жизнеспособности русской и бурятской молодежи. Учитывалось, что в последние десятилетия при исследовании жизнеспособности подростков и молодежи, особенно из редко исследуемых выборок (в нашем случае — бурятская молодежь), прежде всего обращают внимание на контекстуально значимые социальные влияния [18; 20; 28; 30].

Цель исследования — эмпирически установить, существуют ли у представи-

телей русской и бурятской молодежи (от 15 до 24 лет) обусловленные этнокультуральными особенностями образа жизни отличия в показателях жизнеспособности, в связях и оценке значимости ее компонентов, факторов, обеспечивающих ее уровень.

Предварительно определимся с рядом понятий.

Ю.В. Бромлей предлагал определять этнос как исторически сложившуюся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований [1]. Национальность — принадлежность человека к той или иной социально-этнической общности: нации, народности, национальной (этнической) группе [4].

В статье представлены материалы изучения жизнеспособности молодых людей, принадлежащих к русской и бурятской национальности. Они живут на одной территории — в Забайкальском крае. Природно-климатические, геополитические, социально-исторические, в том числе религиозные, факторы определили образ жизни и, соответственно, этнокультуральные, этнопсихологические особенности русских и бурят. Они имеют как сходные, так и отличающиеся характеристики.

Буряты живут в России на территории Забайкальского края, Иркутской области, Республики Бурятия. С.Б. Дагбаева [2] отмечает: особенностью современных бурят является конгломерат традиционных ценностных ориентаций с ценностными ориентациями европейской (российской) культуры. Буряты отличаются развитыми традициями кровно-родственной связи между родичами, что позволяет индивиду ощущать себя продолжателем рода, связу-

ющей нитью поколений, воспитывает чувство ответственности. Для бурятской культуры традиционной является большая патриархальная семья. Значительная часть современных бурят разделяет идеи и ценности буддизма, шаманизма, христианства. Ряд буддийских практик развивает ключевые характеристики жизнеспособности и духовного интеллекта (SQ — spiritual intelligence), и эти практики могут способствовать индивидуальной жизнеспособности [19]. Позитивными чертами национального характера бурят считают настойчивость, рациональный образ мышления, неторопливость и осмотрительность, уравновешенность, взаимопомощь, уважение к старшим. Высока у бурят ценность здоровья.

Обратимся к эмпирическому изучению жизнеспособности представителей русской и бурятской молодежи.

Сформулированы следующие гипотезы исследования:

1. Существуют обусловленные этнокультуральными особенностями образа жизни отличия в показателях жизнеспособности русской и бурятской молодежи;
2. Возможны отличия в связях, значимости компонентов жизнеспособности русских и бурят и во взаимосвязях факторов риска и защиты.

Методы

Применялась диагностическая программа, включающая социально-демографическую анкету и следующие тесты: 1. Индекс детской посттравматической стрессовой реакции, адаптированный для молодежи (Child Post-Traumatic Stress Reaction Index, adapted for non-students/older youth; (CPTS-RI)) [17]; 2. Шкала нарушений, связанных с травматическими симптомами (Impairment Associated with the Traumatic Symptoms

Scale, IATSS) [25]; 3. Шкала восприятия соседства (Community risk – Perception of Neighborhood Scale, CR-PNS) [25]: отражает восприятие социальной экологии места проживания (безопасность, чистота, доброжелательность окружающих людей); 4. Опросник жизнеспособности детей и молодежи-28 (Child and Youth Resilience Measure-28, CYRM-28) [31]. Четыре субшкалы CYRM-28, адаптированные А.И. Лактионовой, А.В. Махначем, оценивают: индивидуальные ресурсы – субшкала «Жизнеспособность индивидуальная»; отношения с родителями или опекунами – субшкала «Жизнеспособность семейная»; ресурсы контекста – «Жизнеспособность контекстуальная». Три субшкалы формируют общую жизнеспособность – субшкала «Жизнеспособность общая»; 5. Шкала позитивных детских переживаний (Protective Childhood Experiences – Benevolent Childhood Experiences Scale, PCE-BCES) [24]; 6. Опросник депрессии Бека (Beck Depression Inventory-II, (BDI-II)) [15]; 7. Краткая версия опросника оценки здоровья (Short Form Health Survey; SF-20) [32]; 8. Викимизация по подшкале «Сообщество» опросника «Подверженность насилию» (Victimisation by Community subscale of the Exposure to Violence scale) [25]; 9. Шкала поддержки сверстников (Peer Support Scale (short)) [13]. О переводе и адаптации тестов для исследовательских целей см.: [11].

Программа позволяет определить экологические (социальные) детерминанты риска жизнеспособности, выявить защитные ресурсы и/или угрозы жизнеспособности на уровне личности, семьи, школы и социального окружения, оценить жизнеспособность, индивидуальные ресурсы, социальные навыки молодых людей, поддержку со стороны сверстников, отно-

шения с близкими людьми и контекстуальные ресурсы, которые отражают связь респондентов с культурой, верой и духовностью, образованием.

По полученным данным рассчитывались средние значения и стандартные отклонения переменных, осуществлялся сравнительный анализ с помощью критерия Стьюдента (t) для двух независимых выборок, проводились иерархический кластерный и корреляционный анализ данных по К. Пирсону.

Выборка исследования

Группой исследования стали студенты вузов и колледжей Забайкальского края. Русских респондентов – 109 человек (средний возраст – $20,09 \pm 1,56$), проживающих в г. Чите. Выборка бурят составила 98 человек (средний возраст – $19,02 \pm 2,07$), 63 человека из них проживают в г. Чите (студенты вузов) и 35 человек – в поселке Агинское (студенты колледжа). Этническая идентичность респондентов определялась в отнесении ими себя к русским или бурятам при ответе на вопрос о национальности в социально-демографической анкете.

Результаты

Сравнение по материалам социально-демографической анкеты условий жизни русских и бурятских студентов, структуры их семей, образовательного статуса родителей как экологических (социальных) детерминант жизнеспособности показало следующее.

Бытовые условия проживания в краевом центре – г. Чите – и в п. Агинское, административном центре бывшего автономного национального бурятского округа, принципиально не отличаются. Можно считать их приемлемыми и хорошими. Все опрошенные получают образование, среди студентов вузов не-

которые уже имеют среднее профессиональное образование и работу.

Образовательный статус родителей студентов бурятской выборки выше, чем родителей студентов русской выборки. Больше бурятских, чем русских студентов живут в полных семьях.

С целью определения общей структуры всех исследуемых переменных был проведен иерархический кластерный анализ (см. рис. 1, 2) для обеих выборок, в результате которого выделено два кластера: «Факторы защиты» и «Факторы риска», соответствующие общей модели жизнеспособности. Кластерный анализ позволил уточнить входящие в каждый кластер переменные. Так, в первый кластер «Факторы защиты» наряду с традиционно выделяемыми в нем компонентами жизнеспособности вошли переменная «Восприятие соседства», расширяющая пони-

мание контекста социального окружения испытуемых, и переменная «Поддержка сверстников», оценивающая наличие ресурса социальной поддержки. Второй кластер «Факторы риска» аналогичным образом объединил в себе переменные, которые исследователи однозначно относят к риску для испытуемых: «Депрессия», «ПТСР», «Травматические симптомы», а также в него вошли переменные «Здоровье», «Позитивные детские переживания» и «Виктимизация». При этом высокое значение показателей «Здоровье», «Позитивные детские переживания» свидетельствует о слабости этих признаков, проблемах со здоровьем и нехватке хороших воспоминаний о детстве.

Отметим, что для обеих выборок кластеры получились идентичными.

Сопоставление показателей жизнеспособности русских и бурятских

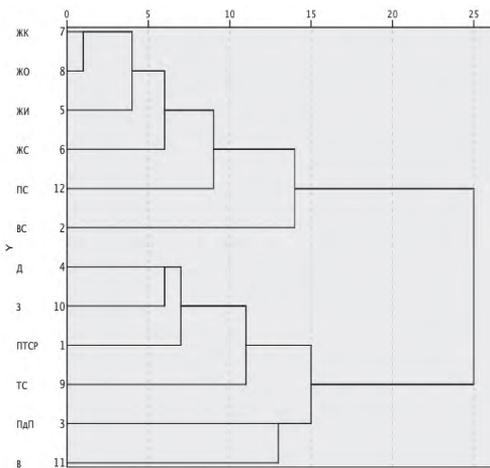

Рис. 1. Результаты кластерного анализа структуры всех исследуемых переменных для русской выборки (n1=109)

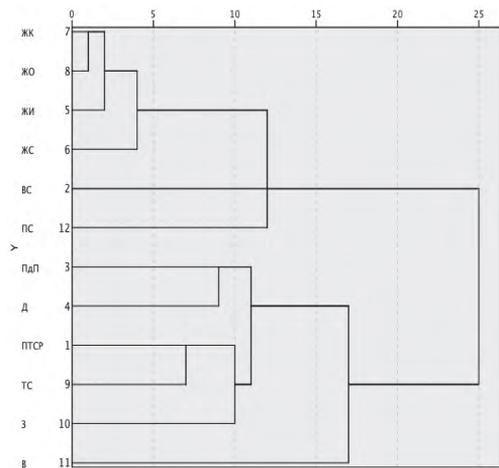

Рис. 2. Результаты кластерного анализа структуры исследуемых переменных для бурятской выборки (n2=98)

Условные обозначения: ЖИ — Жизнеспособность индивидуальная; ЖС — Жизнеспособность семейная; ЖК — Жизнеспособность контекстуальная; ЖО — Общий показатель жизнеспособности; ВС — Восприятие соседства; ПС — Поддержка сверстников; ПТСР — Индекс посттравматической стрессовой реакции; Д — Депрессия; З — Здоровье; ПдП — Позитивные детские переживания; ТС — Травматические симптомы; В — Виктимизация со стороны сообщества.

студентов по тестам осуществлялось в соответствии с выделенными выше кластерами. В табл. 1 представлены результаты расчета средних показателей (M), стандартных отклонений (SD) и значения полученного при сравнении t-критерия Стьюдента.

Анализ переменных, входящих в факторы защиты, выявил, что показатели жизнеспособности респондентов русской и бурятской выборок по всем субшкалам значимо отличаются. У бурятских студентов показатели выше, чем у русских.

В кластере «Факторы риска» жизнеспособности выявлены отличия в показателях здоровья (оно лучше у студен-

тов-бурят) и по субшкале «Позитивные детские переживания» (больше позитивных воспоминаний у студентов-бурят).

Индекс ПТСР в обеих группах соответствует умеренному уровню, показатель депрессии — минимальному.

Показатели общей и отдельных видов жизнеспособности у большей части респондентов, независимо от национальности, соответствуют высокому уровню.

Для русской и бурятской выборок был проведен корреляционный анализ с целью определения различий во взаимосвязях между переменными внутри каждого выделенного кластера. Результаты представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 1

Показатели средних значений и стандартных отклонений по шкалам тестов в выборках русских и бурятских студентов

	Шкалы	Русские, N1 = 109		Буряты, N2 = 98		t-критерий (эмпириче- ский)
		M	SD	M	SD	
		2	3	4	5	
ФЗ	Жизнеспособность индивидуальная	29,2	4,0	30,3	4,2	2,0*
	Жизнеспособность семейная	29,1	5,5	30,7	4,8	2,3*
	Жизнеспособность контекстуальная	54,4	7,9	59,6	8,8	4,5**
	Жизнеспособность общая	112,7	15,3	120,7	16,5	3,6**
	Восприятие соседства	27,6	6,2	31,4	5,9	2,9**
	Поддержка сверстников	13,1	2,6	14,5	2,2	3,9**
ФР	Посттравматическая стрессовая реакция	49,4	11,5	47,0	14,7	1,9
	Травматические симптомы	5,3	2,8	5,0	2,4	1,0
	Депрессия	11,5	9,4	10,6	11,4	0,6
	Виктимизация со стороны сообщества	7,5	1,2	7,7	1,6	1,0
	Здоровье, общий показатель (обратный подсчет) ¹	28,5	8,0	26,2	7,8	2,1*
	Позитивные детские переживания (обратный подсчет)	2,4	1,9	1,4	1,4	4,0**

Примечания: * — при $p \leq 0,05$; ** — при $p \leq 0,01$; ФЗ — Факторы защиты; ФР — Факторы риска.

¹ При обратном подсчете баллов по шкалам «Здоровье», «Позитивные детские переживания» оценка результатов тоже обратная: чем меньше суммарный балл, тем выше уровень признака.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей шкал тестов
в выборке русских респондентов

Шкалы	Факторы защиты (ФЗ)					Факторы риска (ФР)						
	ЖИ	ЖС	ЖК	ЖО	ВС	ПС	ПТСР	Д	З	ПдП	ТС	В
ФЗ	ЖИ	1										
	ЖС	0,508**	1									
	ЖК	0,732**	0,663**	1								
	ЖО	0,821**	0,834**	0,944**	1							
	ВС	0,242*	0,308**	0,300**	0,329**	1						
ФР	ПС	0,596**	0,333**	0,486**	0,526**	0,218*	1					
	ПТСР	-0,308**	-0,299**	-0,367**	-0,377**	-0,318**	-0,272**	1				
	Д	-0,428**	-0,362**	-0,466**	-0,482**	-0,462**	-0,413**	0,631**	1			
	З	-0,260**	-0,214**	-0,215*	-0,256**	-0,316**	-0,185	0,571**	0,645**	1		
	ПдП	-0,333**	-0,314**	-0,496**	-0,455**	-0,301**	-0,243*	0,200*	0,431**	0,181	1	
ТС	-0,297**	-0,441**	-0,414**	-0,449**	-0,297**	-0,243*	0,565**	0,499**	0,282**	0,212*	1	
В	-0,306**	-0,352**	-0,267**	-0,344**	-0,263**	-0,124	0,143	0,194*	0,142	0,298**	0,133	1

Примечания: * – при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$; ЖИ – Жизнеспособность индивидуальная; ЖС – Жизнеспособность семейная; ЖК – Жизнеспособность контекстуальная; ЖО – Общий показатель жизнеспособности; ВС – Восприятие соседства; ПС – Поддержка сверстников; ПТСР – Индекс посттравматической стрессовой реакции; Д – Депрессия; З – Здоровье; ПдП – Позитивные детские переживания; ТС – Травматические симптомы; В – Витимизация со стороны сообщества.

**Результаты корреляционного анализа показателей шкал тестов
в выборке бурятских респондентов**

Шкалы	Факторы защиты (ФЗ)					Факторы риска (ФР)							
	ЖИ	ЖС	ЖК	ЖО	ВС	ПС	ПТСР	Д	З	ПдП	ТС	В	
ФЗ	ЖИ	1											
	ЖС	0,712**	1										
	ЖК	0,833**	0,769**	1									
	ЖО	0,905**	0,880**	0,967**	1								
	ВС	0,361**	0,373**	0,393**	0,409**	1							
	ПС	0,454**	0,215*	0,336**	0,358**	0,275**	1						
ФР	ПТСР	-0,278**	-0,274**	-0,339**	-0,331**	-0,314**	-0,209*	1					
	Д	-0,325**	-0,292**	-0,253*	-0,302**	-0,278**	-0,245*	0,520**	1				
	З	-0,413**	-0,349**	-0,304**	-0,367**	-0,429**	-0,315**	0,433**	0,525**	1			
	ПдП	-0,518**	-0,418**	-0,458**	-0,499**	-0,382**	-0,258*	0,300**	0,553**	0,349**	1		
	ТС	-0,290**	-0,85**	-0,255*	-0,292**	-0,261*	-0,221*	0,647**	0,403**	0,526**	0,352**	1	
	В	-0,067	-0,083	-0,093	-0,090	-0,067	-0,159	0,130	0,091	0,188	0,042	0,264*	1

Примечания. * — при $p \leq 0,05$; ** — при $p \leq 0,01$; ЖИ — Жизнеспособность индивидуальная; ЖС — Жизнеспособность семейная; ЖК — Жизнеспособность контекстуальная; ЖО — Общий показатель жизнеспособности; ВС — Восприятие соседства; ПС — Поддержка сверстников; ПТСР — Индекс посттравматической стрессовой реакции; Д — Депрессия; З — Здоровье; ПдП — Позитивные детские переживания; ТС — Травматические симптомы; В — Витимизация со стороны сообщества.

Сопоставление корреляционных взаимосвязей в кластерах двух выборок обнаружило в них как сходство, так и некоторые отличия. Корреляционные взаимосвязи в кластерах «Факторы защиты» в двух выборках идентичны. В кластере «Факторы риска» выявились различия во взаимосвязях переменной «Виктимизация» с переменными «Травматические симптомы», «Депрессия», «Позитивные детские переживания», «Восприятие соседства» между русской и бурятской выборками. У респондентов-бурят показатель виктимизации положительно связан только с показателем шкалы «Травматические симптомы», а в русской выборке — с показателями депрессии и позитивными детскими переживаниями. Отрицательные связи этой переменной в русской выборке отмечаются с показателями всех компонентов жизнеспособности и с показателем восприятия соседства. В бурятской выборке значимые отрицательные корреляционные связи по этой шкале отсутствуют.

Прямая связь показателей жизнеспособности и здоровья слабее в выборке русских и достигает умеренной силы в выборке бурят.

Результаты исследования в целом свидетельствуют как о сходстве, так и отличиях в характеристиках жизнеспособности респондентов разной национальности.

Обсуждение результатов

Жизнеспособность представителей русской и бурятской молодежи имеет сходный уровень, основы, обусловлена единими факторами. Наряду с этим выявлены некоторые отличия в оценках значимости компонентов, во взаимосвязях показателей, вкладе факторов в общую детерминацию жизнеспособности у представителей русской и бурятской молодежи.

Так, материалы социально-демографической анкеты позволяют утверждать: экологические (социальные) детерминанты жизнеспособности русских и бурятских респондентов сходны и не представляют угроз для их жизнеспособности. Большая часть опрошенных имеют нормальные бытовые условия, достаточную материальную обеспеченность, доступ к образованию, защиту и поддержку семьи.

Идентичность результатов иерархического кластерного анализа переменных в обеих выборках свидетельствует о том же: «несущие» составляющие жизнеспособности человека едины: собственные силы, поддержка семьи и социума.

При сходстве высоких тестовых оценок уровня жизнеспособности респондентами обеих национальностей выявлены значимые отличия в отдельных анализируемых показателях. У бурятских студентов показатели выше, чем у русских, особенно по субшкалам «Жизнеспособность контекстуальная» (прежде всего в оценке значимости религиозной веры) и «Жизнеспособность общая». Полученные данные соотносимы с данными других исследователей о заметной роли религии, веры в формировании жизнеспособности [21].

Выше средний балл ответов бурятских студентов по вопросам «Я горжусь моим этническим/культурным происхождением», «Мне нравятся культурные и семейные традиции моей семьи», «Я горжусь тем, что я — россиянин».

Более позитивно оценивают респонденты-буряты место их проживания, его безопасность, чистоту, социальную комфортность, сильнее ощущают поддержку сверстников, чаще имеют позитивные детские воспоминания.

Результаты статистической обработки данных тестирования в целом подтверждают гипотезу о существовании

отличий в ряде показателей жизнеспособности русской и бурятской молодежи. Эти показатели, по нашему мнению, отражают значимость для респондентов оцениваемых ими переменных.

Идентичность корреляционных взаимосвязей в кластерах «Факторы защиты» в двух выборках говорит о том, что наличие социальной поддержки от сверстников, возможность рассчитывать на их помощь, а также позитивное восприятие соседства укрепляют жизнеспособность любого человека.

Интересны отличия во взаимосвязях по переменной «Виктимизация» между русской и бурятской выборками. У респондентов-бурят показатель этой переменной значимо положительно связан только с показателем шкалы «Травматические симптомы», а в русской выборке показатель виктимизации значимо положительно связан с показателями депрессии и шкалы «Позитивные детские переживания». Полученные различия, по нашему мнению, можно объяснить влиянием культурной нормы: виктимизация со стороны сообщества у бурят чаще, чем у русских, вызывает травматические симптомы, но в бурятской культуре поощряется закрытость эмоций, сдержанность, эмоциональная устойчивость. А представители русской культуры отличаются более откровенной эмоциональностью, более частой апелляцией к сочувствию.

Как отмечают исследователи, традиционно подростки-представители азиатских культур, проживающие в США, склонны подчеркивать эмоциональную сдержанность, избегают ситуаций, где возможно испытать стыд, сохраняя «лицо», в отличие от западных норм, которые ценят эмоциональную выразительность и самораскрытие [26].

Установлено также, что показатели шкалы «Виктимизация» в русской вы-

борке значимо отрицательно связаны с показателями всех компонентов жизнеспособности и с показателем «Восприятие соседства». В бурятской выборке значимые отрицательные корреляционные связи по этой шкале отсутствуют. То есть у русских респондентов виктимизация негативно сказывается на жизнеспособности и на отношении к месту проживания. У респондентов-бурят отчетливого проявления такого влияния нет. Возможно, эти различия также обусловлены этнокультуральными факторами. Показатели виктимизации у бурят в целом ниже, чем у русских, но выше показатели поддержки семьи и сверстников, восприятия соседства. Они ощущают большую сплоченность и защищенность (в том числе и от виктимизации) внутри своей национальной группы и дорожат этой сплоченностью, дабы «не раствориться» в более многочисленном этносе, не утратить своей идентичности.

Умеренная обратная связь всех показателей жизнеспособности с показателем шкалы «Позитивные детские переживания» (что при обратном подсчете баллов в последней означает важность этих переживаний для личности) отмечается в обеих выборках. И у русских, и у бурят этот показатель положительно связан и с показателем депрессии, что естественно: чем хуже воспоминания, тем выше уровень депрессии. Таким образом, детские переживания в зависимости от их характера можно рассматривать в качестве фактора риска, что отмечалось нами ранее [11].

Отметим, что связь общей, контекстуальной и индивидуальной жизнеспособности у бурят сильнее, чем у русских. В исследованиях неоднократно подчеркивалась значимость для молодых людей, подростков таких защитных факторов, как заботливые семьи [16], поддерживающие связи между родителем (или опекуном) и подростком, участие другого

эмоционально значимого взрослого из расширенной семьи, таких как бабушки и дедушки [29], в развитии сильной самоидентификации, самооценки и самоэффективности у молодых людей.

Таким образом, есть основания для вывода о более сильной связи общей жизнеспособности респондентов-бурят, чем русских с поддержкой семьи, с составляющими контекстуальной сферы ее проявления (религиозностью, опорой на традиции и национальную культуру).

По результатам корреляционного анализа подтверждается вторая гипотеза: существуют отличия в связях компонентов жизнеспособности русских и бурят, факторов риска и защиты.

Так, опора на собственные силы, на семью, сверстников, широкий социум важны для жизнеспособности молодых людей независимо от их национальности. Но религиозность, более тесная связь с семьей, ориентация на традиции и культуру своего народа, здоровье вносят дополнительный вклад в жизнеспособность человека, увеличивая ее потенциал.

Выводы

Результаты исследования показали, что жизнеспособность имеет общие для всех людей базовые основы, структуру и факторы, что определяет сходство ее проявлений. Вместе с тем этнокультуральные особенности образа жизни делают возможными некоторые отличия в конкретных характеристиках жизнеспособности людей разной национальности. Так, на представленном эмпирическом материале установлено следующее:

1. Не имеют существенных отличий, не представляют угроз для жизнеспособности, но способствуют ее сохранению экологические (социальные) детерминанты жизнедеятельности русских и бурятских респондентов.

2. Показатели жизнеспособности большей части представителей и русской, и бурятской молодежи соответствуют высокому уровню. Высоко оцениваются респондентами значимость собственных усилий, поддержки семьи, сверстников, социума в целом в обеспечении жизнеспособности.

3. Вместе с тем данные тестирования выявили отличия в показателях жизнеспособности русской и бурятской молодежи. Эти показатели, которые, по нашему мнению, отражают значимость для респондентов оцениваемых ими переменных, в выборке бурятской молодежи выше, чем в русской, особенно по субшкалам «Жизнеспособность контекстуальная» (прежде всего, в оценках значимости религиозной веры, национальной культуры).

4. Опора на собственные силы, семейная и широкая социальная поддержка укрепляют жизнеспособность человека независимо от его национальности. При этом по результатам корреляционного анализа в выборках русских и бурят выявлены этнокультуральные отличия в связях компонентов жизнеспособности, факторов ее риска и поддержки. Прежде всего, это относится к связям показателей жизнеспособности с показателями виктимизации, травматических симптомов, депрессии, с характером детских переживаний. Молодые люди бурятской национальности, соответствуя культурной норме, предстают более сдержанными, эмоционально стойкими и закрытыми. Их жизнеспособность имеет бо льшую опору в семье и ближайшем социуме, в сплоченности национальной группы, она теснее связана с религиозностью, опорой на традиции и национальную культуру.

Не обнаружены какие-то отдельные уникальные национальные особенности в жизнеспособности представителей русской и бурятской молодежи, но отмеча-

ются отличия в оценке респондентами различной национальности значимости компонентов жизнеспособности, ее факторов, в связях показателей и характеристик.

Сложность обозначенной в статье темы исследования позволяет видеть

перспективу дальнейшей работы в углублении теоретического анализа, дополнении диагностической программы качественными методами, увеличении массива эмпирических данных для уточнения сделанных выводов.

Литература

1. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.
2. *Дагбаева С.Б.* Психолого-педагогическое обеспечение процесса этнической социализации учащихся средней школы: дисс. ... докт. психол. наук. Кемерово, 2015. 420 с.
3. Жизнеспособность молодежного населения в регионе экологического неблагополучия (в Забайкальском крае): коллективная монография / Н.М. Сараева, А.А. Суханов и др. / под науч. ред. Н.М. Сараевой. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2019. 260 с.
4. *Крысько В.Г., Фельдштейн Д.И.* Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999. 343 с. URL: <https://vocabulary.ru/termin/nacionalnost.html> (дата обращения: 07.04.2023).
5. *Лактионова А.И.* Жизнеспособность человека: метакогнитивный подход // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 88–110.
6. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
7. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.
8. *Нестерова А.А.* Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2011. 525 с.
9. *Постылякова Ю.В.* Индивидуальная жизнеспособность и ресурсы студентов вуза // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 1. С. 92–108. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document323.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
10. *Рыльская Е.А.* Психология жизнеспособности человека: дисс. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2014. 446 с.
11. Сравнительный анализ жизнеспособности молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими условиями / Махнач А.В. [и др.] // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 16–27. DOI:10.31857/S020595920016005-1
12. *Толочек В.А.* Феномен «жизнеспособность»: возможные перспективы исследования // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 2. С. 21–46. DOI:10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_002
13. *Armsden G. C., Greenberg M. T.* The Inventory of Parent and Peer Attachment: Relationships to well-being in adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 1987. № 16(5). P. 427–454.
14. *Arrington E. G., Wilson M. N.* A reexamination of risk and resilience during adolescence: Incorporating culture and diversity // Journal of Child and Family Studies. 2000. Vol. 9. P. 221–230. DOI:10.1023/A:1009423106045
15. *Beck A. T., Steer R. A., Brown G.* Manual for the Beck Depression Inventory-II. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 1996. 38 p.

16. *Deb S., McGirr K., Bhattacharya B., Sun J.* Role of home environment, parental care, parents personality and their relationship to adolescent mental health // *Journal of Psychology and Psychotherapy*. 2015. Vol. 5(6). P. 1–8. DOI:10.4172/2161-0487.1000223
17. *Frederick C.J., Pynoos R.S., Nader K.O.* *Childhood Posttraumatic Stress Reaction Index (CPTSD-RI)*. Los Angeles, CA, 1992. 48 p.
18. *Höltge J., Theron L., Cowden R.G., Govender K., Maximo S.I., Carranza J.S., Ungar M.* A cross-country network analysis of adolescent resilience // *Journal of Adolescent Health*. 2021. Vol. 68(3). P. 580–588. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.07.010
19. *Kapoor M., Darda P.* Happiness and self as social constructs an interpretative phenomenological analysis of Buddhist practitioners transcendence: Key lessons in Resilience // *Journal of Resilient Economies*. 2022. Vol. 2(1). P. 86–95. DOI:10.25120/JRE.2.1.2022.3916
20. *Luthar S.S., Ebbert A.M., Kumar N.L.* Risk and resilience among Asian American youth: Ramifications of discrimination and low authenticity in self-presentations // *American Psychologist*. 2021. Vol. 76(4). P. 643–657. DOI:10.1037/amp0000764
21. *Manning L.K., Miles A.* Examining the effects of religious attendance on resilience for older adults // *Journal of Religion and Health*. 2018. Vol. 57(1). P. 191–208. DOI:10.1007/s10943-017-0438-5
22. *Masten A.S.* Global perspectives on resilience in children and youth // *Child Development*. 2014. Vol. 85. P. 6–20. DOI:10.1111/cdev.12205
23. *Meindl P., Yu A., Galla B., Quirk A., Haeck C., Parker G.J., Lejuez C.W., D'Mello S.K., Duckworth A.L.* A brief behavioral measure of frustration tolerance predicts academic achievement immediately and two years later // *Emotion*. 2019. Vol. 19(6). P. 1081–1092. DOI:10.1037/EMO0000492
24. *Narayan A.J., Ghosh Ippen C., Harris W.W., Lieberman A.F.* Assessing angels in the nursery: A pilot study of childhood memories of benevolent caregiving as protective influences // *Infant Mental Health Journal*. 2017. Vol. 38. P. 461–474. DOI:10.1002/imhj.21653
25. *Ruchkin V., Schwab-Stone M., Vermeiren R.* *Social and Health Assessment (SAHA): Psychometric development summary*. New Haven, CT: Yale University, 2004. 90 p.
26. *Shea M., Yeh C.* Asian American students' cultural values, stigma, and relational self-construal: Correlates of attitudes toward professional help seeking // *Journal of Mental Health Counseling*. 2008. Vol. 30(2). P. 157–172. DOI:10.17744/mehc.30.2.g662g5l2r1352198
27. *Theron L., Murphy K., Ungar M.* Multisystemic resilience: Learning from youth in stressed environments // *Youth and Society*. 2022. Vol. 54(6). P. 1000–1022. DOI:10.1177/0044118X211017335
28. *Tselioui F., Ashfield-Watt P.* The association between resilience resources, contextual factors and mental health status: a national population-based study // *BMC Public Health*. 2022. Vol. 22. Art. 602. DOI:10.1186/s12889-022-13013-2
29. *Traum-Antwi A., Jefferies P., Ungar M.* Promoting child and youth resilience by strengthening home and school environments: A literature review // *International Journal of School and Educational Psychology*. 2020. Vol. 8(2). P. 78–89. DOI:10.1080/21683603.2019.1660284
30. *Ungar M.* Designing resilience research: using multiple methods to investigate risk exposure, promotive and protective processes, and contextually relevant outcomes for children and youth // *Child Abuse and Neglect*. 2019. Vol. 96. Art. 1040982, pp. 1–8. DOI:10.1016/j.chiabu.2019.104098
31. *Ungar M., Liebenberg L.* Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure // *Journal of Mixed Methods Research*. 2011. Vol. 5(2). P. 126–149. DOI:10.1177/1558689811400607
32. *Ware J.E., Sherbourne C.D.* The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection // *Medical Care*. 1992. Vol. 30(6). P. 473–483.

References

1. Bromley Yu.V. *Sovremennyye problemy etnografii (oчерki teorii i istorii)* [Contemporary Problems of Ethnography (Essays in Theory and History)]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 390 p. (In Russ.).

2. Dagbayeva S.B. Psichologo-pedagogicheskoe obespechenie processa etnicheskoy socializacii uchashchih'sya sredney shkoly. Diss. dokt. psihol. nauk [Psychological and pedagogical support of the ethnic socialization process of secondary school students. Dr. Sci. (Psychology) Diss.]. Kemerovo, 2015. 420 p. (In Russ.).
3. Zhiznesposobnost' molodezhnogo naseleniya v regione ekologicheskogo neblagopoluchiya (v Zabaikal'skom krae): kollektivnaya monografiya. N.M. Saraeva, A.A. Sukhanov i dr. Pod nauch. red. N.M. Saraevoi [The resilience of youth population in the region of environmental disadvantage (in the Transbaikal Territory)]. In Saraeva N.M., Sukhanov A.A. (ed.). Chita: Publ. TSU, 2019. 260 p. (In Russ.).
4. Krys'ko V.G., Fel'dshtejn D.I. Etnopsichologicheskij slovar' [Elektronnyi resurs] [Ethnopsychological dictionary]. Moscow: MPCU, 1999. 343 p. Available at: <https://vocabulary.ru/termin/nacionalnost.html> (Accessed 07.04.2023). (In Russ.).
5. Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' cheloveka: metakognitivnyy podkhod [Human resilience: a metacognitive approach]. In A.V. Makhnach, L.G. Dikaya (Eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nyye, professional'nyye i sotsial'nyye aspekty* [Human Resilience: Individual, Professional and Social Aspects]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2016, pp. 88–110. (In Russ.).
6. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma [Human and family resilience: the socio-psychological paradigm]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publishing House, 2016. 459 p. (In Russ.).
7. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' podrostka: ponyatie i koncepciya [Adolescent resilience: concept and construct]. *Psichologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environments: modern approaches, problems, perspectives]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publishing House, 2007, pp. 290–312. (In Russ.).
8. Nesterova A.A. Sotsialno-psikhologicheskaya kontseptsiya zhiznesposobnosti molodezhi v situatsii poteri raboty. Avtoref. diss. dokt. psihol. nauk [Socio-psychological conception of youth resilience in situations of job loss. Dr. Sci. (Psychology) Diss.]. Moscow, 2011. 525 p. (In Russ.).
9. Postylyakova Yu.V. Individual'naya zhiznesposobnost' i resursy studentov vuza [Elektronnyi resurs] [Individual resilience and resources of university students]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 2018. Vol. 3(1), pp. 92–108. Available at: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document323.pdf> (In Russ.).
10. Ryl'skaya E.A. Psikhologiya zhiznesposobnosti cheloveka [Psychology of human resilience. Dr. Sci. (Psychology) Diss.]. Yaroslavl', 2014. 446 p. (In Russ.).
11. Makhnach A.V. et al. Sravnitel'nyj analiz zhiznesposobnosti molodezhi iz regionov s raznymi kul'turno-social'nymi i ekologicheskimi usloviyami [Comparative analysis of youth resilience from regions with different cultural, social and environmental conditions of life]. *Psichologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 2021. Vol. 42, no. 4, pp. 16–27. DOI:10.31857/S020595920016005-1 (In Russ.).
12. Toloček V.A. Fenomen «zhiznesposobnost'»: vozmozhnye perspektivy issledovaniya [The phenomenon of Resilience: the possible perspectives for research]. *Institut psikhologii RAN. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of RAS. Organizational and Labor Psychology*, 2021. Vol. 6, no. 2, pp. 21–46. DOI:10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_005 (In Russ.).
13. Armsden G.C., Greenberg M.T. The Inventory of Parent and Peer Attachment: Relationships to well-being in adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 1987. Vol. 16(5), pp. 427–454.
14. Arrington E.G., Wilson M.N. A reexamination of risk and resilience during adolescence: Incorporating culture and diversity. *Journal of Child and Family Studies*, 2000. Vol. 9, pp. 221–230. DOI:10.1023/A:1009423106045

15. Beck A.T., Steer R.A., Brown G. Manual for the Beck Depression Inventory-II. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 1996. 38 p.
16. Deb S., McGirr K., Bhattacharya B., Sun J. Role of home environment, parental care, parents personality and their relationship to adolescent mental health. *Journal of Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 5(6), pp. 1–8. DOI:10.4172/2161-0487.1000223
17. Frederick C.J., Pynoos R.S., Nader K.O. Childhood Posttraumatic Stress Reaction Index (CPTS-RI). Los Angeles, CA, 1992. 48 p.
18. Höltge J., Theron L., Cowden R.G., Govender K., Maximo S.I., Carranza J.S., Ungar M. A cross-country network analysis of adolescent resilience. *Journal of Adolescent Health*, 2021. Vol. 68(3), pp. 580–588. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.07.010
19. Kapoor M., Darda P. Happiness and self as social constructs an interpretative phenomenological analysis of Buddhist practitioners transcendence: Key lessons in Resilience. *Journal of Resilient Economies*, 2022. Vol. 2(1), pp. 86–95. DOI:10.25120/JRE.2.1.2022.3916
20. Luthar S.S., Ebbert A.M., Kumar N.L. Risk and resilience among Asian American youth: Ramifications of discrimination and low authenticity in self-presentations. *American Psychologist*, 2021. Vol. 76(4), pp. 643–657. DOI:10.1037/amp0000764
21. Manning L.K., Miles A. Examining the effects of religious attendance on resilience for older adults. *Journal of Religion and Health*, 2018. Vol. 57(1), pp. 191–208. DOI:10.1007/s10943-017-0438-5
22. Masten A.S. Global perspectives on resilience in children and youth. *Child Development*, 2014. Vol. 85, pp. 6–20. DOI:10.1111/cdev.12205
23. Meindl P., Yu A., Galla B., Quirk A., Haec C., Parker G.J., Lejuez C.W., D`Mello S.K., Duckworth A.L. A brief behavioral measure of frustration tolerance predicts academic achievement immediately and two years later. *Emotion*, 2019. Vol. 19(6), pp. 1081–1092. DOI:10.1037/EMO0000492
24. Narayan A.J., Ghosh Ippen C., Harris W.W., Lieberman A.F. Assessing angels in the nursery: A pilot study of childhood memories of benevolent caregiving as protective influences. *Infant Mental Health Journal*, 2017. Vol. 38, pp. 461–474. DOI:10.1002/imhj.21653
25. Ruchkin V., Schwab-Stone M., Vermeiren R. Social and Health Assessment (SAHA): Psychometric development summary. New Haven, CT: Yale University, 2004. 90 p.
26. Shea M., Yeh C. Asian American students' cultural values, stigma, and relational self-construal: Correlates of attitudes toward professional help seeking. *Journal of Mental Health Counseling*, 2008. Vol. 30(2), pp. 157–172. DOI:10.17744/mehc.30.2.g662g5l2r1352198
27. Theron L., Murphy K., Ungar M. Multisystemic resilience: Learning from youth in stressed environments. *Youth and Society*, 2022. Vol. 54(6), pp. 1000–1022. DOI:10.1177/0044118X211017335
28. Tseliou F., Ashfield-Watt P. The association between resilience resources, contextual factors and mental health status: a national population-based study. *BMC Public Health*, 2022. Vol. 22. Art. 602. DOI:10.1186/s12889-022-13013-2
29. Twum-Antwi A., Jefferies P., Ungar M. Promoting child and youth resilience by strengthening home and school environments: A literature review. *International Journal of School and Educational Psychology*, 2020. Vol. 8(2), pp. 78–89. DOI:10.1080/21683603.2019.1660284
30. Ungar M. Designing resilience research: using multiple methods to investigate risk exposure, promotive and protective processes, and contextually relevant outcomes for children and youth. *Child Abuse and Neglect*, 2019. Vol. 96. Art. 1040982, pp. 1–8. DOI:10.1016/j.chiabu.2019.104098
31. Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. *Journal of Mixed Methods Research*, 2011. Vol. 5(2), pp. 126–149. DOI:10.1177/1558689811400607
32. Ware J.E., Sherbourne C.D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection. *Medical Care*, 1992. Vol. 30(6), pp. 473–483.

Информация об авторах

Махнач Александр Валентинович, доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Дазбаева Соелма Батомункуевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Лактионова Анна Игоревна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Постылякова Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-1572>, e-mail: postylyakova@mail.ru

Суханов Алексей Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ЗабГУ»), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Makhnach, Doctor of Psychology, Deputy Director for Science, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Nadezhda M. Sarayeva, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Soyelma B. Dagbayeva, Doctor of Psychology, Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Anna I. Laktionova, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Yuliya V. Postylyakova, PhD in Psychology, Research Fellow, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-1572>, e-mail: postylyakova@mail.ru

Aleksey A. Sukhanov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Получена 15.04.2023

Принята в печать 02.06.2023

Received 15.04.2023

Accepted 02.06.2023

Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование

Бовина И.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Новикова И.А.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Березина Е.Б.

Университет Санвея, г. Санвей, Малайзия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Новиков А.Л.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3482-5070>, e-mail: novikov-al@rudn.ru

Цель. Исследование особенностей социальных представлений (СП) о COVID-19 в группах студенческой молодежи.

Контекст и актуальность. Пандемия COVID-19 — это первый опыт для большинства населения планеты: появилось новое заболевание, которое быстро распространяется по странам и континентам, при этом человечеству нечего противопоставить этой угрозе. Символические защиты, которые вырабатываются в ответ на эту угрозу, и оказались в центре внимания в работе.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в два временных промежутка, соответствующих двум волнам пандемии COVID-19 в России (первая волна — с 18 июня по 10 июля 2020 г. и четвертая волна — с 14 октября по 7 декабря 2021 г.).

Участники. В исследовании принимали участие представители студенческой молодежи в возрасте от 17 до 27 лет (242 человека, 12,5% мужчин).

Методы (инструменты). Основным методом исследования явился опрос в варианте анкеты (основной инструмент — методика свободных ассоциаций). Опросник предьявлялся в онлайн-формате.

Результаты. Сравнение структуры и содержания СП о COVID-19 в среде студенческой молодежи (первая и четвертая волны пандемии) позволяет говорить о зарождении СП о коронавирусе: зона СП о коронавирусе (четвертая волна) имеет иерархическую организацию элементов.

Основные выводы. В случае пандемии COVID-19 представители студенческой молодежи заняли позицию, рационализирующую угрозу и страх, ассоциированный с ним.

Ключевые слова: социальные представления; гипотетическая структура социальных представлений; динамика социальных представлений; COVID-19; психология здоровья.

Финансирование. Исследование выполнено Новиковой И.А. как часть Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» РУДН им. П. Лумумбы, в рамках инициативной НИР № 051324-0-000, выполняемой на базе кафедры психологии и педагогики филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы.

Для цитаты: Бовина И.Б., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Новикова И.А., Березина Е.Б., Новиков А.Л. Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 85–102. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140206>

COVID-19 Seen by Students: An Exploratory Study

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Marianna E. Sachkova

Russian Presidential Academy of National Economy & Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Irina A. Novikova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Elizaveta B. Berezina

Sunway University, Sunway, Malaysia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Alexey L. Novikov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3482-5070>, e-mail: novikov-al@rudn.ru

Objective. The aim of this article is to analyse the social representations of coronavirus in groups of young people.

Background. The COVID-19 pandemic is the first experience for most of the world's population: a new disease has emerged that is spreading rapidly across countries and continents, and humanity has nothing to counter the threat. The symbolic defences that are developed in response to this threat are the focus of the work.

Study design. The study was conducted in two time periods corresponding to the two waves of the COVID-19 pandemic in Russia (the first wave from June 18, 2020 to July 10, 2020 and the fourth wave from October 14, 2021 to December 7, 2021).

Participants. A total of students aged 17 to 27 years ($N = 242$ subjects, 12,5% men).

Measurements. *The main method of the study was a questionnaire (the main technique – the method of free association). The questionnaire was presented in an online format.*

Results. *A comparison of the structure and content of COVID-19 in young people (the first and fourth waves of the pandemic) suggests the emergence of the representation of COVID-19: a hierarchical organisation of elements in the case of the fourth wave.*

Conclusions. *In the case of a COVID-19 pandemic, representatives of the youth milieu adopted a position that rationalises the threat and the fear associated with it.*

Keywords: *social representations; hypothetical structure of social representations; emergence of social representation; COVID-19; health psychology.*

Funding. The study was carried out by Irina A. Novikova as part of the Program of Strategic Academic Leadership, “Priority-2030,” of the Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), the publication was prepared with the support of scientific project No. 051324-0-000 at the Psychology and Pedagogy Department, the Faculty of Philology, RUDN University.

For citation: Bovina I.B., Sachkova M.E., Dvoryanchikov N.V., Novikova I.A., Berezhina E.B., Novikov A.L. COVID-19 Seen by Students: An Exploratory Study. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 85–102. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140206> (In Russ.).

Введение

История человечества, как отмечает В.В. Николаева [5], может быть написана через призму того, как возникали, распространялись и исчезали болезни, а общество в каждом случае пыталось бороться с этой угрозой и искать пути улучшения качества жизни человека. Инфекционные заболевания всегда угрожали человечеству [13]. Общество стремилось различными путями адаптироваться к болезням, к примеру, используя чаще всего стратегию избегания тех или иных групп или изоляции оных [13]. Выбатывались символические представления о возникновении болезней, их передаче, а также профилактических мерах и лечении. Эти стратегии действий в ситуации распространения инфекционного заболевания выполняют функции защиты физической и символической целостности группы [13]. Последняя функция становится понятной тогда, когда учитывается тот разрыв смысла, который случается в результате внезапной вспышки инфекционного заболевания.

Первые случаи COVID-19 были официально зарегистрированы в Китае в декабре 2019 года. 11 марта 2020 г. ВОЗ официально квалифицировала ситуацию с распространением COVID-19 как пандемию, инфекция распространилась практически на большинство стран мира и стала носить глобальный характер. 5 мая 2023 г., по заявлению ВОЗ, пандемия закончилась. Пандемия имеет целый ряд экономических и социальных последствий. С социально-психологической точки зрения наибольший интерес представляет ряд последствий пандемии: 1) Тезис о том, что болезнь — это индикатор отношения общества и индивида [1], по тому, какие социальные гарантии получает индивид в случае болезни, можно говорить о важности и ценности индивида в том или ином обществе. В этой связи пандемия отчетливо продемонстрировала, что отношения общества к индивиду в значительной степени медируются экономическим фактором. 2) Пандемия разрушила представление о человеческом всемогуществе. Казалось, что прогресс в области медицинского

знания и технологий позволит человеку *сделать сказку былью*. Действительно, в 70–80-х гг. казалось, что медицина победила инфекционные заболевания, однако появление и распространение ВИЧ-инфекции поставило под сомнение преждевременный оптимизм [1], человек оказался уязвимым и беспомощным перед лицом очередной угрозы. 3) Появление и распространение COVID-19 в очередной раз продемонстрировали многомерность болезни, ее несводимость к биологическому уровню, но серьезное влияние на социальном, политическом и экономическом уровнях.

В начале пандемии COVID-19 индивид оказывается в ситуации, когда возникает серьезная угроза здоровью и жизни человечества, существующего медицинского знания не хватает ни чтобы объяснить возникновение новой болезни, ни чтобы предложить стратегию лечения и профилактики. Сложившаяся ситуация неопределенности вполне соответствует условиям возникновения слухов [7; 11]: 1) важность — ситуация, ассоциированная с угрозой жизни; 2) двусмысленность — отсутствие точной информации о масштабе эпидемии. Слухи как объяснения события, которые передаются от одного индивида к другому, выполняют две основные функции: 1) снижение стресса, связанного с неопределенностью; 2) придание смысла событию [7; 11]. В случае пандемии COVID-19 даже возникли так называемые широко разделенные слухи (теории заговора), когда возникновение вируса объяснялось заговором влиятельных лиц (вирус искусственно создан для того, чтобы снизить численность населения планеты).

Индивид сталкивается с большим количеством противоречивой информации, которую он так или иначе обсуждает с другими. Возникает так называемый

феномен «снежного кома»: чем больше мы говорим о чем-либо, тем более важным оно становится, как следствие, мы еще больше говорим об этом [26].

Очевидно, что сложившаяся ситуация вызывает сильные аффективные реакции (повышенная тревога и страх). Проявлением солидарности стало избегание всего социального [8]. «Быть с другими» стало означать «дистанцироваться от других». В повседневной жизни индивид столкнулся с препятствиями: прогулки, посещение общественных мест, встречи, общение, путешествия и пр. — все это стало запрещенным после введения карантинных мер. Общение, которое и до пандемии COVID-19 было опосредствованно техническими средствами, стало полностью дистанционным.

С нашей точки зрения, анализ описанной выше ситуации, с которой сталкивается индивид в связи с возникновением новой инфекционной болезни, которая быстро распространяется и становится глобальной угрозой, — попадает в фокус интереса теории социальных представлений (СП) [25–30].

Библиометрический анализ публикаций [14] позволил выделить класс вопросов (Класс 5: Здоровье и вопросы профилактики (13%)), объединяющих проблематику здоровья и болезни, которые исследуются в русле теории СП. Классические работы, выполненные в рамках этой теории, в широком смысле касаются проблем здоровья и болезни. Речь идет об исследованиях С. Московиси, К. Эрзлиш, Д. Жоделе, А.С. де Розы, Х. Жофф и многих других [15; 19; 20; 22; 28]. Теория СП имеет солидный потенциал для изучения этого предметного поля, особенности ситуации, в которой оказывается индивид с возникновением пандемии коронавируса, по сути, соответствуют условиям зарождения СП —

возникает новая угроза здоровью и жизни человека, индивиды сталкиваются с большим количеством противоречивой информации, которую они активно обсуждают. Из многочисленных определений СП здесь можно отдать предпочтение тому, что было дано Ж. Валою, где СП понимаются как процессы создания смыслов, посредством которых социальные группы интерпретируют новые события (например, катастрофы или новые заболевания) [31]. СП выполняют ряд важных функций: трансформация чего-то неизвестного, пугающего, зловещего — в известное; облегчение коммуникации за счет обеспечения участников определенными кодами, которые выработаны в многочисленных обсуждениях; ориентация социального поведения и оправдание социальных отношений, конструирование и поддержание социальной идентичности [1; 2; 15; 26]. Порождение СП сопряжено с двумя социокогнитивными процессами: 1) Якорение (или анкеровка) — процесс, посредством которого странные идеи сводятся к обычным категориям и образам, помещаются в имеющуюся у индивида систему координат. Якорение осуществляется посредством классификации или названия (присваивания имени). 2) Объективация — процесс, в результате которого нечто абстрактное становится конкретным, своего рода перенос того, что имеется в нашем сознании, на то, что существует в физическом мире [29]. Этот процесс реализуется в виде схематизации и персонификации [29].

Результаты исследований, касающихся изучения СП об инфекционных заболеваниях [1; 13; 20; 31; 32], позволяют говорить о том, что используются такие варианты якорения: невидимый враг, который проникает в организм человека [1], указание на другую болезнь для

определения новой (рак геев и чума XX века — в случае СПИДа), указание на *других* как источник болезни (в случае ВИЧ-инфекции — указание на народы Африканского континента в случае представителей других континентов и указание на европейцев и американцев в случае представителей стран Африки) [1; 20]; биологическое оружие — идея об искусственном происхождении вируса, который специально создается в военных лабораториях (в случае эпидемии ВИЧ-инфекции указание на то, что этот вирус создан в лабораториях Пентагона [1]). Как отмечают Д. Паес и Х. Перес [31], в случае пандемии COVID-19 в процессе якорения использовались указания на военную метафору. В начале пандемии люди пытались придать смысл внезапно появившейся угрозе, обозначая ее как врага или захватчика [12]. Эту метафору использовали политические лидеры в обращениях к гражданам своих стран, объявляя о соответствующих карантинных мерах. Очевидно, что военная метафора предполагает соответствующие меры, оправдывает комендантский час, ограничение передвижения, жесткие меры на политическом, экономическом и социальном уровнях. Использование другой болезни для определения новой — грипп. Этот вариант *банализировал* COVID-19, снижая его опасность. Вина за распространение болезни приписывалась аут-группам (иностранцы). В этом случае речь идет о страхе в отношении чужих, который ведет к соответствующим действиям. Чем больше угроза, тем сильнее эмоциональные реакции приводят к постановке «клейма», стигматизации групп, а отчуждение становится ведущим механизмом защиты от сильной угрозы. Наконец, циркулирует представление о том, что вирус создан в военных лабораториях Китая или США. Этот вариант в

наибольшей степени приближен к теориям заговора, когда речь, в частности, идет об идее «золотого миллиарда».

В случае процесса объективации ключевые фигуры: герои, злодеи и жертвы. В категорию *злодеев* попали китайцы, представители политических элит и др., *героями* оказались ученые и врачи. *Герои* в основном воспринимались как заслуживающие доверия и помогающие [24]. На индивидуальном уровне плохо следящий за гигиеной и своим здоровьем человек также становится *злодеем*, что иногда может доходить даже до публичного осуждения и наказания на фоне сильной социальной напряженности.

С опорой на основополагающие идеи теории СП (в частности, о социокогнитивных процессах порождения СП) и результаты исследований СП об инфекционных заболеваниях в ситуации пандемии COVID-19 мы решили ответить на исследовательский вопрос, который касался динамики СП о COVID-19 в среде студенческой молодежи.

Метод

Программа исследования. Целью исследования был анализ особенностей СП о COVID-19 в среде студенческой молодежи в разные моменты развития пандемии. *Объектом исследования* являлась студенческая молодежь, выборку составили студенты различных специальностей (в частности, IT, психология, филология, социальная коммуникация), обучающиеся в ряде московских вузов, в возрасте от 17 до 27 лет (N = 242 человека, 12,5% мужчин). *Предмет исследования* – особенности СП о COVID-19.

Исследование носило поисковый характер, однако мы исходили из общего предположения о том, что сравнение особенностей СП о коронавирусе, выявленных в разные моменты развития пандемии COVID-19, позволит выявить

динамику СП, а именно: на начальных этапах пандемии ожидается, что ключевыми элементами СП о COVID-19 будут указания на крайние аффективные реакции, ассоциированные с COVID-19, а также элементы, объясняющие происхождение COVID-19. На более поздних этапах пандемии ключевыми в СП будут элементы, заимствованные из медицинского дискурса. Такая логика формирования СП о COVID-19 соотносится с положениями теории СП, а также с логикой формирования СП об инфекционных заболеваниях [1; 13; 20; 21].

Методы исследования. Основным методом исследования явился опрос в варианте анкеты (представленные здесь результаты являются частью научно-исследовательского проекта, который проводился во время пандемии коронавируса (2020–2022 гг.) с более сложной методологической стратегией). В фокусе внимания в настоящей работе будут только результаты, полученные с помощью методики свободных ассоциаций. Респондентам предъявлялся стимул COVID-19, предлагалось указать пять слов или выражений, которые сразу приходят в голову, когда они думают о коронавирусе. Каждый ответ предлагалось оценить по шкале от -3 до +3 [18]. Это измерение позволило определить валентность элементов СП в соответствии с идеей А.С. де Розы [18], другими словами, выявить оценочную коннотацию каждого ответа. Опросник предъявлялся в онлайн-формате. Исследование проводилось в два временных промежутка, соответствующих двум волнам пандемии COVID-19 в России (первая волна – с 18 июня по 10 июля 2020 г. и четвертая волна – с 14 октября по 7 декабря 2021 г.).

Анализ гипотетической структуры СП. Для выявления гипотетической структуры СП был использован прототипический анализ [6; 17; 27]. Матрица

данных, полученных с помощью методики свободных ассоциаций, была составлена из слов и словосочетаний, высказанных не менее чем 10% респондентов.

Результаты

Прототипический анализ исходит из идеи о том, что элементы ядра являются более «выпуклыми» по сравнению с элементами периферии [6; 17; 27]. Операционализация этой идеи требует пересечения двух параметров, а именно: частоты ассоциаций (количественный параметр) и ранга появления ассоциации (качественный параметр) [6; 17; 27]. Сочетание этих параметров рассматривается как показатель центральности элементов, однако сам прототипический анализ считается инструментом, позволяющим лишь выдвинуть гипотезу о структуре СП [6; 17; 27]. Полученная гипотетическая структура требует уточнений в последующих исследованиях. Для идентификации ядра СП обычно используются специальные методики, среди которых: методика сомнений, тест независимости от контекста, методика определения центральных элементов, методика умозаключений на основе двусмысленного сценария [2; 6; 17; 27]. В настоящем исследовании мы рассматриваем только гипотетическую структуру СП о COVID-19: как отмечалось выше, по официальным данным, COVID-19 стал распространяться в декабре 2019 года, 11 марта 2020 года пандемия была объявлена ВОЗ, что указывало на серьезную угрозу здоровью и жизни человечества. Другими словами, на исследовательском уровне возникла возможность проанализировать динамику СП о COVID-19, новом явлении, представляющем серьезную угрозу здоровью и жизни человечества. Отсюда, ключевой интерес был связан с изучением порождения СП (один из этапов динамики СП).

В результате предпринятого анализа было выявлено, что зона ядра (элементы с высокой частотой и низким рангом появления, потенциальные элементы ядра, т.е. вокруг них потенциально кристаллизуется СП о COVID-19) образована элементами: *болезнь, вирус, пандемия* (см. таблицу). Все элементы имеют негативную валентность (от $-2,53$ до $-2,37$). Частотный показатель этих элементов (три элемента, частота встречаемости которых варьирует от 27 до 35), скорее, свидетельствует в пользу того, что едва ли можно говорить о иерархической структуре, другими словами, представление еще не имеет этой самой структуры [17; 27]. По сути, мы имеем дело с зарождением СП о COVID-19.

Контрастирующая зона (см. таблицу) состоит из элементов с низкой частотой и низким рангом появления. По идее Ж.-К. Абрика: «Есть темы, заявленные немногими людьми (низкая частота), но которые считают их очень важными. Такая конфигурация может свидетельствовать о существовании подгруппы меньшинства с иным представлением... Но мы также можем найти здесь... дополнение первой периферии» [6, с. 63]. Исходя из этого положения, стоит обратить особое внимание на смысловые связи, которые могут иметь элементы, располагающиеся в данной зоне гипотетической структуры СП. Она объединяет два элемента с негативной валентностью: *опасность и паника*.

Первая периферическая зона объединяет элементы с высокой частотностью и высоким рангом появления, она является своего рода послесловием по отношению к объекту СП, элементы, представленные здесь, мыслятся во вторую очередь по отношению к объекту СП. В этой зоне находятся элементы с негативной валентностью: *карантин, смерть, страх*.

Вторая периферическая зона (элементы с низкой частотой и высоким

рангом появления) образована такими составляющими с негативной валентностью (от $-2,69$ до $-1,83$): *обман, маски, пневмония, ограничения*. Все эти элементы соответствуют индивидуальному опыту и выполняют роль контекстуализации элементов зоны ядра.

При первом столкновении с новой проблемой, угрожающей здоровью и жизни людей, ассоциативно ее связали с элементами болезни, вызванной вирусом и охватывающей весь мир. По сути, респонденты использовали синонимичные понятия к объекту СП. Обращает на себя внимание содержание зоны контрастирующих элементов: составляющие, име-

ющие сильную аффективную нагрузку: новый вирус несет в себе экзистенциальную опасность, ассоциируется с паникой.

В первой периферии представлен элемент *карантин*, оказывающий серьезное воздействие на людей и заставляющий их дистанцироваться от социальных контактов вплоть до полной изоляции. Здесь же появляются *смерть* и *страх*. С учетом положения, сформулированного Ж.-К. Абриком [6], смыслово составляющие зоны контрастирующих элементов не содержат позицию меньшинства, но являются дополнением первой периферической системы, поскольку они созвучны с ее элементами: речь идет о смертельно опасной угрозе,

Т а б л и ц а

Гипотетическая структура СП о COVID-19 в среде студенческой молодежи (первая и четвертая волны эпидемии в России)

Волны эпидемии	Понятие (частота, ранг, валентность)			
	Зона ядра	Контрастирующие элементы	Первая периферическая система	Вторая периферическая система
I волна (21,50;2,49)*	болезнь (35,00; 2,26; $-2,53$)** вирус (31,00; 1,52; $-2,37$) пандемия (27,00; 2,15; $-2,44$)	опасность (18,00; 2,11; $-2,78$) паника (13,00; 2,00; $-2,46$)	карантин (64,00; 2,58; $-1,66$) смерть (24,00; 2,63; $-3,00$) страх (24,00; 2,79; $-2,52$)	обман (19,00; 2,63; $-2,47$) маски (16,00; 4,00; $-1,83$) пневмония (16,00; 3,56; $-2,69$) ограничения (15,00; 2,53; $-2,33$)
IV волна (25,00;2,68)*	карантин (60,00; 2,62; $-1,49$)** пандемия (42,00; 2,20; $-2,43$) болезнь (36,00; 2,19; $-2,58$)	ограничения (24,00; 2,67; $-2,19$) вирус (21,00; 2,48; $-2,10$)	маски (37,00; 3,05; $-1,40$) смерть (26,00; 3,23; $-2,83$)	вакцина (21,00; 3,05; $-1,55$) дистанционное обучение (17,00; 3,00; 24-0,86) страх (16,00; 2,69; $-2,73$)

Примечание: * – в скобках указаны средние значения по частоте встречаемости и рангу появления ассоциации для каждого объекта СП. В соответствии с теорией СП и логикой прототипического анализа показатели по частоте и рангу понятия позволяют различать четыре соответствующие зоны в структуре СП [17; 27]. ** – в скобках указаны частота встречаемости, средний ранг появления и среднее значение для валентности каждого понятия. Валентность – указывает на негативную, нейтральную или позитивную коннотацию элемента СП [18].

ассоциированной с соответствующими негативными аффективными реакциями.

Во второй периферии находятся элементы, указывающие на последствия распространения вируса по планете: осложнения болезни (*пневмония*), профилактические меры (*маски и ограничения*), недоверие к официальной информации (*обман*).

Все элементы зоны ядра и периферии имеют сильно негативную коннотацию (в особенности *смерть* и *страх*).

С одной стороны, если взглянуть на гипотетическую структуру СП в целом, то можно констатировать, что содержание зоны ядра и периферической системы вполне соответствует логике, описанной П. Молине и Ж.-К. Абриком [25]: речь идет о свойствах элементов ядра и периферии. Элементы зоны ядра — абстрактные характеристики объекта СП, так называемые безусловные убеждения. Элементы периферической системы — конкретные, контекстуализированные, условные убеждения. Зона ядра образована элементами, которые совпадают с официальными обозначениями COVID-19 (болезнь, вирус, пандемия). Эти общие слова конкретизируются в виде последствий заболевания, сильных эмоциональных переживаний.

Анализ данных, полученных на выборке представителей студенческой молодежи, сходной по своим параметрам с выборкой первого этапа, позволил получить следующие результаты (см. таблицу): зона ядра представления содержит такие элементы с негативной валентностью, как: *карантин*, *пандемия*, *болезнь*. Зона контрастирующих элементов включает две составляющих с негативной коннотацией: *ограничения* и *вирус*. Первая периферическая система образована элементами: *маски*, *смерть*. Вторая периферическая система объединяет элементы: *вакцина*, *дистанционное обучение*, *страх*.

Обсуждение результатов

Если сравнить эти результаты с теми, что были получены во время первой волны COVID-19 в России, то в целом можно говорить о том, что содержание СП не претерпело серьезных изменений, однако местоположение, которое определяет гипотетическую структуру СП, имеет модификации. Итак, представляется возможным говорить о некоторых нюансах: ключевыми элементами остались те же — *болезнь* и *пандемия*, но к ним добавился *карантин*, перешедший из периферии, а *вирус* переместился в зону контрастирующих элементов. Хотя *карантин* не имеет низкого ранга, но у большинства он сильно ассоциируется с данной болезнью, в том числе в связи с тем, что ограничительные меры надолго были наложены на граждан, к чему они едва ли были готовы, и, возможно, что в итоге привело к определенной усталости. Элементы *страх* и *ограничения* менее частотны. А в первую периферию кроме устойчивого элемента *смерть* переходят *маски*, которые уже широко вошли в практику и стали обязательным элементом повседневной жизни.

Если сравнивать частотность элементов в зоне ядра СП в каждом случае, то обращает на себя внимание тот факт, что в случае гипотетической структуры СП о COVID-19, выявленной во время четвертой волны, зону ядра отличает наличие иерархии элементов, т.е. имеет место определенная структурированность [17; 27] по сравнению с тем, как была организована одноименная зона в СП о COVID-19, выявленном во время первой волны эпидемии. Это заключение основывается на идее К. Фламана и М.-Л. Рукета об энтропии, которая является важным индикатором структурированности СП [17; 27]. В случае максимальной энтропии элементы имеют сходную частоту

появления. В случае минимальной энтропии частота одних элементов в значительной степени превышает частоту других, что позволяет строить предположение о структурированности зоны ядра (и самого СП, поскольку именно ядро выполняет организующую, смыслообразующую и стабилизирующую функции) [25].

Зона ядра в гипотетической структуре СП о COVID-19, выявленная в первую волну пандемии (см. таблицу), скорее свидетельствует об отсутствии организованной структуры СП. Зона ядра в гипотетической структуре СП о COVID-19, выявленная в четвертую волну пандемии, имеет иерархию (на основе количественного показателя — частоты ассоциации), где элемент *карантин* доминирует по сравнению с остальными.

Обращает на себя внимание тот факт, что аффективные реакции панического характера, которые ассоциировались с COVID-19 на первом этапе исследования, перестали быть столь важными с точки зрения расположения в структуре СП.

При этом все элементы имеют негативную коннотацию, за исключением нового элемента периферической системы *дистанционное образование* (нейтральная валентность). Однако такие меры, как карантин, маски и вакцинирование, хоть и имеют не ярко выраженную, но все-таки отрицательную окраску, возможно, в связи с тем, что чаще всего они имели принудительный характер.

Если сопоставить изложенные здесь результаты с теми, что были получены в других исследованиях, то можно обратиться к работе Э. Коли с соавторами, где использовался сходный методический инструмент, позволивший выявить гипотетическую структуру СП о COVID-19 [10]. В зоне ядра оказались указания на пути распространения болезни и ее масштаб (*заражение, пандемия*), а также аф-

фективная реакция — *страх*. Последствия были обнаружены в первой периферии (*смерть*), а также в зоне контрастирующих элементов: *болезнь, вирус* и *карантин*. Во второй периферии было представлено много разнообразных элементов: *изоляция, дистанция, ограничение, слова, связанные с профилактикой; эмоциональная реакция (тревога) и чувства (страдание, одиночество)*, обусловленные *опасностью*, и физические последствия (*пневмония*). Самой сильной эмоцией, зафиксированной исследователями, стал страх за жизнь свою и близких, вызванный ассоциацией со смертью. Карантин был воспринят двойственно: с одной стороны, фиксируется понимание его необходимости, с другой — недовольство, обусловленное ограничением свободы. Таким образом, содержательно СП россиян и итальянцев достаточно близки, состоят из схожих элементов, однако структура СП различается.

Структура СП в исследовании Р. Фазанелли с коллегами образована категориями [16]: *карантин, тревога, пандемия, СИЗ, страх, смерть, вирус и одиночество*. Полученные результаты в этих двух исследованиях согласуются с логикой теории СП, а также с результатами исследований СП об инфекционных заболеваниях [1; 13; 20; 21]. Представляется возможным говорить о сходстве содержания СП, которое было выявлено в представленном здесь исследовании, однако структуры СП разнятся.

Любопытно, что Р. Фазанелли с коллегами смогли выявить различия в СП у студентов разных специальностей. Студенты социальных и гуманитарных специальностей часто упоминали печаль, Китай, инфекцию, социальное дистанцирование и связанные с этим изменения в жизни. Студенты естественно-научных специальностей больше говорили о симптоматике коронавируса, о доме, учебе,

семье и изоляции. Если первые больше давали эмоциональных реакций, то вторые — были сосредоточены на аспектах пандемии, предписывающей изоляцию на длительный период карантина. Однако один факт везде был общий: тревога перед глобальной угрозой эпидемии.

Указания на карантин, вирус и смерть встречаются практически во всех исследованиях, связанных с COVID-19 [33], а такие элементы, как *заражение* и *смерть*, делают СП об этом заболевании похожими на СП об Эболе и СПИДе [1; 24].

А.И. Донцов с коллегами, изучавшие СП о COVID-19 во время первой волны пандемии в России [3], приходят к выводу, что ядро СП о COVID-19 является устойчивым, согласованным и отражает результат информационного воздействия СМИ, что представляется через такие категории, как *смерть* и *паника*. Идея о воздействии медиа на формирование СП, как подчеркивают исследователи, основывается на тезисе о том, что на исследуемой территории (Свердловская область) заболеваемость на тот момент была достаточно низкая, популяционное знакомство с COVID-19 у респондентов отсутствовало. В ключевые элементы СП также попали *болезнь, изоляция, опасность*. Потенциальная зона изменений включает указания на *эпидемию гриппа*, тревогу, *беспомощность, обман*. Введение изоляции сопровождается не только страхом, но и воспринимается большинством как каникулы и возможность остаться дома. Перечисленные сильные эмоциональные проявления, по мнению исследователей, обусловлены ситуацией неопределенности, сопряженной с пандемией. Во второй периферии авторами были зафиксированы первоисточник (Китай) и последствия пандемии COVID-19 — карантин, безработица, риск, ограничения, безответственность.

Как отмечалось выше, излагаемое здесь исследование является собой только часть более обширного научно-исследовательского проекта, и результаты, касающиеся того, как представители студенческой молодежи понимают пандемию, будут изложены в другой работе. Тем не менее нельзя пройти мимо результатов, полученных О.Б. Крушельницкой с коллегами на выборке студентов разных специальностей в рамках одного университета, где объектом представлений были пандемия COVID-19 и маска [4]. Не имея возможности напрямую образом сравнить эти результаты с теми, что были изложены выше, в силу разных объектов представлений, подчеркнем, однако, их важность с точки зрения анализа систем СП [9].

Сопоставление результатов, полученных в настоящем исследовании, с результатами, полученными другими авторами, обращает внимание на важный факт: аффективные реакции, ассоциированные с COVID-19, занимают ключевое положение в структуре СП, как мы и предполагали обнаружить в результате нашего исследования. Однако это предположение не получило эмпирической поддержки: в результатах, полученных во время первой волны, сильные аффективные реакции (паника и страх) мыслятся во вторую очередь в случае COVID-19. В результатах, полученных во время четвертой волны пандемии, элемент *страх* становится еще менее важным (оказывается во второй периферии). Равным счетом не получила эмпирической поддержки та часть нашей гипотезы, в которой говорится о выстраивании СП вокруг понятий медицинского дискурса на более поздних этапах пандемии. Понятия из медицинского дискурса являются ключевыми для СП на обоих этапах исследования. Сравнение двух гипотетических струк-

тур СП о COVID-19 позволяет лишь говорить о том, что во втором случае (четвертая волна пандемии) имеет место организованная структура ядра СП по сравнению с первым случаем (первая волна пандемии).

Возможным видится такое объяснение: мы зафиксировали отсутствие иерархической структуры в зоне ядра в гипотетической структуре СП на начальном этапе (первая волна пандемии), а также наличие иерархии в зоне ядра в гипотетической структуре СП в более поздний период (четвертая волна пандемии). Этот факт позволяет говорить об определенной динамике СП, однако она касается не столько структурных элементов (хотя и имеет место некоторая модификация элементов зоны ядра СП: вместо *болезнь, вирус, пандемия* имеет место *карантин, пандемия, болезнь*), сколько процесса зарождения СП. Главными темами СП сразу являются категории, принадлежащие медицинскому дискурсу. Вполне возможно, что крайние аффективные реакции, ассоциированные с COVID-19, можно было зафиксировать в самом начале пандемии, которая официально началась 11 марта 2020 года, к моменту исследования хотя и происходила первая волна с пиком новых случаев, но за это время произошла своего рода нормализация пандемии. Другими словами, можно предполагать, что это соответствует процессам, описанным в модели коллективного символического копинга, а именно [31]: осознание (информация ВОЗ о COVID-19), дивергенция (возникновение разнообразного дискурса о вирусе: например, страх, ассоциированный с уязвимостью и беспомощностью в ситуации пандемии, с одной стороны; с другой — опасения за последствия социально-экономического толка); конвергенция

(групповая конвергенция в отношении социального объекта); нормализация (интеграция нового явления в повседневную жизнь).

Другим возможным объяснением видится своего рода занижение угрозы, сопротивление тому, что говорится официально (о рисках пандемии, необходимости соблюдать меры безопасности, о последствиях COVID-19 и пр.).

Для проверки того или иного объяснения требуется дальнейшее теоретическое осмысление проблемы СП об инфекционных заболеваниях. Возможность уточнения структуры СП о COVID-19 едва ли имеется: в настоящий момент пандемия COVID-19 закончилась (в соответствии с официальными данными ВОЗ), разработана вакцина, существуют медицинские способы противостояния этой угрозе, популяционное знакомство с COVID-19 значительно расширилось, все это позволило поставить страх под контроль. Другими словами, объект представленный изменился, претерпел своего рода нормализацию.

Выводы

С опорой на основополагающие идеи теории СП о социокогнитивных процессах порождения СП и результаты эмпирических исследований о СП об инфекционных заболеваниях нами было предпринято исследование, целью которого был анализ особенностей СП о коронавирусе в среде студенческой молодежи в разные моменты развития пандемии COVID-19. Эта цель достигнута.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. В противовес предположению о том, что на начальных этапах пандемии ключевыми элементами СП о COVID-19 должны были стать крайние аффектив-

ные реакции, а также элементы, объясняющие происхождение COVID-19, оказалось, что в ядре отразились такие категории, как *болезнь, пандемия и вирус*. При этом они не носят иерархизированный характер, по сути, мы зафиксировали только момент формирования СП. Сильно аффективно заряженные элементы попали лишь в контрастирующую зону и периферию.

2. На более поздних этапах пандемии ключевыми в СП должны были стать элементы, заимствованные из медицинского дискурса. Это предположение соответствует теории СП, а также результатам исследований СП об инфекционных заболеваниях [13]. Однако в зоне ядра в четвертую волну пандемии остались те же элементы (медицинский дискурс был отмечен с самого начала пандемии), только *вирус* сменился на *карантин* как более длительное и сильнее влияющее на жизнь и деятельность студенческой молодежи явление.

3. Зафиксирована динамика СП о COVID-19 у студенческой молодежи: элементы зоны ядра обретают иерархическую структуру, яркий эмоциональный ответ в виде паники и страха утрачивает постепенно свою силу и значимость.

4. Все без исключения элементы ядра и периферии СП студенческой молодежи о COVID-19 носят негативный характер, включая даже оценку профилактических мер.

5. Содержание СП совпадает с оным, полученным в других исследованиях [3; 10; 16], однако организация этих элементов СП различается.

Заключение

Пандемия COVID-19 — это первый опыт для большей части населения планеты: появилось новое заболевание, которое быстро распространяется

по странам и континентам, при этом человечеству нечего противопоставить этой угрозе, по аналогии с тем, как это было во времена средневековых эпидемий, когда изоляция и бегство оказывались едва ли не единственными способами защиты. Безусловно, в недавнем прошлом имели место вспышки целого ряда заболеваний, будь то атипичная пневмония (SARS), свиной грипп (H1N1), птичий грипп (H5N1), вирус Эболы. Однако они не приобрели формы пандемии, охватившей страны и континенты. Не имели такого размаха, как, например, испанский грипп, пандемия которого унесла жизни от 20 до 40% населения планеты.

Наше общее предположение о том, что на начальных этапах пандемии ожидается, что ключевыми элементами СП о COVID-19 будут указания на крайние аффективные реакции, ассоциированные с COVID-19, а также элементы, объясняющие происхождение COVID-19; на более поздних этапах пандемии ключевыми в СП будут элементы, заимствованные из медицинского дискурса, — не получило эмпирической поддержки и требует дальнейшего анализа.

На основе полученных результатов представляется возможным выдвинуть новое предположение: в случае пандемии COVID-19 представители студенческой молодежной среды заняли позицию, рационализирующую угрозу и страх, ассоциированный с ним. Исходя из того, что представленные здесь результаты — это лишь часть большого научно-исследовательского проекта, мы допускаем, что анализ дополнительных данных позволит нам лучше понять полученные результаты, а также проверить наше предположение о рационализации угрозы.

Литература

1. *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект пресс, 2008. 264 с.
2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В.* К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 8–25. DOI:10.17759/sps.2022130302
3. *Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В.* Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. С. 422–444. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444 (дата обращения: 10.03.2023).
4. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Толстых Н.Н.* Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 198–221. DOI:10.17759/sps.2021120113
5. *Николаева В.В.* Личность в условиях хронического соматического заболевания // Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Под ред. Е.Т. Соколовой, В.В. Николаевой. М.: Аргус, 1995. С. 56–81.
6. *Abric J.-C.* La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // Méthodes d'étude des représentations sociales / In J.-C. Abric (Ed.). Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80. DOI:10.3917/puf.jodel.2003.01.0203
7. *Allport G., Postman L.J.* The basic psychology of rumor // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1945. Vol. 8. P. 61–81. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x
8. *Apostolidis T., Santos F., Kalampalikis N.* Society Against COVID-19: Challenges for the Socio-genetic Point of View of Social Representations // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29(2). P. 3.1–3.14.
9. *Camargo B.V., Wachelke J.* The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body // Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 1–21.
10. *Coli E., Norcia M., Bruzzone A.* What Do Italians Think About Coronavirus? An Exploratory Study on Social Representations // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29(2). P. 7.1–7.29.
11. *Douglas K.* Rumor / Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations // In J.M. Levine, M.A. Hogg. London: Sage, 2010. P. 719–722.
12. *de Rosa A.S., Mannarini T.* The “Invisible Other”: Social Representations of COVID-19 Pandemic in Media and Institutional // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29(1). P. 5.1–5.35.
13. *Eicher V., Bangerter A.* Social representations of infectious diseases / The Cambridge Handbook Of Social Representations / In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). Cambridge University Press, 2015. P. 385–396. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x
14. *Eicher V. et al.* Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis // Papers on Social Representations. 2011. Vol. 20. P. 11.1–11.19.
15. Empirical approaches to social representations / In G. Breakwell, D. Canter (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.
16. *Fasanelli R., Piscitelli A., Galli I.* Social Representations of Covid-19 in the Framework of Risk Psychology // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. P. 8.1–8.36.
17. *Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
18. *Galand C., Salès-Wuillemin E.* La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage // Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale. 2009. Vol. 84. P. 125–152. DOI:10.3917/cips.084.0125
19. *Jodelet D.* Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press, 1991. 316 p.

20. *Joffe H.* Risk and “The other”. Cambridge University press, 1999. 165 p.
21. *Joffe H., Haarhoff G.* Representations of far-flung illnesses: The case of Ebola in Britain // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54(6). P. 955–969. DOI:10.1016/S0277-9536(01)00068-5
22. *Herzlich C.* Health and illness: A social psychological analysis. London: Academic Press, 1973. 150 p.
23. *Lin Y. et al.* Knowledge, Attitudes, Impact, and Anxiety Regarding COVID-19 Infection Among the Public in China // *Frontiers in Public Health*. 2020. P. 1–7. DOI:10.3389/fpubh.2020.00236
24. *Martin-Aragon M., Terol-Cantero M.C.* Intervención psicosocial post COVID-19 en personal sanitario [psychosocial intervention post COVID-19 in health-care workers] // *International Journal of Social Psychology*. 2020. P. 664–669. DOI:10.1080/02134748.2020.1783854
25. *Moliner P., Abric J.C.* Central Core Theory // *The Cambridge Handbook Of Social Representations* / In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). Cambridge University Press, 2015. P. 83–95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009
26. *Moliner P., Guimelli C.* Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015. 144 p. DOI:10.3917/pug.guime.2015.01
27. *Moliner P., Lo Monaco G.* Méthodes d’association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.
28. *Moscovici S.* La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
29. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social representations: explorations in social psychology* / In G. Duveen (Ed.). N.Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
30. *Moscovici S.* Why a theory of social representations? // *Representations of the social: bridging theoretical traditions* / In K. Deaux, G. Philogène (Eds.). Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.
31. *Páez D., Pérez J.A.* Social representations of COVID-19 // *International Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 35. P. 600–610. DOI:10.1080/02134748.2020.1783852
32. *Pizarro J. et al.* Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia // *Papers on Social Representations*. 2020. Vol. 29. P. 2.1–2.38.
33. *Rosati G. et al.* Capturing and analyzing social representations. A first application of Natural Language Processing techniques to reader’s comments in COVID-19 news. 2020, May 30. Argentina // *SocArXhivePapers*. 2020. DOI:10.31235/osf.io/3pcdu

References

1. Bovina I.B. Social’naja psihologija zdorov’ja i bolezni [Social psychology of health and illness]. Moscow: Aspekt press, 2008. 264 p. (In Russ.).
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V. K voprosu ob issledovanii social’nyh predstavlenij: vzgljad so storony [Studying Social Representations: an Outsider’s Perspective]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 8–25. DOI:10.17759/sps.2022130302 (In Russ.).
3. Dontsov A.I., Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Sotsial’nye predstavleniya o koronavirusе v nachale pandemii v Rossii [Elektronnyi resurs] [Social representations of COVID-19 at the beginning of the pandemy in Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 422–444. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444 (Accessed 10.03.2023). (In Russ.).
4. Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Y., Pogodina A.V., Raskhodchikova M.N., Tolstykh N.N. Normativnoe povedenie v situatsii pandemii COVID-19: kak dobit’sya ego soblyudeniya u studentov? [Regulatory Behavior in the COVID-19 Pandemic: How to Get Students to Comply

- with It?]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 198–221. DOI:10.17759/sps.2021120113 (In Russ.).
5. Nikolaeva V.V. Lichnost' v usloviyah hronicheskogo somaticheskogo zabolevaniya [Personality in the situation of chronic somatic illness]. In E.T. Sokolova, V.V. Nikolaeva (eds.). *Osobennosti lichnosti pri pogranichnykh rasstrojstvakh i somaticheskikh zabolevaniyakh* [Particularities of personality in case of mental and somatic illnesses]. Moscow: Argus, 1995, pp. 56–81. (In Russ.).
 6. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. In J.-C. Abric (ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003, pp. 59–80. DOI:10.3917/puf.jodel.2003.01.0203
 7. Allport G., Postman L.J. The basic psychology of rumor. *Transactions of the New York Academy of Sciences*, 1945. Vol. 8, pp. 61–81. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x
 8. Apostolidis T., Santos F., Kalampalikis N. Society Against COVID-19: Challenges for the Socio-genetic Point of View of Social Representations. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 3.1–3.14.
 9. Camargo B.V., Wachelke J. The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body. *Papers on Social Representations*, 2010. Vol. 19, pp. 1–21.
 10. Coli E., Norcia M., Bruzzone A. What Do Italians Think About Coronavirus? An Exploratory Study on Social Representations. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 7.1–7.29.
 11. Douglas K. Rumor. In J.M. Levine, M.A. Hogg (eds.). *Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations*. London: Sage, 2010, pp. 719–722.
 12. de Rosa A.S., Mannarini T. The “Invisible Other”: Social Representations of COVID-19 Pandemic in Media and Institutional. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 5.1–5.35.
 13. Eicher V., Bangertner A. Social representations of infectious diseases. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *The Cambridge Handbook Of Social Representations*. Cambridge University Press, 2015, pp. 385–396. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x
 14. Eicher V. et al. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis. *Papers on Social Representations*, 2011. Vol. 20, pp. 11.1–11.19.
 15. *Empirical approaches to social representations*. In G. Breakwell, D. Canter (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.
 16. Fasanelli R., Piscitelli A., Galli I. Social Representations of Covid-19 in the Framework of Risk Psychology. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 8.1–8.36.
 17. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
 18. Galand C., Salès-Wuillemin E. La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage. *Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 2009. Vol. 84, pp. 125–152. DOI:10.3917/cips.084.0125
 19. Jodelet D. Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press, 1991. 316 p.
 20. Joffe H. Risk and “The other”. Cambridge University press, 1999. 165 p.
 21. Joffe H., Haarhoff G. Representations of far-flung illnesses: The case of Ebola in Britain. *Social Science & Medicine*, 2002. Vol. 54, pp. 955–969. DOI:10.1016/S0277-9536(01)00068-5
 22. Herzlich C. Health and illness: A social psychological analysis. London: Academic Press, 1973. 150 p.
 23. Lin Y. et al. Knowledge, Attitudes, Impact, and Anxiety Regarding COVID-19 Infection Among the Public in China. *Frontiers in Public Health*, 2020, pp. 1–7. DOI:10.3389/fpubh.2020.00236
 24. Martín-Aragón M., Terol-Cantero M.C. Intervención psicossocial post COVID-19 en personal sanitario [psychosocial intervention post COVID-19 in health-care workers]. *International Journal of Social Psychology*, 2020, pp. 664–669. DOI:10.1080/02134748.2020.1783854

25. Moliner P., Abric J.C. Central Core Theory. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *The Cambridge Handbook Of Social Representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, pp. 83–95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009
26. Moliner P., Guimelli C. Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015. 144 p. DOI:10.3917/pug.guime.2015.01
27. Moliner P., Lo Monaco G. Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.
28. Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
29. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In G. Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N.Y.: New York University Press, 2000, pp. 18–77.
30. Moscovici S. Why a theory of social representations? In K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18–61.
31. Páez D., Pérez J.A. Social representations of COVID-19. *International Journal of Social Psychology*, 2020. Vol. 35, pp. 600–610. DOI:10.1080/02134748.2020.1783852
32. Pizarro J. et al. Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 2.1–2.38.
33. Rosati G. et al. Capturing and analyzing social representations. A first application of Natural Language Processing techniques to reader's comments in COVID-19 news. 2020, May 30. Argentina. *SocArXhivePapers*, 2020. DOI:10.31235/osf.io/3pcdu

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Березина Елизавета Борисовна, кандидат психологических наук, старший лектор, кафедра психологии, Университет Санвея, г. Санвей, Малайзия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Новиков Алексей Львович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3482-5070>, e-mail: novikov-al@rudn.ru

Information about the authors

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Marianna E. Sachkova, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Irina A. Novikova, PhD in Psychology, Associate Professor at Psychology and Pedagogy Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Elizaveta B. Berezina, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology, Sunway University, Sunway, Malaysia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Alexey L. Novikov, PhD in Philology, Associate Professor at General and Russian Linguistics Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3482-5070>, e-mail: novikov-al@rudn.ru

Получена 18.04.2023

Received 18.04.2023

Принята в печать 17.05.2023

Accepted 17.05.2023

Субъективные репрезентации здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений

Волкова Е.Н.

**ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru**

Руднова Н.А.

**ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru**

Калимуллин А.М.

**ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-7728>, e-mail: kalimullin@yandex.ru**

Цель. Изучение субъективных репрезентаций здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений.

Контекст и актуальность. Субъективные репрезентации здоровья являются индивидуальным психологическим инструментом благополучия, тем самым влияя на объективные достижения в личной, социальной и профессиональной жизни человека. Субъективные репрезентации здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений выступают не только важным фактором их профессиональной деятельности, но и могут выступать одной из характеристик образовательной среды детей, оказывая влияние, помимо прочего, на формирование моделей отношения детей к своему здоровью.

Дизайн исследования. В работе изучалась выраженность субъективных репрезентаций здоровья и их связь со стратификационными переменными и компонентами психологического благополучия модели PERMA. Выраженность характеристик и характер связи проверялись методами описательной статистики, частотного анализа, анализа различий, кластерного и корреляционного анализа.

Участники. Общий объем выборки составил 1537 человек — женщины-воспитатели дошкольных образовательных учреждений в возрасте от 21 года до 74 лет, со стажем работы от 1 года до 55 лет, преимущественно со средним или высшим образованием, проживающие на территории Российской Федерации.

Методы (инструменты). Изучение проводилось в онлайн-форме с помощью опросника PERMA-Profiler, адаптированного для русскоязычной выборки, в структуре которого существует шкала оценки здоровья. Субъективные репрезентации здоровья рассматривались как совокупность когнитивного компонента самооценки здоровья, удовлетворенности респондента своим здоровьем, социальным сравнением здоровья с другими людьми, которые измерялись соответствующими шкалами опросника. В диагностический комплекс были включены вопросы о социально-демографических характеристиках (возраст, уровень образования, стаж работы, место проживания, семейный статус, количество детей).

Результаты. Восприятие своего здоровья у воспитателей отличается согласованностью представлений о собственном здоровье, удовлетворенностью им и социальным сравнением со здоровьем других людей. Субъективные репрезентации здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений характеризуются позитивностью и оптимизмом. Эти репрезентации не зависят от уровня образования, места жительства, географии региона проживания, количества детей, семейного положения, но связаны с возрастом и сопряженными с ним характеристиками общего стажа работы и работы в должности воспитателя. Самые высокие показатели субъективных репрезентаций здоровья обнаружены у воспитателей пенсионного возраста.

Выводы. Субъективные репрезентации здоровья имеют положительную коннотацию и связаны с психологическим благополучием воспитателей ДОУ. Вовлеченность в педагогическую деятельность способствует позитивным репрезентациям здоровья воспитателей, особенно в пожилом возрасте.

Ключевые слова: здоровье; субъективные репрезентации; воспитатели дошкольных образовательных учреждений; психологическое благополучие; PERMA.

Для цитаты: Волкова Е.Н., Руднова Н.А., Калимуллин А.М. Субъективные репрезентации здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140207>

Subjective Representations of the Health of Preschool Teachers

Elena N. Volkova

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Natalia A. Rudnova

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Aidar M. Kalimullin

Kazan Federal University, Kazan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-7728>, e-mail: kalimullin@yandex.ru

Objective. *The study of subjective representations of the health of preschool teachers.*

Background. *Subjective representations of health are an individual psychological instrument of well-being influencing objective achievements in personal, social and professional life. Subjective representations of the health of preschool teachers are both an important factor for their professional activities and the characteristics of the educational environment for children. Research on subjective representations of the health of preschool teachers is important because it may affect the development of children's attitudes towards their health.*

Study design. *The study is dedicated to subjective representations of health and their relationship with stratification variables and components of psychological well-being in the PERMA model. Analytical approaches included descriptive statistics, frequency analysis, analysis of variance, cluster and correlation analyses.*

Participants. *The main sample included 1537 preschool teachers aged between 21 and 74 years with work experience from 1 year to 55 years, with secondary or higher education. All participants live in the Russian Federation.*

Method. *The study was conducted online using the PERMA-Profiler questionnaire, adapted for the Russian-speaking sample. Subjective representations of health include the cognitive self-assessment of health, satisfaction with own's health, social comparison of own's health with peers. The information about socio-demographic characteristics (age, level of education, work experience, place of residence, marital status, number of children) was also collected.*

Results. *The perception of the health of preschool educators consistent between own's cognitive self-assessment of health, satisfaction with health and social comparison with the health of other people. Subjective representations of the health of preschool teachers are characterized by positivity and optimism. These representations do not depend on the level of education, place of residence, geography of the region of residence, number of children, marital status, but are related to age and work experience. The highest indicators of subjective representations of health were found among older educators.*

Conclusions. *Subjective representations of health have a positive connotation and are associated with the psychological well-being of preschool teachers. Involvement in pedagogical activity contributes to positive representations of the health of educators, especially in old age.*

Keywords: *health; subjective representations; preschool teachers; psychological well-being; PERMA.*

For citation. Volkova E.N., Rudnova N.A., Kalimullin A.M. Subjective Representations of the Health of Preschool Teachers. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140207> (In Russ.).

Введение

Здоровье — концепт, уверенно лидирующий среди психологических и социологических исследований, сфокусированных как на изучении возможностей человека, его способностей к конструированию собственной жизни и управлению ею, так и на анализе психологических проблем человека, заболеваний, дефицитов, барьеров и ограничений. На сайтах Американской психологической ассоциации и научной электронной библиотеки eLibrary.ru поиск по ключевому слову «Health» (здоровье) и сопряженным с ним понятиям насчитывает сотни тысяч публикаций. Однако, несмотря на значительный научный интерес к проблеме здоровья, следует признать, что подавляющее большинство этих исследований сосредоточено на изучении здоровья как обобщенного феномена, как явления социальной реальности, как конструкта, раскрывающего здоровье в его общественном, а не личном значении [8]. Общая логика большинства исследований призвана показать влияние сформированных в

общественном и групповом сознании основных постулатов здоровья как ориентиров для выбора индивидуальных реакций и стратегий поведения человека.

Изучение здоровья как индивидуальной реальности встречается гораздо реже. Между тем этот ракурс исследований востребован наукой и практикой. Прежде всего это связано с существующим противоречием между интенсивным развитием научных исследований медицины и расширением практик медицинской помощи, с одной стороны, и неоднозначной динамикой состояния соматического и психического здоровья разных возрастных групп населения России [3] — с другой. Это несоответствие, на наш взгляд, обусловлено действием человеческого фактора и, в первую очередь, особенностями отношения человека к своему здоровью. Здоровье как индивидуальная реальность и отношение человека к своему здоровью как проявление этой реальности становятся предметом современных психологических исследований здоровья [7].

В современных условиях перманентных общественных трансформаций, роста напряженности в обществе и конфликтности забота о здоровье становится индивидуальной стратегией человека в значительно большей степени, чем задачей общества и государства. Качество жизни, в том числе и состояние здоровья как основного ресурса достижения этого качества, сегодня становится результатом индивидуальных решений человека. По данным многих исследований, здоровье взрослого человека определяется в наше время не только и не столько воздействием факторов внешнего порядка, сколько отношением к жизни, в частности, тем, что принято называть «образом жизни», «здоровым образом жизни» (например, [2; 6]). Распространенным показателем отношения к жизни является психологическое благополучие человека. Существуют исследования, доказывающие связь психологического благополучия и здоровья (например, [13]) в его объективной данности. В исследованиях психологического благополучия как устойчивого состояния равновесия, интегрирующего переживания по поводу эмоциональных, психологических и социальных достижений [9; 16], субъективные репрезентации здоровья рассматриваются как ресурс переживания счастья и удовольствия от жизни с точки зрения полноты самореализации человека. Эти субъективные репрезентации могут выступать как индивидуальный психологический инструмент для переживания благополучия человека или препятствовать переживанию благополучия, тем самым влияя на объективные достижения в личной, социальной и профессиональной жизни человека.

Особое значение субъективные репрезентации здоровья имеют для педагогов, профессиональная деятельность

которых связана с воспитанием и развитием подрастающего поколения. Кроме собственно гигиенических требований к здоровью педагогов, работающих с детьми, сегодня важно научить подрастающее поколение бережно и ответственно относиться к здоровью, что невозможно сделать при негативном содержании субъективных репрезентаций здоровья. К сожалению, субъективные репрезентации собственного здоровья педагогов практически не изучены. Существует довольно обширная библиография исследований здоровья современного учителя. Эти исследования и учебные пособия сосредоточены в основном на изучении объективной сущности здоровья, в том числе здоровья психического [5]. Субъективные репрезентации здоровья и, тем более, их связь с психологическим благополучием педагогов не изучены вовсе. В общих исследовательских выборках по изучению проблемы здоровья и благополучия педагоги дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) как группа респондентов для организации эмпирических исследований практически не встречается. Между тем позитивные субъективные репрезентации здоровья у педагогов ДОУ выступают важным условием создания комфортной развивающей образовательной среды для детей ранних ступеней онтогенеза и формируют первые для ребенка модели отношения к своему здоровью.

Целью нашего исследования было изучение субъективных репрезентаций здоровья у воспитателей ДОУ. Мы предположили, что субъективные репрезентации здоровья воспитателей ДОУ отличаются согласованностью представлений о собственном здоровье, удовлетворенностью им и социальным сравнением со здоровьем других людей. Эти репрезентации имеют зависимость от таких

стратификационных переменных, как возраст воспитателей, стаж деятельности, семейное положение и наличие детей, место и география проживания. Мы также предположили, что субъективные репрезентации здоровья у воспитателей ДОУ связаны с компонентами психологического благополучия человека.

Методы

Изучение субъективных репрезентаций здоровья педагогов ДОУ проводилось с помощью опросника PERMA-Profilер [10], адаптированного для русскоязычной выборки [4], в структуре которого существует шкала оценки здоровья. Субъективные репрезентации здоровья представлены ответами на вопросы: «В целом, как вы оцениваете ваше здоровье?» (отражает когнитивный компонент самооценки здоровья); «Насколько вы удовлетворены своим нынешним физическим здоровьем?» (отражает удовлетворенность респондента своим здоровьем); «По сравнению с другими людьми того же возраста и пола, как вы оцениваете ваше здоровье?» (отражает социальное сравнение здоровья). Респонденты отвечали на вопросы по шкале Лайкерта от 0 до 10, например, когнитивный компонент самооценки здоровья оценивался от 0 — «ужасно» до 10 — «великолепно».

Исследование включало в себя проведение опроса в онлайн-форме на добровольной безвозмездной основе, анонимно. В диагностический комплекс были включены вопросы о социально-демографических характеристиках (возраст, уровень образования, стаж работы, место проживания, семейный статус, количество детей).

Компоненты психологического благополучия — позитивные эмоции, вовлеченность, деятельность, взаимоотношения, смысл и достижения в

деятельности — оценивались по выраженности основных шкал опросника PERMA-Profilер.

Результаты исследования обрабатывались с использованием методов описательной статистики, частотного анализа, анализа различий, кластерного и корреляционного анализа. Для обработки данных использовался статистический программный пакет IBM SPSS STATISTICS 26.

Исследование проводилось в 79 регионах из 8 федеральных округов Российской Федерации. В каждом регионе в исследовании участвовали педагоги городских и сельских дошкольных образовательных учреждений. Выборку исследования составили только воспитатели ДОУ. Объем исследовательской выборки составил 1537 человек — женщины в возрасте от 21 года до 74 лет, со стажем работы от 1 года до 55 лет, преимущественно со средним или высшим образованием.

Результаты

Субъективные репрезентации здоровья воспитателей ДОУ представлены как совокупность когнитивного компонента самооценки здоровья, удовлетворенности респондента своим здоровьем, социального сравнения собственного здоровья с другими людьми. Широкий возрастной диапазон исследовательской выборки позволил сформировать для анализа три группы педагогов ДОУ — воспитатели возраста ранней зрелости, возраста зрелости, пожилого возраста. Возраст ранней зрелости для женщин охватывает период с 21 года до 35 лет, возраст зрелости — 36–55 лет, пожилой возраст — старше 56 лет. В таблице представлены значения показателей субъективных репрезентаций здоровья и показателей психологического благополучия воспитателей ДОУ.

Субъективные репрезентации здоровья и показатели психологического благополучия воспитателей ДОУ

	Возрастные группы воспитателей ДОУ						Значимость различий
	Ранняя зрелость (21–35 лет), N = 364		Зрелость (36–55 лет), N = 976		Пожилой возраст (старше 56 лет), N = 197		
Субъективные репрезентации здоровья							
	<i>M (SD)</i>	<i>Median</i>	<i>M (SD)</i>	<i>Median</i>	<i>M (SD)</i>	<i>Median</i>	
Когнитивный компонент самооценки здоровья	6,96 (2,1)	7,0	6,78 (1,9)	7,0	7,14 (1,9)	7,0	Значимо, $p < 0,05$
Удовлетворенность своим здоровьем	6,08 (2,3)	6,0	6,25 (2,2)	6,0	6,96 (2,1)	7,0	Значимо, $p < 0,001$
Социальное сравнение собственного здоровья с другими людьми	6,76 (2,1)	7,0	6,79 (2,1)	7,0	7,24 (1,9)	8,0	Значимо, $p < 0,01$
Интегральная самооценка здоровья	6,83 (1,7)	6,7	7,03 (1,5)	7,0	7,53 (1,4)	7,7	Значимо, $p < 0,001$
Кластеры							
	<i>N</i>	<i>% в группе</i>	<i>N</i>	<i>% в группе</i>	<i>N</i>	<i>% в группе</i>	
Первый кластер с высокими значениями субъективных репрезентаций здоровья	194	53,3%	514	52,7%	133	67,5%	Значимо, $p < 0,001$
Второй кластер с низкими значениями субъективных репрезентаций здоровья	170	46,7%	462	47,3%	64	32,5%	
Компоненты психологического благополучия							
	<i>M (SD)</i>	<i>Min-Max</i>	<i>M (SD)</i>	<i>Min-Max</i>	<i>M (SD)</i>	<i>Min-Max</i>	
Позитивные эмоции	7,78 (1,6)	2/10	7,97 (1,5)	0/10	8,38 (1,2)	4/10	Значимо, $p < 0,000$
Вовлеченность	7,32 (1,5)	2/10	7,82 (1,5)	1/10	8,34 (1,3)	3/10	Значимо, $p < 0,000$
Взаимоотношения	7,70 (1,8)	2/10	7,73 (1,8)	0/10	8,15 (1,5)	2/10	Значимо, $p < 0,007$
Смысл	7,69 (1,7)	0/10	8,09 (1,5)	1/10	8,60 (1,2)	2/10	Значимо, $p < 0,000$
Достижения	7,71 (1,5)	2/10	8,15 (1,3)	2/10	8,54 (1,2)	5/10	Значимо, $p < 0,000$
Негативные эмоции	5,14 (1,8)	0/10	4,73 (1,8)	0/10	4,32 (2,0)	0/10	Значимо, $p < 0,000$
Одиночество	3,70 (1,7)	0/10	3,12(1,0)	0/10	3,04 (2,4)	0/10	Значимо, $p < 0,006$
Счастье	8,3 (1,9)	0/10	8,41 (1,8)	0/10	8,66 (1,5)	3/10	Незначимо, $p = 0,05$

Выраженность средних значений всех субъективных репрезентаций здоровья воспитателей всех возрастных групп превышает аналогичные значения как в русскоязычных исследовательских выборках [4] со средними значениями 6,71 (1,95) для интегральной самооценки здоровья, так и в выборках зарубежных исследований (например, [10; 11; 18]).

Показатели всех субъективных репрезентаций здоровья находятся в пределах средних значений с тенденцией к высоким: воспитатели ДОУ оценивают свое физическое здоровье как хорошее, они удовлетворены состоянием своего здоровья и считают, что их здоровье лучше в сравнении с другими людьми того же возраста и пола. Изменения показателей удовлетворенности здоровьем и социальных сравнений со здоровьем других людей возрастают от возраста

ранней зрелости к пожилому возрасту. Та же тенденция роста удовлетворенности своим здоровьем наблюдается в зависимости от стажа работы — характеристики, сопряженной с возрастной: коэффициенты корреляции возраста респондентов и общего стажа работы, а также стажа работы в должности воспитателя составляют $r = 0,899$ и $r = 0,674$ соответственно, $p < 0,01$. Оптимизм в оценках своего здоровья, удовлетворенность состоянием здоровья, самооценка здоровья в сравнении с другими людьми того же пола и возраста выше всего у респондентов самой старшей группы — воспитателей пожилого возраста. Различия субъективных репрезентаций здоровья воспитателей ДОУ трех возрастных групп значимы.

Возрастная динамика изменений всех субъективных репрезентаций здоровья

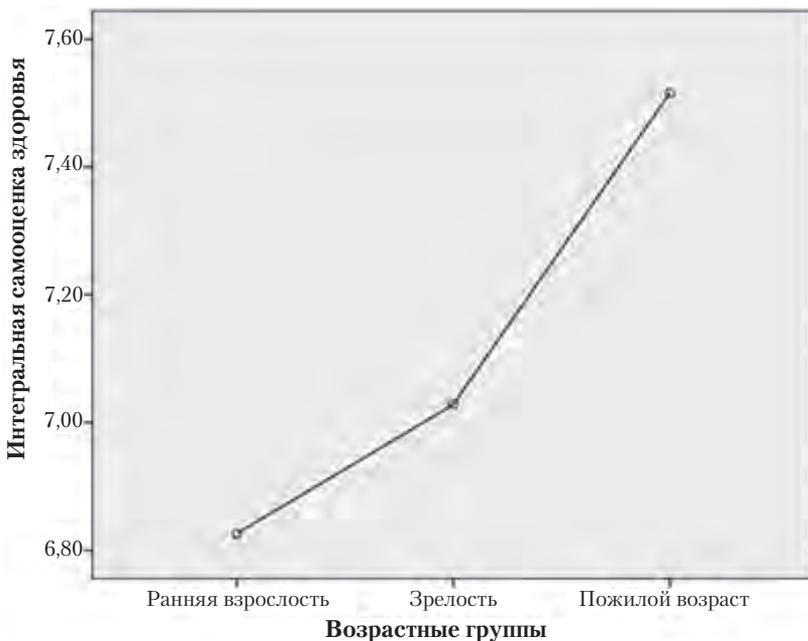

Рис. 1. Возрастная динамика изменений интегральной самооценки здоровья воспитателей ДОУ

воспитателей ДОУ согласованная, за исключением показателей когнитивного компонента самооценки здоровья, который в возрасте зрелости несколько ниже по сравнению с показателями других возрастных групп. Однако это снижение не сказывается на интегральной самооценке здоровья, которая возрастает с возрастом респондентов (рис. 1).

В полученных данных наблюдалась неоднородность распределения выборок респондентов, имеющих разные значения показателей субъективных репрезентаций здоровья. В результате кластерного анализа (по методу К-средних) было выделено две группы (кластера) респондентов (рис. 2) с высокими и низкими значениями субъективных репрезентаций. К первому кластеру были

отнесены 841 человек (54,7%), ко второму — 696 человек (45,3%).

Анализ стратификационных переменных (уровень образования, место жительства, география региона проживания, количество детей, семейное положение, квалификационная категория, возрастная группа) показал, что значимых различий в количестве респондентов, входящих в группу с высокими и низкими показателями субъективных репрезентаций, для большинства изучаемых параметров не обнаружено. Уровень образования, квалификационная категория, место проживания (город или сельская местность), география региона проживания, количество детей у респондентов, семейное положение значимо не влияют на показатели субъективных репрезентаций здоровья воспита-

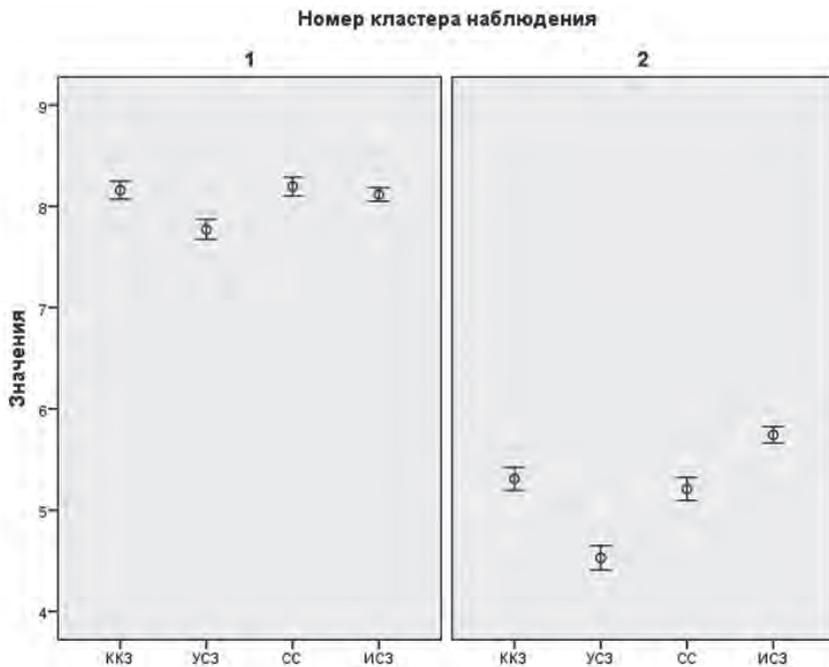

Рис. 2. Кластеры субъективных репрезентаций здоровья воспитателей ДОУ: ККЗ — когнитивный компонент самооценки здоровья; УСЗ — удовлетворенность своим здоровьем; СС — социальное сравнение собственного здоровья с другими людьми; ИСЗ — интегральная самооценка здоровья

телей ДОУ. Однако соотношение респондентов разных возрастных групп в первом и во втором кластерах различается только в отношении воспитателей пожилого возраста. В двух кластерах примерно равное количество воспитателей возраста ранней зрелости (53,3% респондентов возраста ранней зрелости имеют позитивные субъективные репрезентации здоровья и 46,7% — негативные) и зрелого возраста (52,7% и 47,3% респондентов соответственно). Для группы воспитателей пожилого возраста тенденция другая: количество этих респондентов (32,5%) в кластере с низкими значениями субъективных репрезентаций здоровья в два раза меньше, чем в кластере с высокими значениями (67,5%, различия значимы, $p < 0,01$).

Для двух сравниваемых кластеров анализ выраженности компонентов благополучия модели PERMA М. Селигмана [16]: позитивных эмоций как способности человека сохранять оптимизм и смотреть на свое прошлое, настоящее и будущее с позитивной точки зрения, вовлеченности в деятельность, прочных доверительных отношений с другими людьми, смысла как совокупности идей, ради которых человек живет и трудится, достижений как проекции чувства выполненного долга, а также их антитезы в виде негативных эмоций и одиночества, — показал, что различия значимы для респондентов пожилого возраста по сравнению с другими группами. У воспитателей пожилого возраста показатели компонентов психологического благополучия, имеющих содержательно позитивное значение («позитивные эмоции», «смысл», «взаимоотношения», «вовлеченность», «достижения»), значимо выше, чем у других респондентов, а показатели, имеющие содержательно негативное значение («негативные эмоции», «одиночество»), значимо ниже. Причем размах значений компонентов «позитив-

ные эмоции», «вовлеченность», «достижения» минимален и имеет сдвиг в сторону положительных значений у воспитателей пожилого возраста. На уровне тенденции можно отметить возрастание общей субъективной самооценки счастья от возраста ранней зрелости к пожилому возрасту.

Обсуждение результатов

Полученные данные о субъективных репрезентациях здоровья воспитателей ДОУ показывают, что для этой профессиональной группы характерно представление о своем здоровье как о хорошем или, по меньшей мере, лучшем, чем у других представителей аналогичных или более младших по возрасту групп. Рост оптимизма в отношении собственного здоровья с возрастом у педагогов может быть связан с характером деятельности воспитателя ДОУ, с конгруэнтностью этой деятельности выполнению бытовых задач и задач воспитания и ухода за детьми, с приближенностью содержания и условий труда к домашним, которые сглаживают остроту ролевого конфликта работающей женщины [1]. В одном из исследований было показано, что конгруэнтность деятельности функционально-ролевому назначению человека способствует росту его благополучия: у женщин-педагогов были выявлены более высокие показатели психологического благополучия по сравнению с женщинами, работающими в банках, которые, в свою очередь, имели более высокий уровень благополучия, чем женщины, работающие в промышленности [17]. Позитивные субъективные репрезентации здоровья и психологическое благополучие воспитателей ДОУ являются отражением конгруэнтности деятельности и функционально-ролевого предназначения женщины-воспитателя ДОУ и могут свидетельствовать в пользу необходимо-

сти понимания общего контекста жизни и деятельности человека для самооценки его здоровья и благополучия.

Другим фактором, влияющим на высокие значения субъективных репрезентаций здоровья у воспитателей, могут быть смысловые и мотивационные характеристики профессиональной деятельности. Отличительные особенности субъективных репрезентаций здоровья воспитателей ДОУ связаны с их возрастом и сопряженными с ним характеристиками общего стажа работы и стажа работы в должности воспитателя. Возрастная группа воспитателей старше 56 лет оказалась наиболее оптимистичной в восприятии своего здоровья, удовлетворенности им и сравнении своего здоровья с другими людьми того же возраста. Одно из объяснений может быть связано с сознательной попыткой скрыть недомогания, другое — с действительно более высоким уровнем здоровья педагогов по сравнению с их сверстниками, занятыми в других сферах деятельности. Однако возможность работы после достижения пенсионного возраста, ощущение нужности, востребованности на работе в совокупности с эмоциональной отдачей от детей и признанием собственной ценности в глазах родителей воспитанников детских садов могут способствовать представлению о своем здоровье как хорошем и достаточном для активного и общественно полезного труда. Не случайно самые высокие оценки в восприятии своего здоровья обнаружены именно у воспитателей старшего возраста. В этой же возрастной группе деятельностные характеристики благополучия — компоненты «вовлеченность» и «достижения» — также выражены более всего и практически не показывают отрицательных значений. Деятельность педагогов пожилого возраста наполнена смыслом, составляет значительную часть жизни и подтверждена достижениями, что обеспечивает позитивные

самопрезентации здоровья. Активная деятельность и востребованность человека в профессии транспонируются в восприятие своего здоровья как хорошего и в этом смысле вносят значительный вклад в психологическое благополучие воспитателей пожилого возраста.

Заключение

Взгляд на проблему здоровья современного человека как на совокупность объективных характеристик здоровья, соматического статуса человека и субъективных представлений о своем здоровье является влиятельной тенденцией исследований в современных социально-психологических концепциях здоровья. Сегодня однозначно не доказано положение о том, что счастье и благополучие являются прямой причиной хорошего здоровья, что отрицательные эмоции, беспокойство и депрессия являются важными прямыми причинами болезней. Между тем один из самых важных выводов знаменитого «Проекта долголетия» [15] констатировал, что факторы риска здоровья и защитные факторы соматического и психологического порядка возникают и действуют не изолированно, а в совокупности, вместе. Результаты исследований показали, что субъективное восприятие своего здоровья как плохого или хорошего и психологическое благополучие связаны с лучшим физическим состоянием человека [12; 14]. Восприятие своего здоровья у воспитателей ДОУ отличается согласованностью представлений о собственном здоровье, удовлетворенностью им и социальным сравнением со здоровьем других людей. Не оценивая объективный статус физического здоровья воспитателей ДОУ, можно утверждать, что субъективные репрезентации их здоровья характеризуются позитивностью и оптимизмом, эти

репрезентации у российских педагогов — воспитателей ДОУ не зависят от уровня образования, места жительства, географии региона проживания, количества детей, семейного положения, но связаны с возрастом и сопряженными с ним характеристиками общего стажа работы и работы в должности воспитателя.

Сегодня также не доказано, что сложность работы связана с рисками для здоровья; напротив, опыт показывает, что осмысленная деятельность и стремление к достижениям, преданность своему делу часто связаны со значительной пользой

для здоровья, продлевают долголетие, а добросовестные люди, которые живут и работают осмысленно и при этом и помогают другим, обнаруживают лучшие показатели физического и психологического здоровья [15]. Конгруэнтность педагогической деятельности в ДОУ функционально-ролевому предназначению женщины, вовлеченность в деятельность, востребованность способствуют позитивным репрезентациям здоровья. Высокие показатели субъективных репрезентаций здоровья воспитателей ДОУ пенсионного возраста подтверждают эту тенденцию.

Литература

1. *Гаврилица О.А.* Ролевой конфликт работающей женщины: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. 185 с.
2. *Голубева Г.Н., Голубев А.И.* Внешние и внутренние факторы риска здоровья студентов // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 8—4. С. 909—912.
3. *Здравоохранение в России. 2021: Статистический сборник*. Росстат / П.А. Смелов [и др.]. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2021. 171 с.
4. *Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н.* Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии // *Социальная психология и общество*. 2022. Том 13. № 3. С. 116—133. DOI:10.17759/sps.2022130308
5. *Митина Л.М., Митин Г.В., Анисимова О.А.* Профессиональное здоровье педагога: учебное пособие для вузов. 2-е изд., доп.: М.: Издательство Юрайт, 2023. 379 с. URL: <https://urait.ru/bcode/519006> (дата обращения: 26.03.2023).
6. *Полужктова Н.М., Смирнова А.Н.* Человек как субъект здоровья // *Человек*. 2016. № 1. С. 5—16.
7. *Цветкова Л.А., Антонова Н.А., Дубровский Р.Г.* Концептуальные основы изучения и измерения здоровья и благополучия человека с позиций психологической науки // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*. 2019. № 4(104). С. 69—75. DOI:10.22204/2410-4639-2019-104-04-69-75
8. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А.* Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. 350 с.
9. *Adler A., Seligman M.E.P.* Using wellbeing for public policy: Theory, measurement, and recommendations // *International Journal of Wellbeing*. 2016. Vol. 6(1). P. 1—35. DOI:10.5502/ijw.v6i1.429
10. *Butler J., Kern M.L.* The PERMA-Profilер: A brief multidimensional measure of flourishing // *International Journal of Wellbeing*. 2016. Vol. 6(3). P. 1—48. DOI:10.5502/ijw.v6i3.526
11. *Choi S., Suh C., Yang J.W., Ye B.J., Lee C.K., Son B.C., Choi M.* Korean translation and validation of the workplace positive emotion, engagement, relationships, meaning, and accomplishment (PERMA)-Profilер // *Annals of Occupational and Environmental Medicine*. 2019. Vol. 31(1). DOI:10.35371/aodem.2019.31.e17
12. *Deaton A.* Income, health and well-being around the world: Evidence from the gallup world poll // *The Journal of Economic Perspectives*. 2008. Vol. 22(2). P. 53—72. DOI:10.1257/jep.22.2.53

13. Diener E., Scollon C.N., Lucas R.E. The evolving concept of subjective well-being: The multifaceted nature of happiness // *Assessing well-being: The collected works of Ed Diener / E. Diener (Ed.)*. Springer Science + Business Media. 2009. P. 67–100. DOI:10.1007/978-90-481-2354-4_4
14. Friedman H.S., Kern M.L. Personality, well-being, and health // *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. P. 719–742. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115123
15. Friedman H.S., Martin L.R. The longevity project: Surprising discoveries for health and long life from the landmark eight-decade study. New York: Hudson St. Press, 2011. 272 p.
16. Seligman M.E.P. Flourishing. A new understanding of happiness and well-being and how to achieve them. Boston: Nicholas Brealey, 2011. 368 p.
17. Srimathi N.L., Kiran Kumar S.K. Psychological well-being of employed women across different organizations // *Journal of the Indian Academy of Applied Psychology*. 2010. Vol. 36(1). P. 89–95.
18. Wammerl M., Jaunig J., Mairunteregger Th., Streit Ph. The German version of the PERMA-Profil: Evidence for construct and convergent validity of the PERMA theory of well-being in German speaking countries // *Journal of Well-Being Assessment*. 2019. Vol. 3. P. 75–96. DOI:10.1007/s41543-019-00021-0

References

1. Gavrilitsa O.A. Rolevoy konflikt rabotayushchey zhenshchiny: Diss. ... kand. psikh. nauk. [Role conflict of a working woman. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 1998. 185 p. (In Russ.).
2. Golubeva G.N., Golubev A.I. Vneshniye i vnutrenniye faktory riska zdorov'ya studentov [External and internal risk factors for health students]. *Fundamental'nyye issledovaniya = Fundamental Research*, 2013, № 8–4, pp. 909–912. (In Russ.).
3. Zdravooхранение в России. 2021: Statisticheskij sbornik. Rosstat [Health care in Russia. 2021: Statistical compendium]. Moscow: Federal State Statistics Service, 2021. 171 p. (In Russ.).
4. Isaeva O.M., Akimova A.YU., Volkova E.N. Oprosnik blagopoluchiya PERMA-Profil: aprobatsiya russkoyazychnoi versii [PERMA-Profil: the Approbation of the Russian Version]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 116–133. DOI:10.17759/sps.2022130308 (In Russ.).
5. Mitina L.M., Mitin G.V., Anisimova O.A. Professional'noye zdorov'ye pedagoga: uchebnoye posobiye dlya vuzov [Professional health of a teacher: textbook for universities]. Moscow: Publ. Yurayt, 2023. 379 p. URL: <https://urait.ru/bcode/519006> (Accessed 26.03.2023). (In Russ.).
6. Poluektova N.M., Smirnova A.N. Chelovek kak sub'yekt zdorov'ya [Human as a subject of health]. *Chelovek = Human*, 2016, no. 1, pp. 5–16. (In Russ.).
7. Tsvetkova L.A., Antonova N.A., Dubrovskiy R.G. Kontseptual'nyye osnovy izucheniya i izmereniya zdorov'ya i blagopoluchiya cheloveka s pozitsiy psikhologicheskoy nauki [A Conceptual Framework for the Study and Measurement of Human Health and Well-Being from the Standpoint of Psychological Science]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy = Russian Foundation for Basic Research Journal*, 2019, no. 4(104), pp. 69–75. DOI:10.22204/2410-4639-2019-104-04-69-75 (In Russ.).
8. Chuprov V.I., Zubok YU.A., Romanovich N.A. Otnosheniye k sotsial'noy real'nosti v rossiyskom obshchestve: sotsiokul'turnyy mekhanizm formirovaniya I vosпроизводства [Attitude to Social Reality in Russian Society: Sociocultural Mechanism of Formation and Reproduction]. Moscow: Norma; INFRA-M, 2014. 350 p. (In Russ.).
9. Adler A., Seligman M.E.P. Using wellbeing for public policy: Theory, measurement, and recommendations. *International Journal of Wellbeing*, 2016. Vol. 6(1), pp. 1–35. DOI:10.5502/ijw.v6i1.429
10. Butler J., Kern M.L. The PERMA-Profil: A brief multidimensional measure of flourishing. *International Journal of Wellbeing*, 2016. Vol. 6(3), pp. 1–48. DOI:10.5502/ijw.v6i3.526
11. Choi S., Suh C., Yang J.W., Ye B.J., Lee C.K., Son B.C., Choi M. Korean translation and validation of the Workplace Positive emotion, Engagement, Relationships, Meaning, and Accomplishment (PERMA)-Profil. *Annals of Occupational and Environmental Medicine*, 2019. Vol. 31(1). DOI:10.35371/aoem.2019.31.e17

12. Deaton A. Income, health and well-being around the world: Evidence from the Gallup World Poll. *The Journal of Economic Perspectives*, 2008. Vol. 22(2), pp. 53–72. DOI:10.1257/jep.22.2.53
13. Diener E., Scollon C.N., Lucas R.E. The evolving concept of subjective well-being: The multifaceted nature of happiness. In E. Diener (Ed.). *Assessing well-being: The collected works of Ed Diener*. Springer Science + Business Media, 2009, pp. 67–100. DOI:10.1007/978-90-481-2354-4_4
14. Friedman H.S., Kern M.L. Personality, well-being, and health. *Annual Review of Psychology*, 2014. Vol. 65, pp. 719–742. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115123
15. Friedman H.S., Martin L.R. The Longevity Project: Surprising Discoveries for Health and Long Life from the Landmark Eight-Decade Study. New York: Hudson St. Press, 2011. 272 p.
16. Seligman M.E.P. Flourishing. A new understanding of happiness and well-being and how to achieve them. Boston: Nicholas Brealey, 2011. 368 p.
17. Srimathi N.L., Kiran Kumar S.K. Psychological well-being of employed women across different organizations. *Journal of the Indian Academy of Applied Psychology*, 2010. Vol. 36(1), pp. 89–95.
18. Wammerl M., Jaunig J., Mairunteregger Th., Streit Ph. The German Version of the PERMA-Profiler: Evidence for Construct and Convergent Validity of the PERMA Theory of Well-Being in German Speaking Countries. *Journal of Well-Being Assessment*, 2019. Vol. 3, pp. 75–96. DOI:10.1007/s41543-019-00021-0

Информация об авторах

Волкова Елена Николаевна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»); профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Руднова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Калимуллин Айдар Минимансурович, доктор исторических наук, профессор, директор Института психологии и образования, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-7728>, e-mail: kalimullin@yandex.ru

Information about the authors

Elena N. Volkova, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Natalia A. Rudnova, PhD in Psychology, Junior Research Fellow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Aidar M. Kalimullin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University, Kazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-7728>, e-mail: kalimullin@yandex.ru

Получена 11.04.2023

Принята в печать 17.05.2023

Received 11.04.2023

Accepted 17.05.2023

Переживание будущего: жизненные перспективы людей предпенсионного возраста

Емельянова Т.П.

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Викентьева Е.Н.

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (ФГОБУ ВО «Финансовый университет»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Цель. Изучение типов жизненной перспективы людей предпенсионного возраста и ряда личностных факторов, связанных с ней.

Контекст и актуальность. Актуальность работы обусловлена важностью изучения феномена жизненной перспективы в контексте значимого события — выхода на пенсию. Сложность его переживания состоит в том, что оно воспринимается как неизбежное, тревожащее и в связи с этим требует ментального освоения, конструирования прогнозов и планов. Изучение типов жизненных перспектив в их связях с ключевыми социально-психологическими особенностями предпенсионеров, финансовой тревожности как предиктора эмоционального компонента жизненной перспективы позволяет выявить сложный комплекс переживаний предстоящего выхода на пенсию, связанных с беспокоеством, тревогой и неуверенностью в будущем.

Дизайн исследования. Для выявления типов респондентов по их жизненным перспективам с использованием факторного и кластерного анализа выборка была разделена на 5 групп. Далее выявленные группы сравнивались при помощи *H*-критерия Краскела-Уоллиса и анализировались путем сравнения средних с нормативными показателями по уровням жизнестойкости и толерантности к неопределенности. В завершение с использованием регрессионного анализа исследовался характер взаимосвязи выявленных типов жизненных перспектив и финансовой тревожности.

Участники. Выборку составили 300 человек (42,3% — мужчины, 57,7% — женщины) возрастной группы 45–55 лет, проживающих на территории Центрального федерального округа Российской Федерации.

Метод. Опросник, направленный на изучение перспектив будущего выхода на пенсию (авторы — Т.П. Емельянова и Е.Н. Викентьева); скрининговая версия теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина; методика «Толерантность к неопределенности» Е.П. Белинской; «Шкала финансовой тревожности личности» Р. Лихи в адаптации Т.В. Дробышевой и В.А. Садова.

Результаты. Выявлены пять эмпирических типов респондентов согласно их жизненным перспективам после выхода на пенсию, которые можно условно разделить на три группы: позитивно настроенные (16,3% выборки) — их представления о будущем отличаются верой в свои силы, оптимизмом, готовностью преодолеть сложности; негативно настроенные (41,1% выборки) — перспектива пенсии сопряжена с ощущением ненужности, отчаяния, неверием в помощь извне, в планах сокращение расходов, экономия; нейтрально настроенные (42,6% выборки) — надеются на поддержку со стороны государства и родственников (26,6% из них), эмоци-

ональный фон нейтральный, у части респондентов этой группы (16%) отмечается нежелание думать о будущем. Анализ показателей жизнестойкости и толерантности к неопределенности выявил их связи с характеристиками жизненных перспектив. Обнаружено, что пониженный уровень жизнестойкости в совокупности с интолерантностью к неопределенности создают основу для восприятия перспективы жизни на пенсии как безнадежной, не зависящей от собственных усилий у многих предпенсионеров. Для них характерна и высокая финансовая тревожность.

Основные выводы. Выделение эмпирических типов респондентов предпенсионного возраста показало, что лишь небольшая часть из них строят оптимистичные перспективы в отношении жизни на пенсии, некоторые не хотят заглядывать в будущее, около четверти надеются на поддержку государства и родственников. Неверие в собственные возможности благополучной жизни после выхода на пенсию значительной части предпенсионеров, негативный или амбивалентный эмоциональный фон, отсутствие конструктивных планов создают почву для снижения уровня психологического здоровья в настоящем и будущем. Финансовая тревожность выступает предиктором по отношению к типам жизненных перспектив, как личностная характеристика она имеет тенденцию усиливать или ослаблять переживания людей в отношении их будущего на пенсии.

Ключевые слова: жизненная перспектива; предпенсионеры; представления о будущем; жизнестойкость; толерантность к неопределенности; финансовая тревожность; эйджизм.

Финансирование. Статья выполнена в рамках государственного задания № 2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений», ЕГИСУ № 1021051201850-6.

Для цитаты: Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н. Переживание будущего: жизненные перспективы людей предпенсионного возраста // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140208>

Experiencing the Future: Life Prospects for Pre-retirement Age People

Tatyana P. Emelyanova

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Eva N. Vikentieva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Objective. *The study of the types of life prospects of people of pre-retirement age and a number of personal factors associated with it.*

Background. *The relevance of the work is due to the importance of studying the phenomenon of life prospects in the context of a significant event — retirement. The complexity of his experience lies in the fact that it is perceived as inevitable, disturbing and, in this regard, requires mental development, construction of forecasts and plans. The study of the types of life prospects in their relationship with the key socio-psychological characteristics of pre-retirees, financial anxiety as a predictor of the emotional component of life prospects, allows us to identify a complex set of experiences of the upcoming retirement associated with anxiety, anxiety, and uncertainty in the future.*

Study design. *To identify the types of respondents in terms of their life prospects using factor and cluster analysis, the sample was divided into 5 groups. Further, the identified groups were compared us-*

ing the Kruskal-Wallis H-test and analyzed by comparing the averages with standard indicators for the levels of resilience and tolerance for uncertainty. In conclusion, using regression analysis, the nature of the relationship between the identified types of life prospects and financial anxiety was studied.

Participants. The sample consisted of 300 people (42,3% — men, 57,7% — women) of the age group 45–55 years old, living in the territory of the Central Federal District of the Russian Federation.

Measurements. A questionnaire aimed at studying the prospects for future retirement (authors T.P. Emelyanova and E.N. Vikentjeva), a screening version of the S. Muddy hardness test adapted by E.N. Belinskaya, “Scale of Financial Anxiety of a Personality” by P. Leahy in adaptation by T.V. Drobysheva and V.A. Sadova.

Results. Five empirical types of respondents were identified according to their life prospects after retirement, which can be conditionally divided into three groups: positive-minded (16,3% of the sample) — their ideas about the future in retirement are distinguished by self-confidence, optimism, readiness to overcome difficulties; negatively inclined (41,1% of the sample) — the prospect of a pension is associated with a feeling of uselessness, despair, lack of faith in outside help, in plans to cut costs, save money; neutral-minded (42,6% of the sample) — they hope for support from the state and relatives (26,6% of them), the emotional background is neutral, some of the respondents in this group (16%) have an unwillingness to think about the future. An analysis of indicators of resilience and tolerance for uncertainty revealed their relationship with the characteristics of life prospects. It was found that a reduced level of hardness, together with intolerance to uncertainty, creates the basis for the perception of the prospect of life in retirement as hopeless, independent of one’s own efforts for many pre-pensioners. They are also characterized by high financial anxiety.

Conclusions. The selection of empirical types of respondents of pre-retirement age showed that only a small part of them build optimistic prospects for life in retirement. Some do not want to look into the future, about a quarter hope for the support of the state and relatives. Disbelief in their own opportunities for a prosperous life after retirement of a significant part of pre-retirees, a negative or ambivalent emotional background, and the absence of constructive plans create the basis for a decrease in the level of psychological health in the present and in the future. Financial anxiety is a predictor of types of life prospects, and as a personality trait, it tends to increase or decrease people’s feelings about their future in retirement.

Keywords: life perspective; pre-retirees; ideas about the future; resilience; tolerance for uncertainty; financial anxiety; ageism.

Funding. The study was carried out within the framework of the State Assignment no. 2021–0010 “Socio-psychological factors of the behavior of an individual and a group in the context of global changes”, USISA no. 1021051201850-6.

For citation: Emelyanova T.P., Vikentjeva E.N. Experiencing the Future: Life Prospects for Pre-retirement Age People. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140208> (In Russ.).

Введение

Жизненная перспектива как одна из категорий, обозначающих результат прогнозирования человеком будущего [1; 2; 3; 4; 16], — это понятие, которое в целях эмпирического исследования использовалось отечественными авторами преимущественно для изучения психологических путей и средств освоения людьми каких-

либо трудных жизненных обстоятельств или ситуаций в преддверии принятия жизненно важных решений. Анализировались ситуации, связанные с пересмотром жизненной перспективы в сложных обстоятельствах, таких, как возникшие серьезные проблемы с психологическим и соматическим здоровьем вследствие, например, участия людей в военных кон-

фликтах, в ликвидации последствий крупных техногенных катастроф [12], в условиях COVID-19 [21], при потере работы [8; 19], в ситуации безысходности [22]. Во всех этих случаях были обнаружены характерные эффекты построения жизненной перспективы. Переживание переломного события в жизни — утраты, кризиса, травмы [18] — сопровождается уменьшением перспективы планирования, снижением осмысленности, реалистичности, стратегичности, целеустремленности. У военных с ПТСР и ликвидаторов последствий радиационной катастрофы деформируется эмоциональный компонент жизненной перспективы, а именно — вера в позитивное будущее [12]. В случае эпидемии COVID-19 [21] были обнаружены противоречивые тенденции в жизненных устремлениях, связанные с деформацией эмоциональной составляющей временной перспективы. Трудные жизненные ситуации, ассоциированные с чувством безнадежности, разрушительно сказываются на видении будущего, лишая его смысла [22].

Таким образом, многие характеристики временной перспективы, конструируемой в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, являются показателями нарушения психологического здоровья. Близкие по психологическому содержанию эффекты исследователи наблюдали при изучении особенностей жизненной перспективы людей в определенные периоды жизни [26]. Переживание кризиса середины жизни проявляется в амбивалентном отношении к своему будущему — с одной стороны, как к активному, но с другой — печальному и тревожному [9]. В старшем возрасте жизненная перспектива характеризуется большей реалистичностью, чем у младших поколений, но одновременно большей ригидностью и консерватизмом [10]. Подобная «чувствительность» феномена жизненной

перспективы к обстоятельствам жизни людей, отражение в ней актуального эмоционального статуса человека, его личностных смыслов, состояния психологического благополучия/неблагополучия, способности целеполагания и других значимых для психологического здоровья показателей заставляют рассматривать жизненную перспективу как важную составную часть переходного этапа жизненного пути — предпенсионного возраста.

Жизненная перспектива относится к числу понятий, используемых в разных отраслях психологической науки — в возрастной (становление жизненной перспективы у подростков и молодежи, у лиц старшего возраста), в общей и клинической психологии (нарушения психологического здоровья, искажение жизненной перспективы у людей с посттравматическими расстройствами, с тяжелыми соматическими заболеваниями), в психологии труда и социальной психологии (особенности гендерных групп, представителей разных профессий). Такое разнообразие направлений применения категории «жизненная перспектива» обусловило многообразие ее концептуализаций. Жизненную перспективу трактуют как целостную картину мира [6], образ будущей жизни [16; 18], совокупность обстоятельств и условий жизни [1], цепочку жизненных выборов [10; 27; 28] и т.п. В настоящей работе жизненная перспектива будет рассмотрена как совокупность представлений о собственном будущем, включающая следующие компоненты: когнитивный компонент представлений о собственном будущем — это представления о себе, своих предполагаемых ролях, желаемых активностях, облике, возможностях, окружении и т.п.; эмоционально-оценочный компонент — переживание надежды, грусти, оптимизма, уныния, воодушевления или смешанных чувств от-

носителем своего будущего. Намерения действовать определенным образом или предпенсионный компонент, который содержит планы, стратегии, желаемые результаты (разной степени ясности и осмысленности) или, напротив, растерянность, тревогу, апатию.

Предстоящий выход на пенсию — одно из ключевых жизненных событий. Оно воспринимается как переломное, неизбежное, неоднозначное в личностном плане, требующее конструирования прогнозов, планов. Предпенсионный период занимает особое место в жизни человека, он переживается через ощущение скорого завершения профессиональной деятельности, прогноз снижения своего социального статуса в позиции пенсионера [29] и уровня финансового благополучия вместе с ограничением контактов и ожиданием собственных возрастных изменений. Согласно данным, полученным в рамках социологии труда, возрастная дискриминация работников начинается ориентировочно с 45 лет — их резюме отклоняются чаще, чем кандидатов на вакансии более младшего возраста, а зарплата в среднем ниже, чем у более молодых коллег. Вследствие этого у людей старше 45 лет возникает эффект воспринимаемой дискриминации. Эмоциональный фон, на котором разворачивается перспектива будущей жизни на пенсии, амбивалентен, так как включает, кроме того, ожидание предстоящей свободы от трудовых обязанностей, возможности занятия любимым делом, активного проведения досуга и самообразования, а также другие, отчасти компенсаторные, чувства и надежды. Сложность переживания одного из ключевых жизненных событий — предстоящего выхода на пенсию — состоит в том, что оно воспринимается как неизбежное, тревожащее и в связи с этим требует ментального освоения, конструирования прогнозов и планов.

В ряде работ поднимался вопрос о психологических факторах, воздействующих на ментальный статус людей предпенсионного возраста: изучались смысловые ориентации, копинг-стратегии, субъективное благополучие, переживание личностного кризиса [13; 14]. При сравнении людей предпенсионного и пенсионного возрастов у первых обнаружены более выраженные признаки личностного кризиса [20].

Результаты исследований различных аспектов психологического здоровья людей предпенсионного возраста демонстрируют значимость такого явления, как жизнестойкость [11; 15; 17; 23; 33] — предиктора субъективного благополучия, фактора стрессоустойчивости и продуктивности трудовой деятельности [15]. Связь жизнестойкости и особенностей построения жизненной перспективы у предпенсионеров остается неизученной.

В современных обществах статус пенсионера существенно занижается из-за значимости в культуре трудовой занятости, ценности профессионализма, насаждаемого СМИ культа молодости и красоты [30]. Этому способствуют также недостаточная финансовая обеспеченность подавляющего большинства пенсионеров, внешне заметные признаки бедности. Люди предпенсионного возраста в разных странах предпринимают определенные меры по подготовке к этому этапу [25; 31], Н.К. Шлосберг [34] ввела понятие «психологическое портфолио» в преддверии выхода на пенсию, означающее особую морально-психологическую готовность, сознательно создаваемый психологический «буфер» для предотвращения негативных переживаний и обеспечения чувства психологического комфорта. Однако, даже несмотря на внутреннюю мобилизацию, тревожное состояние по поводу будущих

финансовых и социальных ограничений в жизни на пенсии тем не менее возникает со всей очевидностью [32].

В настоящем исследовании финансовая тревожность рассматривается не как реактивное состояние, возникающее в силу определенных обстоятельств, а как личностное свойство человека [7, с. 296]. «Финансовая тревожность проявляется, по словам авторов, в зависимости человека от денег, болезненном восприятии им ситуаций финансового неравенства по сравнению с другими людьми, его обеспокоенности перед потенциальной угрозой потери финансовых средств» [7, с. 309]. Являясь базовым личностным свойством, финансовая тревожность становится фактором переживания грядущего изменения социального статуса и построения дальнейшей жизненной перспективы в ситуации неопределенности. Роли финансовой тревожности как свойства личности, жизнестойкости и толерантности к неопределенности как личностных черт представляются существенными в конструировании жизненной перспективы выхода на пенсию. Выбор данных параметров исследования был обусловлен спецификой изучаемой возрастной группы, связанной с ее особым социальным и трудовым статусом.

Цель исследования состоит в изучении типов жизненной перспективы людей предпенсионного возраста и ряда личностных факторов, связанных с ней.

Задачи исследования:

1. Выявить эмпирические типы респондентов по особенностям их жизненных перспектив на пенсии.

2. Изучить взаимосвязи между типологическими особенностями жизненных перспектив и личностными характеристиками респондентов: жизнестойкостью и толерантностью к неопределенности.

3. Изучить характер воздействия финансовой тревожности на особенности

жизненных перспектив респондентов после выхода на пенсию.

Методы

Схема проведения исследования.

Респонденты анонимно заполняли опросник, направленный на изучение перспектив будущего выхода на пенсию, и методики, направленные на выявление уровней жизнестойкости, толерантности к неопределенности и финансовой тревожности.

Выборка исследования. В исследовании принимали участие респонденты ($n = 300$), проживающие в городах Центрального федерального округа России: более 1 миллиона жителей — 12,7%, от 500 тысяч до 1 миллиона — 5,3%, от 250 до 500 тысяч — 9%, от 100 до 250 тысяч — 13%, менее 100 тысяч — 50%. Пол: 42,3% — мужчины, 57,7% — женщины. Возраст: все респонденты относились к возрастной группе 45–55 лет. Образовательный статус: 51,7% имели высшее образование, 11% — два и более высших образования, 16,7% — среднее специальное, 13% — среднее. Семейный статус: женаты (замужем) — 55,3%, не женаты (не замужем) — 28%, состоят в гражданском браке — 13%, вдовец (вдова) — 3,7%. Имеют внуков — 20%. Субъективный материальный статус: 9,7% — денег хватает на еду и одежду, 42,7% могут позволить себе товары длительного пользования, 37% могут позволить себе практически все, кроме покупки квартиры.

Таким образом, выборка преимущественно состоит из респондентов, проживающих в небольших городах Центрального федерального округа России. В целом выборка достаточно гомогенна по образовательному и семейному статусу, а также по субъективной оценке своего экономического благополучия (воспринимаемого вполне позитивно).

Методики исследования: авторский опросник, содержащий 25 утверждений о прогнозировании перспективы своего будущего выхода на пенсию. Утверждения сформулированы на основе предыдущих исследований авторов [8] и анализа литературы. Психометрическая проверка показала достаточный уровень надежности-согласованности пунктов опросника (альфа Кронбаха = 0,76). Респондентам было предложено оценить суждения по 5-балльной шкале. Скрининговая версия теста жизнестойкости, адаптация Е.Н. Осина [15] теста жизнестойкости С. Мадди [33], методика «Толерантность к неопределенности» Е.П. Белинской [5], «Шкала финансовой тревожности личности» Р. Лихи в адаптации Т.В. Дробышевой и В.А. Садова [7]. Социально-демографические характеристики выборки (пол, возраст, образовательный и семейный статус, субъективный уровень материального благополучия) выявлялись при помощи анкетирования.

Результаты

Полученные данные подвергались статистической обработке с использованием пакетов прикладных программ «SPSS 23.0». Полученные данные были подвергнуты проверке на нормальность распределения с помощью Z-теста Колмогорова-Смирнова. Полученный результат показал, что данные по анализируемой выборке подчиняются закону нормального распределения.

Для решения задачи 1 была осуществлена кластеризация случаев по ответам на вопросы анкеты, направленной на изучение восприятия респондентами их будущего на пенсии и жизненных перспектив. Объем выборки и количество вопросов анкеты позволили использовать метод кластерного анализа центров. Прежде всего был применен факторный анализ методом главных

компонент, методом вращения Варимакс с нормализацией Кайзера, целью которого явилось снижение размерности исследуемых переменных. В результате расчета было отобрано семь факторов (имеющих значения, превосходящие единицу), которые были обозначены следующим образом.

Фактор 1. «Страх и безысходность». Чувства безысходности, страха, апатия, беспокойство в отношении будущего. Убежденность в ненужности пенсионеров. Финансовый план — сдача своей недвижимости в аренду (объясняет 19,8% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: *«Испытываю страх и беспокойство в отношении будущего»; «У нас пенсионеры — изгой общества».*

Фактор 2. «Тревожная позиция». Глубокие сомнения в возможности трудоустройства на пенсии. Финансовый план — сокращение расходов (объясняет 12,5% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: *«С моим опытом работы я никому буду не нужен»; «На пенсии буду жить более экономно».*

Фактор 3. «Оптимистичная позиция». Убежденность в наличии возможностей, оптимистичный взгляд на будущее, забота о физическом самочувствии. Финансовый план — подработка, работа на дому (объясняет 9% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: *«Веду активный образ жизни, стараюсь поддерживать физическую форму»; «Выйдя на пенсию, буду работать на дому».*

Фактор 4. «Проактивная позиция». Убежденность в необходимости работать на пенсии, отрицание ухода в семью и хобби, заинтересованность в своем профессиональном и социальном статусе на пенсии. Финансовый план — работать (объясняет 6% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: *«Выйдя на пенсию, планирую продол-*

жить работать, поскольку не хочу чувствовать себя человеком второго сорта»; «Трудоспособному человеку стыдно не работать, даже находясь на пенсии».

Фактор 5. «Рациональная позиция». Осуществление превентивных действий — создание финансовой «подушки», поддержание здоровья, планирование более комфортного и здорового места жительства на пенсии (объясняет 5% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: «Сейчас стараюсь создавать финансовую “подушку” для комфортной жизни на пенсии»; «Выйдя на пенсию, я планирую переехать жить за город».

Фактор 6. «Ожидание помощи». Расчет на помощь государства и родственников (объясняет 4,5% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших

в фактор: «Надеюсь на помощь государства»; «Ожидая, что на пенсии мне финансово помогут дети и внуки».

Фактор 7. «Уход». Отказ от мыслей о будущем, ориентация на сегодняшний день (объясняет 4% суммарной дисперсии). Примеры шкал, вошедших в фактор: «Откладываю мысли о будущем, живу сегодняшним днем».

Полученные факторы были подвергнуты кластеризации методом К-средних. При дальнейшей обработке на основании предварительно проведенного иерархического кластерного анализа было задано 5 кластеров (как оптимальное количество). Полученные группы представляют собой эмпирические типы респондентов по их восприятию будущего и жизненным перспективам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по кластерам

Номер кластера	Описание кластера	Количество случаев, вошедших в кластер (%)	Группирующие факторы
1	Респонденты с негативным восприятием будущего (страхом и беспокойством)	79 (26,4%)	Фактор 1 «Страх и безысходность»
2	Респонденты с пессимистичным взглядом на будущее и не ожидающие помощи	44 (14,7%)	Фактор 2 «Тревожная позиция», Фактор 3 «Оптимистичная позиция» (с отрицательным значением), Фактор 6 «Ожидание помощи» (с отрицательным значением)
3	Респонденты, не задумывающиеся о будущем и не рассчитывающие на помощь	48 (16%)	Фактор 6 «Ожидание помощи» (с отрицательным значением), Фактор 7 «Уход»
4	Респонденты, рассчитывающие на помощь государства и семьи	80 (26,6%)	Фактор 6 «Ожидание помощи»
5	Респонденты с оптимистичным взглядом на будущее, предполагающие посвятить время семье и хобби	49 (16,3%)	Фактор 3 «Оптимистичная позиция», Фактор 4 «Проактивная позиция» (с отрицательным значением)

Примечание. Кластеры расположены по модальности эмоциональной составляющей жизненной перспективы после выхода на пенсию.

Различий между группами по полу, возрасту, семейному положению, наличию внуков, образованию, оценке субъективного материального благополучия не обнаружено (Н-критерий Краскела-Уоллиса при $p < 0,05$). Выявлены различия по месту проживания: в Группе 2 (пессимистично настроенной и не ожидающей помощи) преимущественно оказались люди, проживающие в небольших городах, население которых составляет менее 100 тысяч человек.

Таким образом, выделились эмпирические типы респондентов по особенностям жизненной перспективы после выхода на пенсию. Анализ полученных эмпирических типов показывает, что 41,1% выборки — респонденты, жизненная перспектива которых не содержит конструктивных планов и негативна в эмоциональном отношении. 26,6% — респонденты, строящие жизненную перспективу, основанную на ожидании помощи извне (семья, государство), 16% респондентов отказываются от мыслей о будущем, ориентируются на сегодняшний день и только 16,3% респондентов активно строят свою жизненную перспективу, они испытывают оптимистичные чувства в отношении будущего, поддерживают физическую форму и рассчитывают на пенсии заняться разного рода подработкой. Важно отметить, что групп, которые оптимистично воспринимали бы свои профессиональные перспективы на пенсии (Фактор 4), выявлено не было. Также не было обнаружено групп респондентов, осуществляющих целенаправленные превентивные действия по своей подготовке к выходу на пенсию (Фактор 5).

Для решения задачи 2 — описания выявленных эмпирических типов респондентов по параметрам «Жизнестойкость»

и «Толерантность к неопределенности» — был осуществлен сравнительный анализ выявленных групп респондентов (эмпирических типов) с использованием Н-критерия Краскела-Уоллиса ($p < 0,01$) по параметрам «Толерантность к неопределенности» и «Жизнестойкость», а также применена дескриптивная статистика (табл. 2).

Полученные результаты показали, что респонденты с *негативным восприятием будущего (Группа 1)* характеризуются пониженным уровнем жизнестойкости: расчет был произведен по средним значениям интегральной шкалы «Жизнестойкость» и стандартному отклонению: ср. зн. = 14,6; ст. откл. = 5,7 при границе 17 [15]. Соответственно, «базовые убеждения, образующие конструкт жизнестойкости» [15] — «Вовлеченность», «Контроль», «Принятие риска» — также имеют более низкие значения на статистически достоверном уровне (табл. 1) по сравнению с группами 3, 4 и 5. В данной группе обнаружены наиболее низкие значения по выборке по поведенческому компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 33,6; ст. откл. = 4,3).

В *Группе 2 (респонденты с пессимистичным взглядом на будущее и не ожидающие помощи)*, аналогично Группе 1, уровень жизнестойкости имеет более низкие значения по сравнению с нормативными — ср. зн. = 14,0; ст. откл. = 6,1 при границе 17 [15], образующие жизнестойкость компоненты статистически значимо отличаются от групп 3, 4 и 5 (табл. 1). Также в данной группе были выявлены наиболее высокие значения по когнитивному компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 36,0; ст. откл. = 4,5) и наиболее низкие по аффективному ее компоненту (ср. зн. = 25,8; ст. откл. = 6,1).

Таблица 2

**Результаты дескриптивной статистики и сравнение
между группами респондентов**

Параметры	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Хи-квадрат (<i>p</i>)
	<i>M</i> (σ)					
Толерантность к неопределенности. Когнитивный компонент	34,8 (3,4)	36,0 (4,5)	35,5 (4,4)	33,2 (3,9)	35,1 (4,3)	14,3 (0,006)
Толерантность к неопределенности. Аффективный компонент	28,2 (5,1)	25,8 (6,1)	28,0 (6,1)	29,4 (6,2)	28,9 (6,3)	14,1 (0,007)
Толерантность к неопределенности. Поведенческий компонент	33,6 (4,3)	34,5 (6,9)	36,0 (5,2)	34,9 (6)	38,0 (6,6)	17,8 (0,001)
Жизнестойкость. Вовлеченность	4,8 (2,4)	4,6 (2,4)	7,3 (2,9)	7,1 (2,8)	8,1 (3)	62,6 (0,000)
Жизнестойкость. Контроль	5,1 (2,1)	4,8 (2,4)	6,6 (2,6)	6,9 (2,5)	7,4 (2,9)	45,5 (0,000)
Жизнестойкость. Принятие риска	4,7 (1,8)	4,6 (2)	5,8 (2,2)	6,3 (2,1)	6,4 (2,5)	35 (0,000)
Жизнестойкость. Интегральная	14,6 (5,5)	14,0 (6,1)	19,6 (6,6)	20,3 (6,4)	21,9 (7,5)	57,3 (0,000)

Примечание. *M* — среднее; σ — среднее значение стандартного отклонения; *p* — уровень значимости.

Группа 3 (респонденты, не задумывающиеся о будущем и не рассчитывающие на помощь) характеризуется средним уровнем жизнестойкости — ср. зн. = 19,6; ст. откл. = 6,6 при границе 17 [15]. Значения «Базовых убеждений», образующих жизнестойкость, находятся в среднем по выборке диапазоне.

В *Группе 4 (респонденты, рассчитывающие на помощь государства и семьи)* показатели по жизнестойкости, аналогично Группе 3, находятся на среднем уровне — ср. зн. = 20,3; ст. откл. = 6,4. Значения «Базовых убеждений», образующих жизнестойкость, также входят в средний по выборке диапазон. Также в данной группе были выявлены наиболее низкие по выборке значения по когнитивному компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 33,2;

ст. откл. = 3,9) и наиболее высокие значения по аффективному компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 38; ст. откл. = 6,6).

Респонденты, вошедшие в *Группу 5 (с оптимистичным взглядом на будущее, но не предполагающие профессионально работать)*, демонстрируют наиболее высокие показатели как по уровню жизнестойкости (ср. зн. = 21,9; ст. откл. = 7,5), так и по ее компонентам. Наибольшее отличие показал компонент «Вовлеченность» (ср. зн. = 8,1; ст. откл. = 3), что согласуется с проактивной позицией в отношении жизненных перспектив у данной группы респондентов. В данной группе выявлены наиболее высокие по выборке значения по поведенческому компоненту толерантности к неопределенности (ср. зн. = 33,6; ст. откл. = 4,3).

Для решения задачи 3 с целью проверки предположения о том, что финансовая тревожность является предиктором характера жизненных перспектив в исследуемой выборке, был осуществлен линейный регрессионный анализ методом «Ввод». Построению модели предшествовала проверка данных на гомоскедастичность. Визуальный анализ диаграммы рассеяния показывает скорее однородную вариативность значений наблюдений. Показатели модели: $R = 0,32$; $R^2 = 0,1$; $F = 34,2$; $SE = 1,38$; $p \leq 0,001$. Были установлены значимые связи между шкалой «Финансовая тревожность» и эмпирическими типами респондентов по характеру их жизненных перспектив ($\beta = -0,321$; $t = -5,851$; $p = 0,000$).

В результате сравнительного анализа выявленных ранее групп респондентов (эмпирических типов) с использованием Н-критерия Краскела-Уоллиса ($p < 0,01$) были обнаружены значимые различия между группами респондентов по уровню финансовой тревожности. Анализ дескриптивной статистики показал, что в соответствии с нормативами авторов методики (0–6 – низкая, 7–13 – средняя, 14–24 – высокая) [7] у Группы 1 (респонденты с негативным восприятием будущего) уровень финансовой тревожности повышенный, у Группы 5 (респонденты с оптимистичным взглядом на будущее, но не предполагающие работать) – пониженный, у остальных групп – умеренный. Таким образом, можно констатировать, что повышенный уровень финансовой тревожности является предиктором негативного восприятия будущего на пенсии, сопровождающимся тревогой, беспокойством, прогнозом своей ненужности и убеждением в том, что пенсионеры в принципе у нас никому не нужны.

Обсуждение результатов

Выход на пенсию воспринимается как неизбежность, неопределенность будущего развития событий и предчувствие «выхода из зоны комфорта» (изменения привычного образа жизни в худшую сторону), которую люди по-разному воспринимают, в том числе в эмоциональном плане, и, соответственно, по-разному конструируют представления о ней. В выборку вошли люди, проживающие в небольших городах Центрального федерального округа России, то есть россияне, не имеющие на пенсии той социальной поддержки, которую получают жители столицы.

Важно отметить, что эмпирически выделенные группы респондентов по социально-демографическим характеристикам не различались. В результате статистической обработки данных были получены факторы, каждый из которых включал элементы, относящиеся ко всем трем компонентам жизненной перспективы. Когнитивный компонент содержит представления о ролях «Я» в грядущей ситуации, о своих возможных активностях, степени собственной значимости и финансовой независимости, социальном статусе, близком окружении и его важности для себя и т.п. Эмоционально-оценочный компонент включает аффективные аспекты представлений в структуре жизненной перспективы – переживания в отношении будущего на пенсии. Предуповеденческий компонент содержит намерения вести себя определенным образом – это планирование, разработка стратегий, готовность действовать или нежелание заглядывать в будущее, сопряженное с апатией.

Анализ представлений о предстоящей жизни на пенсии позволил выделить пять эмпирических типов, которые можно условно разделить на три группы:

позитивно настроенные (таковых обнаружилось только 16,3%), негативно настроенные (41,1% выборки), нейтрально настроенные (42,6% выборки).

Позитивно настроенные — это оптимистично ориентированные люди, образовавшие 5-ый тип респондентов (16,3% выборки). Когнитивный компонент их жизненной перспективы содержит убежденность в том, что всегда есть возможности применить свои силы и знания, они верят в себя. Жизненная перспектива воспринимается ими с оптимизмом — эмоциональный фон благоприятен. Компонент поведенческой готовности отличается конструктивностью. В преддверии будущих возрастных изменений они стараются поддерживать физическую форму и вести активный образ жизни.

Негативно настроенных предпенсionеров в нашей выборке (в сумме два типа) значительно больше. Респонденты 1-го типа (26,4% выборки) с пессимизмом оценивают свои возможности профессиональной деятельности в пенсионном возрасте, шансов найти менее квалифицированную работу они также не видят. Их образ «Я» редуцируется вместе с прогнозируемой безысходностью положения пенсионера (это изгой общества), испытывается ощущение ненужности, отчаяния. Они планируют сократить расходы и жить экономно — такова их поведенческая установка. К категории негативно настроенных относится также 2-ой тип респондентов (14,7% выборки). По содержанию когнитивного компонента жизненной перспективы они схожи с 1-ым типом. У них нет чувств отчаяния и безысходности, как у респондентов 1-го типа, но присутствует тревожное ожидание в сочетании с отсутствием надежды на помощь и поддержку извне. Поведенческая готовность заключается в неминуемом сокращении

расходов и экономии, возможной сдаче в аренду недвижимости.

Не демонстрирующие ярко выраженных аффективных переживаний респонденты самого многочисленного, 4-го типа (26,6% выборки), напротив, в перспективе пенсионной жизни надеются на поддержку извне, видят себя в роли зависимых от помощи государства и родственников людей, не способных к самообеспечению, по сути, готовящихся принять опеку семьи и государства. При этом они покорно и равнодушно принимают эту перспективу.

Необходимо заметить, что у части выборки (3-ий тип) отмечается защитная реакция «ухода» от оценки перспективы жизни на пенсии, что также не свидетельствует о психологическом благополучии. Избегая мыслей о будущем, этот тип предпенсionеров, вероятнее всего, воздерживается от негативных прогнозов или не желает их демонстрировать вовне. Так, содержание жизненной перспективы респондентов 3-ей группы (16% выборки) остается неясным. Они отказываются прогнозировать будущее на пенсии, живут сегодняшним днем, не желают зависеть от внешних обстоятельств и принимать какую-либо помощь. Возможно, этот тип респондентов просто откладывает решение неприятных проблем.

Необходимо отметить, что такого устойчивого типа респондентов, которые выстраивают рациональные стратегии: ведут проактивную политику подготовки к новому этапу жизни, создают финансовую «подушку безопасности» или предполагают продолжать профессионально работать на пенсии и уверены в своих жизненных перспективах в новом качестве пенсионера, обнаружено не было.

Рассмотренные в исследовании личностные характеристики — жизнестойкость и толерантность к неопреде-

ленности — показали устойчивую взаимосвязь с выявленными жизненными перспективами. Жизнестойкость «как валидный предиктор ... психического и соматического здоровья, субъективного благополучия и успешности в различных областях деятельности» [15, с. 42] обеспечивает установку на проактивность, возможность контроля событий и принятие негативных сценариев развития ситуации. Толерантность к неопределенности, трактуемая в данном исследовании в традиции концепции черт [24], способствует восприятию перспективы жизни на пенсии, характеризующейся неопределенностью, либо как благоприятной, либо как опасной.

Пониженный уровень жизнестойкости в совокупности с интолерантностью к неопределенности создают основу для восприятия перспективы жизни на пенсии как безнадежной, не зависящей от собственных усилий, неблагоприятной, что находит свое подтверждение в полученных результатах. Негативно настроенные респонденты демонстрируют недоверие к социуму (убежденность в том, что на пенсии они будут никому не нужны, в том числе как профессионалы) и, соответственно, такие эмоции, как тревога, беспокойство и страх. Поведенческая готовность воплощается в «пассивных» стратегиях — сдача недвижимости в аренду, сокращение расходов, экономия. Примечательно, что описанные тенденции, отражающие психологическое неблагополучие, судя по результатам исследования, имели существенно большую выраженность, чем противоположные (оптимистический настрой).

Поскольку было выявлено, что важную роль в структуре переживаний людей предпенсионного возраста играет финансовая составляющая — страх оказаться в ситуации нехватки денег [7], в

программу исследования был включен такой показатель, как финансовая тревожность. Опираясь на понимание финансовой тревожности как личностного свойства усугублять состояние тревоги в социальных взаимодействиях, связанных с финансовыми аспектами [7], различия между эмпирическими типами респондентов по восприятию жизненных перспектив, связанных с их будущим выходом на пенсию, можно описать следующим образом. Люди, тревожащиеся по поводу неопределенности своего будущего на пенсии и воспринимающие эту ситуацию в негативном ключе, демонстрируют повышенный уровень финансовой тревожности. Люди, не задумывающиеся о будущих проблемах либо ориентирующиеся на возможность помощи извне, показывают средний (адекватный) [7] уровень финансовой тревожности. Наиболее низкие значения по выборке, но находящиеся в диапазоне средних, были выявлены у респондентов, оптимистично настроенных в отношении будущего на пенсии. Таким образом, опираясь на полученный результат, свидетельствующий о том, что финансовая тревожность выступает предиктором по отношению к типам жизненных перспектив, можно утверждать, что финансовая тревожность как личностная характеристика имеет тенденцию усиливать или ослаблять переживания людей в отношении их будущего на пенсии.

Заключение

Перспектива выхода на пенсию, как показывают результаты исследования, для значительной части людей предпенсионного возраста полна переживаниями беспокойства, тревоги, неуверенности. В их основе лежат факторы как объективного, так и субъективного плана. В числе объективных — неустойчивое положение

предпенсионеров на рынке труда, маленькая пенсия в перспективе, проблемы трудоустройства пенсионеров, эйджизм в отношении общества к пожилым людям. Важное значение имеют и субъективные факторы — страх потерять работу [8], переживание личностного кризиса в связи с грядущим завершением профессиональной деятельности и скорым наступлением пожилого возраста, усугубляемые финансовой тревожностью, сниженной жизнестойкостью и нетолерантностью к ситуациям неопределенности. Как показывают

результаты исследования, большинство респондентов предпенсионного возраста пребывает в неблагоприятном или амбивалентном эмоциональном состоянии, не видит достойной жизненной перспективы в статусе пенсионера. Психологическая поддержка и личностное консультирование, помощь в обеспечении личной финансовой безопасности, повышение финансовой грамотности, юридическая помощь и другие подобные мероприятия стали бы важным подспорьем для данной категории населения.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
3. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2009. 303 с.
4. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2006. 512 с.
5. *Белинская Е.П.* Идентичность личности в условиях социальных изменений: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2006. 51 с.
6. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи [Электронный ресурс]. Киев: Наукова думка, 1988. 144 с. URL: <http://mirznanii.com/a/275962/zhiznennaya-perspektiva-i-professionalnoe-samoopredeleniemolodezhi> (дата обращения: 01.03.2023).
7. *Дробышева Т.В., Садов В.А.* Разработка тест-опросника «шкала финансовой тревожности личности» (на основе методики Р. Лихи) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2(22). С. 296–320. DOI:10.38098/irpan.ser_2021_22_2_12
8. *Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н.* Переживание потери работы специалистами предпенсионного возраста // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 35–48.
9. *Ипполитова Е.А.* Особенности представлений о жизненных перспективах личности в период кризиса середины жизни: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2005. 24 с.
10. *Кухта М.П.* Основные принципы и факторы построения жизненной перспективы на разных этапах жизненного пути // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 14–26. DOI:10.26653/2076-4685-2017-3-14-26
11. *Леофьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
12. *Миско Е.А., Тарабрина Н.В.* Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 44–52.
13. Жизнестойкость молодежи и людей предпенсионного возраста, проживающих в Республике Тува / Момбей-оол С.М. [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2021. Т. 35. С. 67–83. DOI:10.26516/2304-1226.2021.35.67
14. *Монгуш Ч.Н.* Оценка субъективного качества жизни лицами предпенсионного возраста (на примере Республики Тыва) // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. Вып. 4. 2020. № 1(59). С. 21–28. DOI:10.24411/2221-0458-2020-10028

15. *Осин Е.Н.* Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 42–60.
16. *Платонов К.К.* Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982. 309 с.
17. *Постникова М.И., Микляева А.В., Сиврикова Н.В., Регуп Л.А.* Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 87–103. DOI:10.17759/sps.2022130106
18. *Ральникова И.А.* Системная трансформация представлений о жизненной перспективе личности на переломных этапах жизненного пути // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 36–44.
19. *Ральникова И.А., Дягилева Я.О.* Потеря работы в период глобального экономического кризиса как событие, трансформирующее систему жизненных перспектив человека // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/2(75). С. 51–55.
20. *Скрыль В.Н.* К исследованию психологических проявлений предпенсионного кризиса развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2–2. С. 89–93.
21. *Тимофеева Т.С., Беликова А.В.* Особенности восприятия жизненной перспективы в трудной жизненной ситуации (на примере пандемии COVID-19) // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 2. С. 132–142. DOI:10.15688/lp.jvolsu.2021.2.15
22. *Уваров Е.А.* Выстраивание жизненной перспективы как альтернатива состоянию безнадёжности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 172. С. 23–34. DOI:10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34
23. *Фрокол А.С.* Уровень жизнестойкости людей предпенсионного возраста в Республике Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. 2020. № 1(59). С. 29–34.
24. *Юртаева М.Н., Глуханюк Н.С.* Психологические характеристики толерантности человека к неопределенности // Психологический журнал. 2012. Том 33. № 6. С. 50–59.
25. *Adams G.A., Rau B.L.* Putting off tomorrow to do what you want today: Planning for retirement // American Psychologist. 2011. P. 180–192. DOI:10.1037/a0022131
26. The perception of meaning of life in vital cycle: A time perspective [A percepção de sentido de vida no ciclo vital: Uma perspectiva temporal] / De Aquino T.A.A. [et al.] // Avances en Psicología Latinoamericana. 2017. Vol. 35. № 2. P. 375–386. DOI:10.12804/revistas.urosario.edu.co/apl/a.3728
27. *Elder G.H.Jr.* Perspectives on the Life Course // Life Course Dynamics / Ed. by G.H. Elder Jr. Ithaca: Cornell University Press, 1985. P. 23–49.
28. *Elder G.H.Jr., O’Rand A.* Adult Lives in a Changing Society // Sociological Perspectives on Social Psychology / Ed. by J.S. House, K. Cook, G. Fine. N.Y.: Allyn & Bacon, 1993. P. 52–475.
29. *Fraccaroli F., Deller J.* Work, Aging, and Retirement in Europe: Introduction to the Special Issue Work // Aging and Retirement. 2015. Vol. 1. № 3. P. 237–242. DOI:10.1093/workar/wav017
30. *Moen Ph.* A Life Course Perspective on Retirement, Gender, and Well-Being // Journal of Occupational Health Psychology. 1996. Vol. 1. № 2. P. 131–144.
31. Psychological foundations of financial planning for retirement / Hershey D.A. [et al.] // J. Adult Dev. 2007. № 14. P. 26–36. DOI:10.1007/s10804-007-9028-1
32. *Hershey D.A., Mowen J.C.* Psychological determinants of financial preparedness for retirement // The Gerontologist. 2000. № 40. P. 687–697. DOI:10.1093/geront/40.6.687
33. *Maddi S.R.* The personality construct of hardiness: I. Effects on experiencing, coping, and strain // Consulting Psychology Journal. 1999. Vol. 51. P. 83–94.
34. *Schlossberg N.K.* Retire Smart, Retire Happy: Finding Your True Path in Life. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2004. 183 p.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni [Life strategy]. Moscow: Mysl', 1991. 299 p.
2. Anan'ev B.G. O problemakh sovremennogo chelovekozvaniya [On the problems of modern human knowledge]. St. Petersburg: Piter, 2001. 272 p.
3. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2009. 303 p.
4. Antsyferova L.I. Razvitiye lichnosti i problemy gerontopsikhologii [Personal development and problems of gerontopsychology]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2006. 512 p.
5. Belinskaya E.P. Identichnost' lichnosti v usloviyakh sotsial'nykh izmenenii. Avtoref. diss. ... dokt. psikhol. nauk [Personal identity in the context of social change. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 51 p.
6. Golovakha E.I. Zhiznennaya perspektiva i professional'noe samoopredeleniye molodezhi [Elektronnyi resurs] [Life perspective and professional self-determination of young people]. Kiev: Naukova dumka, 1988. 144 p. URL: <http://mirznanii.com/a/275962/zhiznennaya-perspektiva-i-professionalnoe-samoopredeleniemolodezhi> (Accessed 01.03.2023).
7. Drobysheva T.V., Sadov V.A. Razrabotka test-oprosnika «shkala finansovoi trevozhnosti lichnosti» (na osnove metodiki P. Likhi) [Development of a test questionnaire “scale of financial anxiety of the individual” (based on the method of P. Leahy)]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2021. Vol. 6, no. 2(22), pp. 296–320. DOI:10.38098/ipran.sep_2021_22_2_12 (In Russ.).
8. Emel'yanova T.P., Vikent'eva E.N. Perezhivaniye poteri raboty spetsialistami predpensionnogo vozrasta [Experience of job loss by pre-retirement age specialists]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» = RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, 2022, no. 1, pp. 35–48. DOI:10.28995/2073-6398-2022-1-35-48 (In Russ.).
9. Ippolitova E.A. Osobennosti predstavlenii o zhiznennykh perspektivakh lichnosti v period krizisa serediny zhizni. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Features of ideas about the life prospects of a person during a mid-life crisis. PhD (Psychology) Thesis]. Barnaul, 2005. 24 p.
10. Kukhta M.P. Osnovnye printsipy i faktory postroeniya zhiznennoi perspektivy na raznykh etapakh zhiznennogo puti [Basic principles and factors of building a life perspective at different stages of the life path]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki = Scientific review. Series 2. Humanities*, 2017, no. 3, pp. 14–26. DOI:10.26653/2076-4685-2017-3-14-26 (In Russ.).
11. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznesteikosti [Viability test]. Moscow: Smysl, 2006. 63 p.
12. Misko E.A., Tarabrina N.V. Osobennosti zhiznennoi perspektivy u veteranov voyny v Afganistane i likvidatorov avarii na ChAES [Features of the Life Perspective of Veterans of the War in Afghanistan and Liquidators of the Chaes Accident]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2004. Vol. 25, no. 3, pp. 44–52. (In Russ.).
13. Mombei-ool S.M. et al. Zhiznesteikost' molodezhi i lyudei predpensionnogo vozrasta, prozhivayushchikh v Respublike Tuva [Hardiness of Young People and Pre-Retirement Age People Living in the Republic of Tuva]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology]*, 2021. Vol. 35, pp. 67–83. DOI:10.26516/2304-1226.2021.35.67
14. Mongush Ch.N. Otsenka sub"ektivnogo kachestva zhizni litsami predpensionnogo vozrasta (na primere Respubliki Tyva) [Assesment of Subjective Quality of Life by People at pre retirement Age (Based on a Sample of the Republic of Tuva)]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Tuva State University. Pedagogical Sciences*, 2020. Vol. 4, no. 1(59), pp. 21–28. DOI:10.24411/2221-0458-2020-10028 (In Russ.).
15. Osin E.N. Faktornaya struktura kratkoi versii Testa zhiznesteikosti [Factor structure of the short version of the Vitality Test]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational psychology*, 2013. Vol. 3, no. 3, p. 42–60. (In Russ.).

16. Platonov K.K. Sistema psikhologii i teoriya otrazheniya [Psychology system and reflection theory]. Moscow: Nauka, 1982. 309 p.
17. Postnikova M.I., Miklyaeva A.V., Sivrikova N.V., Regush L.A. Izmeneniya zhiznestoikosti predstavitelei raznykh pokolenii rossiyan v nachale XXI veka [Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 87–103. DOI:10.17759/sps.2022130106
18. Ral'nikova I.A. Sistemnaya transformatsiya predstavlenii o zhiznennoi perspektive lichnosti na perelomnykh etapakh zhiznennogo puti [System transformation of ideas about the life prospect of the individual at the turning points of the life path]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2007, no. 26, pp. 36–44. (In Russ.).
19. Ral'nikova I.A., Dyagileva Ya.O. Poterya raboty v period global'nogo ekonomicheskogo krizisa kak sobytie, transformiruyushchee sistemu zhiznennykh perspektiv cheloveka [Job loss during the global economic crisis as an event that transforms the system of human life prospects]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = News of the Altai State University*, 2012, no. 2/2(75), pp. 51–55. (In Russ.).
20. Skryl' V.N. K issledovaniyu psikhologicheskikh proyavlenii predpensionnogo krizisa razvitiya [On the study of the psychological manifestations of the pre-retirement crisis of development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations*, 2007, no. 2–2, pp. 89–93. (In Russ.).
21. Timofeeva T.S., Belikova A.V. Osobennosti vospriyatiya zhiznennoi perspektivy v trudnoi zhiznennoi situatsii (na primere pandemii COVID-19) [Peculiarities of Life Perspective Perception in a Difficult Life Situation (on the Example of the COVID-19 Pandemic)]. *Logos et Praxis*, 2021. Vol. 20, no. 2, pp. 132–142. DOI:10.15688/lp.jvolsu.2021.2.15 (In Russ.).
22. Uvarov E.A. Vystraivanie zhiznennoi perspektivy kak al'ternativa sostoyaniyu beznadezhnosti [Building a life perspective as an alternative to the state of hopelessness]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series Humanities*, 2018. Vol. 23, no. 172, pp. 23–34. DOI:10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34 (In Russ.).
23. Frokol A.S. Uroven' zhiznestoikosti lyudei predpensionnogo vozrasta v Respublike Tyva [Resilience of People at the Pre-retirement Age in the Republic of Tuva]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 4. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Tuva State University. Issue. 4. Pedagogical sciences*, 2020, no. 1(59), pp. 29–34. (In Russ.).
24. Yurtaeva M.N., Glukhanyuk N.S. Psikhologicheskie kharakteristiki tolerantnosti cheloveka k neopredelennosti [Psychological Characteristics of Human Tolerance to Uncertainty]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2012. Vol. 33, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.).
25. Adams G.A., Rau B.L. Putting off tomorrow to do what you want today: Planning for retirement. *American Psychologist*, 2011, pp. 180–192. DOI:10.1037/a0022131
26. The perception of meaning of life in vital cycle: A time perspective [A percepção de sentido de vida no ciclo vital: Uma perspectiva temporal] / De Aquino T.A.A. [et al.]. *Avances en Psicología Latinoamericana*, 2017. Vol. 35, no. 2, pp. 375–386. DOI:10.12804/revistas.urosario.edu.co/apl/a.3728
27. Elder G.H.Jr. Perspectives on the Life Course. *Life Course Dynamics* / Ed. by G.H. Elder Jr. Ithaca: Cornell University Press, 1985, pp. 23–49.
28. Elder G.H.Jr., O'Rand A. Adult Lives in a Changing Society. *Sociological Perspectives on Social Psychology* / Ed. by J.S. House, K. Cook, G. Fine. N.Y.: Allyn & Bacon, 1993, pp. 452–475.
29. Fraccaroli F., Deller J. Work, Aging, and Retirement in Europe: Introduction to the Special Issue Work. *Aging and Retirement*, 2015. Vol. 1, no. 3, pp. 237–242. DOI:10.1093/workar/wav017

30. Moen Ph. A Life Course Perspective on Retirement, Gender, and Well-Being. *Journal of Occupational Health Psychology*, 1996. Vol. 1, no. 2, pp. 131–144.
31. Psychological foundations of financial planning for retirement / Hershey D.A. [et al.]. *J. Adult Dev.*, 2007, no. 14, pp. 26–36. DOI:10.1007/s10804-007-9028-1
32. Hershey D.A., Mowen J.C. Psychological determinants of financial preparedness for retirement. *The Gerontologist*, 2000, no. 40, pp. 687–697. DOI:10.1093/geront/40.6.687
33. Maddi S.R. The personality construct of hardiness: I. Effects on experiencing, coping, and strain. *Consulting Psychology Journal*, 1999. Vol. 51, pp. 83–94.
34. Schlossberg N.K. *Retire Smart, Retire Happy: Finding Your True Path in Life*. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2004. 183 p.

Информация об авторах

Емельянова Татьяна Петровна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Викентьева Ева Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (ФГОБУ ВО «Финансовый университет»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Doctor of Psychology, Professor, Principal Researcher in the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Eva N. Vikentieva, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Psychology and Development of Human Capital Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5531-1912>, e-mail: vikentieva@mail.ru

Получена 22.03.2023

Принята в печать 17.05.2023

Received 22.03.2023

Accepted 17.05.2023

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» — оценка эффективности по показателям биопсихологического возраста

Березина Т.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Цель. Сравнительный анализ эффективности социально-психологических программ «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» в аспекте их влияния на биопсихологический возраст.

Контекст и актуальность. На фоне растущего старения населения развитых стран, а также идущей пенсионной реформы увеличивается запрос на разработку социальных программ повышения долголетия и оздоровления старших возрастных групп.

Дизайн исследования. В течение полугода проводился естественный эксперимент, в котором оценивались показатели биопсихологического возраста у пенсионеров, участвовавших в социальных программах «Активное долголетие» и «Антистарение XXI», и контрольной группы. Использовались статистика Краскела-Уоллиса, дисперсионный анализ Анова, критерий Стьюдента для связанных выборок.

Участники. Пенсионеры, прикрепленные к участку поликлиники г. Москвы: 345 человек (272 женщины (55–70 лет, $M = 62,8$; $SD = 4,45$), 73 мужчины (60–70 лет, $M = 65,9$; $SD = 2,99$).

Методы (инструменты). Тесты для измерения биологического возраста по Войтенко, психологического возраста по Абульхановой-Березиной, ожидаемого пенсионного возраста.

Результаты. В отсутствии поддерживающих тренировок произошло естественное повышение биологического возраста пенсионеров контрольной группы (за полгода у женщин — на 2,6 года, у мужчин — на 0,2 года). Участие в программе «Активное долголетие» привело к отсутствию значимого старения, а подбор личностных ресурсов посредством программы «Антистарение XXI» привел к достоверному снижению биологического возраста на 0,7 года, а индекса биологического старения на 1,1 года.

Выводы. 1) Эффективность использования социальных программ оздоровления выше для женщин, чем для мужчин. 2) Наибольший эффект достигается при сочетании программ. «Антистарение XXI» используется для подбора ресурсов, а занятия происходят в центрах московского долголетия.

Ключевые слова: пенсионная реформа; социальные программы; активное долголетие; антистарение; личность; биопсихологический возраст.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00058 II, <https://rscf.ru/project/19-18-00058/>

CC BY-NC

Благодарности. Автор благодарит Е.А. Чумакову, врача-гериатора Городской поликлиники № 9 Департамента здравоохранения города Москвы.

Для цитаты: *Березина Т.Н.* Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» — оценка эффективности по показателям биопсихологического возраста // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 134–151. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140209>

Socio-Psychological Programs: “Active Longevity” and “Anti-Aging XXI” — Evaluation of Effectiveness in Terms of Biopsychological Age

Tatiana N. Berezina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Objective. *Comparative analysis of the effectiveness of socio-psychological programs “Active Longevity” and “Anti-Aging XXI” in terms of their impact on biopsychological age.*

Background. *Against the background of the growing aging of the population of developed countries, as well as the ongoing pension reform, there is an increasing demand for the development of social programs to increase longevity and improve the health of older age groups.*

Study design. *For six months, a natural experiment was carried out, in which biopsychological age indicators were assessed in pensioners who participated in the “Active Longevity” and “Anti-Aging XXI” social programs and in the control group. Kruskal-Wallis statistics, Anova analysis of variance, Student’s test for connected samples were used.*

Participants. *Pensioners attached to the site of the Moscow polyclinic: 345 people (272 women (55–70 years old, $M = 62,8$; $SD = 4,45$), 73 men (60–70 years old, $M = 65,9$; $SD = 2,99$).*

Measurements. *Tests for measuring biological age according to Voitenko, psychological age according to Abulkhanova-Berezina, expected retirement age.*

Results. *In the absence of supportive training, there was a natural increase in the biological age of pensioners in the control group (by 2,6 years for women in six months, and 0,2 years for men). Participation in the “Active Longevity” program led to the absence of significant aging, and the selection of personal resources through the “Anti-Aging XXI” program led to a significant decrease in biological age by 0,7 years, and the biological aging index by 1,1 years.*

Conclusions. *1) The effectiveness of using social health programs is higher for women than for men. 2) The greatest effect is achieved with a combination of programs. “Antiaging XXI” is used to select resources, and classes take place in the centers of Moscow Longevity.*

Keywords: *pension reform; social programs; active longevity; antiaging; personality; biopsychological age.*

Funding. *The study was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00058-P, <https://rscf.ru/project/19-18-00058/>*

Acknowledgements. *The authors are grateful for the help in collecting data for the study, geriatrician E.A. Chumakova.*

For citation: *Berezina T.N.* Socio-Psychological Programs: “Active Longevity” and “Anti-Aging XXI” — Evaluation of Effectiveness in Terms of Biopsychological Age // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 134–151. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140209> (In Russ.).

Введение

Концепция активного долголетия «Active Ageing» (AA) в последние десятилетия использовалась в качестве направления демографических, медицинских, социальных исследований, а также в качестве инструмента государственной политики, направленной на укрепление здоровья, безопасности, участия в жизни общества и обучения лиц пенсионного возраста на протяжении всей жизни [19]. Особую актуальность исследования в этой области приобрели после того, как основные принципы активного долголетия были включены в итоговый документ второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения — Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года [20].

Всемирная организация здравоохранения полагает, что в каждой стране стратегии обеспечения активного долголетия должны строиться с учетом конкретных проблем, с которыми сталкиваются пожилые граждане; в некоторых странах — это дискриминация по возрасту, в других — наличие заболеваний, в третьих — отсутствие целостной пенсионной политики [18], особенно актуально это в случаях преждевременного старения [16].

В России проводится большое количество исследований проблем, связанных со старением населения, разрабатываются программы медицинской, социальной и психологической помощи пожилым людям. Во многих регионах уже более десятилетия осуществляются меры по поддержке населения в рамках программ «Активное долголетие», «Благополучное старение» и др. [13]. В Сибирском федеральном округе была проведена оценка эффективности реализации программ активного долголетия в регионе и выявлены домены с наименее задействованным потенциалом и с мак-

симально реализованным потенциалом помощи пожилым [12]. В Башкортостане изучено социально-экономическое положение пожилых людей и предложена программа помощи, в том числе психологической [9].

В Москве на основе анализа различных форм и способов поддержки населения мультидисциплинарной и межведомственной рабочей группой Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» разработана целостная концепция «Активное долголетие в Российской Федерации» [7].

В рамках психологии активного долголетия существуют две важные проблемы. Во-первых, это проблема оценки эффективности различных помогающих методологий, во-вторых, это разработка психологического сопровождения программ активного долголетия и психологических стратегий благополучного старения [11].

В Великобритании разработан комплексный Индекс активного долголетия, который позволяет изучить состояние различных видов помощи пожилым людям [22]. Индекс включает в себя 22 маркера, сгруппированных в четыре группы. Первая группа «Занятость» изучает уровень трудовой занятости пожилых людей разных возрастных периодов (70–74 года, 65–69 лет, 60–64 года и 55–59 лет). В России была показана важность сохранения частичной или полной трудовой занятости населения для снижения биопсихологического возраста [24]. Вторая группа индикаторов оценивает наличие дополнительной активности пенсионеров, наличие у них различных хобби и интересов: вовлеченность их в деятельность добровольческих организаций, различные формы участия в политической деятельности, а также заботу о других людях, общение с близкими, забо-

ту о детях и внуках. Эта группа индикаторов нам представляется очень важной, поскольку поддается личностной регуляции и может быть рекомендована психологом для использования пенсионером в повседневной жизни [4]. Третья группа «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» оценивает доступность медицинских и стоматологических услуг, возможность независимого проживания пожилых людей старше 75 лет, наличие достаточного дохода, отсутствие риска бедности и серьезной материальной депривации, обеспечение физической безопасности и возможности обучения в течение всей жизни, физическую активность. Российскими исследователями также неоднократно подчеркивалась роль безопасности личности как фактора психологического и соматического здоровья [8]. В четвертую группу «Возможности для активного и здорового долголетия» вошли маркеры для оценки относительной ожидаемой продолжительности жизни, наивысший полученный уровень образования, психологическое благополучие, освоение современных информационно-коммуникационных технологий, а также доля социальных взаимодействий, осуществляемых посредством современных мессенджеров. Это тоже очень важные показатели, развитию которых большое внимание уделяется в программе «Активное долголетие» [7].

Для оценки возможной продолжительности жизни и состояния здоровья во многих странах применяется метод измерения биологического возраста. В Корее было доказано, что именно биологический возраст является более точным предиктором состояния здоровья. Авторы разработали модель прогнозирования биологического возраста на основе выделенных ими факторов риска и показали ее эффективность в качестве индикатора

для оценки риска возникновения хронического заболевания [15]. Если снизить биологический возраст посредством применения специальных программ, таких как «Активное долголетие», то это может уменьшить риск возникновения хронических возрастных заболеваний, таких как сахарный диабет или артериальная гипертония. В Иране исследователи также пришли к выводу, что регистрация маркеров старения может способствовать эффективному контролю за здоровьем, более точным оценкам ожидаемой продолжительности жизни, а также улучшению здоровья и качества жизни. Авторы выделили три способа измерения биологического возраста на основе применяемых биомаркеров: 1) стандартные клиничко-лабораторные маркеры; 2) молекулярные маркеры; 3) эпигенетические маркеры, при этом наиболее точными оказались калькуляторы, учитывавшие различные биомаркеры [17].

В психологических исследованиях чаще всего используются поведенческие маркеры, клиничко-лабораторные и субъективно-оценочные маркеры [14]. В России наиболее популярна оценка биологического возраста по методу Войтенко. Метод Войтенко используется в том числе и для кросс-культурных и международных исследований [3]. Ранее было проведено исследование пенсионного стресса у лиц, проживающих в России и Великобритании [3]. Использование метода вычисления индексов биологического и психологического старения позволило разработать некоторые психолого-поведенческие стратегии организации жизненного пути, которые способствуют снижению биологического возраста у представителей интеллектуального типа профессий. Были выделены четыре личностные стратегии, способствующие сохранению относи-

тельной биологической молодости. Первая стратегия характерна для мужчин, проживающих в Великобритании, они сочетают демократический стиль взаимодействия с другими людьми и оптимизм, при этом снижают уровень агрессивности в поведении. Вторая стратегия была обнаружена у женщин в Великобритании, они много времени уделяют себе, имеют большое количество хобби, у них разносторонние интересы, и все это совмещается с заботой о детях. Третья стратегия используется российскими мужчинами, она включает в себя уменьшение амбиций, активности, целеустремленности, а также снижение агрессивности и уделение большого количества времени своим интересам и хобби, наличие семьи, семейных ценностей. Четвертая стратегия характерна для российских женщин и предполагает затраты сил для создания материальной базы, переезды, предпочтение стиля сотрудничества во взаимоотношениях с другими людьми.

В Санкт-Петербурге был проведен анализ существующих психолого-поведенческих методов улучшения качества жизни в пожилом возрасте, были выделены 22 эффективных стратегии: контроль над различными типами жиров (на основе консультаций с врачами); занятие спортом или фитнесом; непрерывное обучение; участие в общественных мероприятиях; способность не нервничать из-за незначительных негативных событий; способность не думать о проблемах перед сном; преднамеренный контроль над графиком сна; намеренный отказ от использования гаджетов перед сном; соблюдение здорового питания; наблюдение за своим водным балансом; намерение решать сложные проблемы (активность мозга); чтение; изучение иностранных языков; приобретение новых впечатлений; вожде-

ние; размышления о том, как работают собственная память, внимание и когнитивные способности; размышления о том, как работают различные процессы (умственные, эмоциональные, физиологические); стремление регулировать собственные эмоции; самоанализ; генеративность; желание помогать другим [21].

Использование метода автоматических нейронных сетей позволило нам ранее выделить 13 стратегий антистарения, подходящих для лиц пенсионного возраста (частично стратегии совпадают с выделенными петербургскими коллегами). Выделены следующие стратегии: занятие спортом, контролирование жизни, порядок и тайм-менеджмент, творческие хобби, интеллектуальные хобби, доброта и забота, юмор, духовность и самосовершенствование, адекватный риск, общение, природа, наличие достижений и успехов в какой-либо деятельности, оптимизм [4]. Оценивалась взаимосвязь частоты использования этих стратегий с индексом биопсихологического старения для целей антистарения [4].

Как видно из теоретического обзора, проблематика замедления биологического старения и улучшения качества жизни в пожилом возрасте является очень актуальной; во многих странах разрабатываются стратегии снижения биологического возраста, улучшения здоровья или увеличения ожидаемой продолжительности жизни. Большое количество исследований и практических возложений проводится в рамках международной программы «Активное долголетие», реализуемой и во многих регионах нашей страны. Для психологов являются важными разработка мер психологического сопровождения мероприятий данной программы и оценка эффективности ее применения для разных возрастных групп.

Метод

Цель исследования: провести сравнительный анализ эффективности социально-психологических программ «Активное долголетие» (в его столичном воплощении — «Московское долголетие») и «Антистарение XXI» в аспекте их влияния на биопсихологический возраст.

Гипотеза: участие в социально-психологических программах «Активное долголетие» («Московское долголетие») и «Антистарение XXI» способствует снижению индекса биологического старения.

Методики исследования

1. Методика «Определение биологического возраста (БВ) по В.П. Войтенко» (БВ).

Для расчета биологического возраста использовались формулы, разработанные В.П. Войтенко.

Мужчины:

$BV = 27,0 + 0,22 * АДС$ (артериальное давление систолическое (верхнее)) — $0,15 * ЗДВ$ (задержка дыхания после вдоха в секундах) + $0,72 * СОЗ$ (самооценки здоровья) — $0,15 * СБ$ (статическая балансировка в секундах)

Женщины:

$BV = -1,46 + 0,42 * АДП$ (артериальное давление пульсовое) + $0,25 * МТ$ (масса тела) + $0,70 * СОЗ$ (самооценки здоровья) — $0,14 * СБ$ (статическая балансировка в секундах) [5].

2. Формула определения должного биологического возраста для разных возрастных групп (ДБВ).

Вычисление ДБВ для мужчин и женщин осуществляется по формулам:

мужчины: $ДБВ = 0,629 * КВ + 18,6$;

женщины: $ДБВ = 0,581 * КВ + 17,3$,

где КВ — календарный возраст.

ДБВ является статистической нормой биологического возраста, этот показатель также необходим для вычисления

индекса относительного биологического старения. ДБВ можно рассчитать по предложенным выше формулам.

Например, для 60-летних: ДБВ мужчины будет равным 56,34, ДБВ женщины — 52,16. Эти показатели означают, что в норме 60-летние женщины должны иметь биологический возраст 52,16 лет, а мужчины — 56,34 лет. Аналогично можно рассчитать нормы для других возрастных групп.

3. Индекс относительного биологического старения: $БВ - ДБВ$ (биологический возраст — должный биологический возраст). Отрицательные значения говорят об индивидуальной молодости человека, а положительные — об индивидуальном старении относительно статистических норм. Нормальный индекс старения = 0. Это означает, что человек стареет в полном соответствии со своим возрастом.

4. Психологический возраст. Испытуемому предлагалось оценить свой возраст по 100-балльной шкале, где 0 баллов — возраст новорожденного младенца, а 100 баллов — человека, который уже всего добился и большего добиться не сможет. Измерялся показатель ПВ — психологический возраст, который рассматривался как уровень самореализации человека, его достижений, его потенциала. Этот показатель измерялся не у всех испытуемых.

5. Индекс относительного психологического старения: $ПВ - КВ$ (психологический возраст — календарный возраст). Отрицательные значения говорят о восприятии себя человеком моложе своего возраста, у которого все еще впереди. Положительные значения говорят о восприятии себя человеком более зрелым, мудрым, достигшим больших результатов, чем предполагалось бы календарным возрастом. Этот показатель измерялся не у всех испытуемых.

6. Шкала ожидаемого пенсионного возраста [2]. Этот показатель измерялся не у всех испытуемых.

7. Программа «Антистарение XXI». Это программа для IBM PC-совместимых с ПК. Программа предназначена для подбора личностных ресурсов, способствующих замедлению индекса биологического старения человека. Она позволяет на основе данных о человеке осуществить подбор ресурсов и сформировать рекомендации по их применению в его повседневной жизни. Программа апробирована в серии предыдущих исследований [6]. Программа зарегистрирована в Роспатенте [10].

Методы экспериментального воздействия

Наше исследование представляло собой естественный эксперимент.

В группе 1 — воздействием оказывалось участие в программе «Активное долголетие» («Московское долголетие»). Испытуемые сами выбирали, какие кружки и тренинги этой программы им посещать, и потом самостоятельно их посещали.

В группе 2 испытуемые получали рекомендации, сформированные на основе их индивидуально-психологических особенностей (пола, возраста, профессионального типа, семейного статуса, функциональной асимметрии, телосложения, стиля взаимодействия) с помощью программы «Антистарение XXI». Им рекомендовались ресурсы, подходящие по индивидуальным особенностям. Выбор осуществлялся из следующих ресурсов: спорт, творчество, интеллект, предметные хобби (и рукоделие), альтруистический ресурс, духовный ресурс (и самосовершенствование), общение, достижения, оптимизм. Выбирался ведущий и дополнительный ресурсы. Также они получали рекомендации по развитию этих ресурсов (какие тренинги, группы рекомендуется посещать,

какие хобби иметь, какие виды досуговой активности выбирать). Далее испытуемые составляли программу развития этих ресурсов на полугодие. Они сами выбирали, как именно будут развивать ресурсы. Некоторые участники эксперимента решили посещать группы Активного долголетия, подходящие им по рекомендациям, другие выбрали иные тренинги или решали заниматься самостоятельно.

Воздействие осуществлялось от полугодя и более (но менее 1 года). Большая часть пенсионеров участвовала в эксперименте 6—7 месяцев. Увеличение времени воздействия было вызвано формальными причинами, оно было связано с тем, что пенсионер или не посетил поликлинику в срок, или задерживался с заполнением опросников.

В конце занятий испытуемым обеих групп предлагалось заполнить анкету эффективности занятий:

0 баллов — не занимался или единичные занятия;

1 балл — от 1-го месяца суммарно;

2 балла — от 2-х месяцев суммарно;

3 балла — от 3-х месяцев суммарно;

4 балла — 4 месяца и более.

Методы математической статистики

Непараметрический критерий Краскала-Уоллиса для оценки наличия различий между 3-мя и более группами.

Однофакторный дисперсионный анализ Ано́ва для оценки влияния продолжительности занятий на изменения показателей биопсихологического возраста.

Критерий Стьюдента для связанных выборок для оценки достоверности изменений в контрольной группе.

Этапы исследования

1 этап. Формирование выборки, выделение групп, замер показателей би-

опсихологического возраста у всех испытуемых. У ЭГ1 показатели психологического возраста не измерялись.

2 этап. Оказание воздействия. Испытуемые осуществляли самостоятельно. Специального контроля или принуждения не осуществлялось.

3 этап. Начался через полгода после завершения 1 этапа. Измерение показателей биопсихологического возраста у всех испытуемых. Оценка эффективности занятий с помощью анкеты.

Эмпирическая база: поликлиника г. Москвы.

Выборка. Пенсионеры, прикрепленные к одному из участков обследуемой поликлиники: 345 человек. Из них 272 женщины в возрасте от 55 до 70 лет, 73 мужчины в возрасте от 60 до 70 лет.

Критерии отбора испытуемых: 1. Возрастной (мужчины — 60–70 лет, женщины — 55–70 лет). 2. Добровольности. 3. Анонимности. Все личные данные участников исследования были удалены после сбора данных.

Участники были разделены на 3 группы. Члены групп были уравнены между собой по показателю календарного возраста. На этапе завершения эксперимента (минимум через полгода) после измерения показателя интенсивности занятий результаты участников экспериментальных групп, не занимавшихся по программе (ответ «не занимался или единичные занятия»), из последующей обработки были исключены. В итоге получились следующие группы:

экспериментальная группа 1 — участники программы «Активное долголетие» — 186 человек (из них 153 женщины);

экспериментальная группа 2 — участники программы «Антистарение XXI» — 41 человек (из них 30 женщин);

контрольная группа — 99 человек (из них 73 женщины).

Критерии распределения участников по группам: 1. Естественный. В экспериментальную группу 1 вошли пенсионеры, прикрепленные к участку, соответствующие критериям отбора и посещающие (решившие посетить) программу «Московское долголетие». Это был их собственный выбор. Никакого влияния психолог на него не оказывал. 2. Эквивалентности участников по календарному возрасту. Из числа пенсионеров, не посещающих программу «Московское долголетие», были сформированы экспериментальная группа 2 и контрольная группа. Главным критерием отбора участников был календарный возраст, он должен быть эквивалентен возрасту участников первой экспериментальной группы. 3. Добровольности участия. В экспериментальную группу 2 вошли участники, пожелавшие получить рекомендации от программы «Антистарение XXI» и в последующем их выполнять.

Результаты

Средние значения показателей биопсихологического возраста всех респондентов до начала эксперимента представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, испытуемые, составившие выборочную совокупность по своим средним показателям, соответствуют генеральной совокупности. Показатели календарного возраста у них средние для изученной группы постпенсионного возраста. Биологический возраст и у мужчин, и у женщин ниже календарного, что соответствует возрастной норме. Индекс биологического старения положительный: у мужчин равен +4,9, а у женщин +1,7 (что отражает наличие постпенсионного стресса, характерного для данного этапа жизненного пути). Психологический возраст немного ниже календарного, а индекс психологического старения от-

Таблица 1

Средние показатели биопсихологического возраста всех респондентов
(до начала эксперимента)

Пол	Обозначение статистик	КВ	БВ	БВ – ДБВ	ПВ	ПВ – КВ	ОПВ
ж	Среднее арифметическое показателя	62,798	55,289	1,700	56,676	-3,103	55,208
	Стандартное отклонение	4,452	8,179	7,549	13,450	10,719	2,435
м	Среднее арифметическое показателя	65,918	64,302	4,943	64,000	-0,611	58,909
	Стандартное отклонение	2,990	8,718	5,913	12,678	12,537	1,891

Примечания. КВ – календарный возраст, БВ – биологический возраст, БВ – ДБВ – индекс биологического старения, ПВ – психологический возраст, ПВ – КВ – индекс психологического старения, ОПВ – ожидаемый пенсионный возраст, ж – женщины, м – мужчины.

рицательный, что говорит о том, что они считают себя моложе реального возраста, что тоже является характерным для старшей возрастной группы. Ожидаемый пенсионный возраст у женщин соответствует фактическому, у мужчин – чуть ниже

фактического (определяемого на момент их выхода на пенсию).

Далее мы разделили испытуемых на группы (группы были уравнианы по календарному возрасту) и сравнили исходные показатели биопсихологического возраста.

Таблица 2

Сравнительный анализ биопсихологического возраста исследуемых групп

Пол	Показатель	Среднее КГ	Среднее ЭГ1	Среднее ЭГ2	<i>H</i>	<i>p</i>
ж	КВ	62,699	62,522	61,300	2,179	0,336
	БВ	51,382	58,540	48,683	7,327	0,026*
	БВ – ДБВ	-1,502	4,770	-4,231	3,352	0,187
	ПВ	53,921		60,167	2,926	0,087
	ПВ – КВ	-4,658		-1,133	3,905	0,048*
	ОПВ	54,786		55,307	0,156	0,693
м	КВ	66,038	65,682	66,000	1,963	0,374
	БВ	63,811	65,117	59,125	12,664	0,002*
	БВ – ДБВ	5,649	5,203	-0,989	2,230	0,328
	ПВ	52,857		71,091	8,399	0,004*
	ПВ – КВ	-9,571		5,091	4,923*	0,026
	ОПВ	60,000		58,909	2,336	0,126

Примечания: КВ – календарный возраст, БВ – биологический возраст, БВ – ДБВ – индекс биологического старения, ПВ – психологический возраст, ПВ – КВ – индекс психологического старения, ОПВ – ожидаемый пенсионный возраст, КГ – контрольная группа, ЭГ1 – экспериментальная группа 1 («Московское долголетие»), ЭГ2 – экспериментальная группа 2 («Антистарение XXI»), *H* – критерий Краскела-Уоллиса, * – $p < 0,05$.

Как видно из табл. 2, несмотря на исходное уравнивание календарных возрастов, у испытуемых, вошедших в разные группы, наблюдается ряд различий. И женщины, и мужчины различаются по биологическому возрасту; те, кто посещает программу «Активное долголетие», оказались достоверно биологически самыми старшими, самыми молодыми оказались те, кто согласился на участие в программе «Антистарение XXI». Однако самыми молодыми психологически оказались мужчины и женщины контрольной группы (у мужчин самый маленький психологический возраст, а у женщин — индекс психологического старения). У участников программы «Московское долголетие» психологический возраст на исходном этапе не вычислялся у большинства испытуемых.

Влияние длительности участия в изучаемых программах на показатели биопсихологического возраста представлено в табл. 3 и 4.

Как видно из табл. 3, длительность участия в программе «Московское долголетие» смогла задержать биологическое старение у пенсионеров.

У тех пенсионеров, кто за полгода календарного времени посещал занятия по программе «Активное долголетие»

не менее 4 месяцев, биологический возраст не повысился (хоть календарный возрос изменился минимум на полгода), темпы старения тоже не усилились. В целом участие в программе «Московское долголетие» можно считать благоприятным.

Как видно из табл. 4, участие в программе «Антистарение XXI» для женщин показало высокую эффективность, у них достоверно снизился биологический возраст, а индекс биологического старения уменьшился (на уровне хорошей тенденции). Психологический возраст увеличился и в целом приблизился к календарному (62,8). У мужчин изменения показателей биологического возраста, как и психологического, отсутствуют. В целом участие в программе для мужчин тоже благоприятно, хотя менее, чем у женщин.

Наиболее положительным является участие не менее 4 месяцев за полугодовой период в программе «Антистарение XXI».

Динамику показателей биопсихологического возраста в контрольной группе мы оценивали по критерию Стьюдента для связанных выборок (табл. 5).

Как видно из табл. 5, у пенсионеров, не принимавших участие ни в одной

Таблица 3

Влияние длительности участия в программе «Московское долголетие» на показатели биопсихологического возраста (экспериментальная группа 1)

Пол	Показатель	Среднее арифметическое показателя до воздействия	Среднее арифметическое показателя после воздействия	Направление воздействия	F	p
ж	БВ	58,540	57,821	отсутствует	1,254	0,288
	БВ – ДБВ	4,7697	4,196	отсутствует	0,952	0,389
м	БВ	65,117	65,632	отсутствует	1,867	0,159
	БВ – ДБВ	5,203	5,718	отсутствует	1,867	0,159

Примечания: БВ — биологический возраст, БВ – ДБВ — индекс биологического старения, F — критерий Фишера, p — уровень значимости, ж — женщины, м — мужчины.

Таблица 4

Влияние длительности участия в программе «Антистарение XXI» на показатели биопсихологического возраста (экспериментальная группа 2)

Пол	Показатель	Среднее арифметическое показателя до воздействия	Среднее арифметическое показателя после воздействия	Направление воздействия	F	p
ж	БВ	48,683	48,020	снижение	2,948	0,040*
	БВ – ДБВ	-4,232	-5,341	тенденция к снижению	2,692	0,054
	ПВ	60,167	63,233	увеличение	3,006	0,037*
	ПВ – КВ	-1,133	1,600	увеличение	3,259	0,028*
	ОПВ	55,307	55,757	отсутствует	0,817	0,527
м	БВ	59,125	60,235	отсутствует	0,773	0,545
	БВ – ДБВ	-0,989	-0,394	отсутствует	0,690	0,586
	ПВ	71,090	73,000	отсутствует	0,518	0,683
	ПВ – КВ	5,091	7,546	отсутствует	0,493	0,698
	ОПВ	58,909	59,636	отсутствует	0,351	0,790

Примечания: БВ – биологический возраст, БВ – ДБВ – индекс биологического старения, ПВ – психологический возраст, ПВ – КВ – индекс психологического старения, ОПВ – ожидаемый пенсионный возраст, F – критерий Фишера, ж – женщины, м – мужчины, * – $p < 0,05$.

Таблица 5

Динамика показателей биопсихологического возраста в контрольной группе

Пол	Показатель	Среднее арифметическое показателя, 1 замер	Среднее арифметическое показателя, 2 замер	Направление воздействия	T	p
ж	БВ	51,382	54,025	увеличение	2,7	< 0,01*
	БВ – ДБВ	-1,502	1,038	увеличение	2,6	< 0,05*
	ПВ	53,921	58,781	отсутствует	1,1	> 0,1
	ПВ – КВ	-4,658	-3,753	отсутствует	0,2	> 0,1
	ОПВ	54,786	55,452	отсутствует	1,6	> 0,1
м	БВ	63,811	64,022	отсутствует	0,1	> 0,1
	БВ – ДБВ	5,649	4,101	отсутствует	1,7	> 0,1
	ПВ	52,860	62,654	увеличение	2,8	< 0,01*
	ПВ – КВ	-9,571	-3,038	отсутствует	0,5	> 0,1
	ОПВ	60,000	60,000	отсутствует	0,1	> 0,1

Примечания: БВ – биологический возраст, БВ – ДБВ – индекс биологического старения, ПВ – психологический возраст, ПВ – КВ – индекс психологического старения, ОПВ – ожидаемый пенсионный возраст, T – критерий Стьюдента для связанных выборок, ж – женщины, м – мужчины, * – $p < 0,05$.

программе, биопсихологическое старение продолжается пропорционально календарному. У женщин достоверно повысился биологический возраст и увеличился индекс биологического старения, у мужчин увеличился психологический возраст.

Обсуждение результатов

Эффективность программ «Московского долголетия» и «Антистарение XXI» нельзя анализировать отдельно от личностных особенностей их участников. Для начала обратим внимание, что респонденты из разных групп изначально различались по своему биопсихологическому возрасту. Мы отбирали участников в группы, ориентируясь только на календарный возраст, для нас принципиальным было, чтобы в группах люди были примерно одного возраста, поэтому все обнаруженные в последующем различия объясняются внешними или внутренними условиями, но не являются возрастными. Мы составили биопсихологические портреты: типичного пенсионера-участника «Московского долголетия», типичного пенсионера, заинтересовавшегося программой «Антистарение XXI», и типичного пенсионера, не интересующегося социально-психологическими программами самосовершенствования.

Пенсионер-участник «Московского долголетия». Его биологический возраст немного ниже календарного, но выше должного биологического. Иначе говоря, показатели его здоровья средние и даже чуть ниже среднего, тяжелых возрастных болезней нет, но есть серьезные жалобы на самочувствие. Практически все пенсионеры из этой группы на пенсии работать прекратили и у них достаточно много свободного времени. Психологический возраст у представителей этой

группы мы на первом этапе не измеряли, однако в последующих измерениях было замечено, что он немного ниже календарного. Эти пенсионеры чувствуют себя относительно молодыми и активными, вероятно, они заботятся о своем здоровье и интересуются программами, которые помогут им держать себя в тонусе.

Пенсионер, заинтересовавшийся программой «Антистарение XXI». Биологически эти люди оказались самыми молодыми из всех пенсионеров, их биологический возраст ниже, чем у представителей ЭГ1 и КГ. Это относится как к мужчинам, так и женщинам. Индекс индивидуального биологического старения у них отрицательный, т.е. темпы старения замедлены. Многие из представителей этой группы продолжали работать на пенсии с полной или частичной занятостью. Как известно из данных литературы, продолжение работать на пенсии коррелирует с замедлением биологического старения и снижением биологического возраста [24]. Программы «Московского долголетия» они не посещали, возможно, из-за отсутствия времени или из-за отсутствия приглашения, потому что у них присутствовал интерес и к своему здоровью, и к программам самосовершенствования, хотя показатели здоровья, входящие в состав биологического возраста, у представителей этой группы были хорошие. Интересно, что психологический возраст у них в основном адекватный, равный календарному или чуть выше (у мужчин). В соответствии с теорией личностного времени К.А. Абульхановой [1] мы определяли психологический возраст не столько как субъективный, сколько возраст зрелости, оценки своих результатов и перспектив жизненного пути. Поэтому наиболее благоприятными мы считаем именно адекватные показатели.

Участники контрольной группы. Сюда вошли пенсионеры, не посещающие программы «Московского долголетия» и не заинтересовавшиеся программой «Антистарение XXI». Наиболее характерным для них является рассогласование биологического и психологического возрастов. По биологическому возрасту они занимают промежуточное положение, их средний БВ выше, чем у ЭГ2, но ниже, чем у ЭГ1. Вероятно, объективно показатели здоровья у них выше среднего для их возрастной группы, что позволяет им пока не сосредотачиваться на проблемах сохранения здоровья, замедления старения, самосовершенствования. Тем более что психологический возраст у них самых низкий, ниже, чем у представителей остальных групп. Они считают себя «еще очень молодыми». На самом деле рассогласование биологического и психологического возрастов не является благоприятным фактором. Существуют данные о том, что такое рассогласование является признаком пенсионного стресса [3]. Также известно, что оно может выступать отягощающим фактором при заболевании инфекционными болезнями [2]. Среди представителей этой группы часть пенсионеров продолжали работать на пенсии, часть прекратили трудовую деятельность.

Достоверное увеличение психологического возраста у экспериментальной группы 2 и контрольной группы за период исследования (от полугода до года) на 3 и 2 года мы можем объяснить внешними причинами. Завершение нашего эксперимента у части испытуемых пришлось на время начала карантина (вследствие пандемии COVID-19). Мы предполагаем, что принятые меры, в частности, ограничения на передвижение лицам из группы 60+, указали пенсионерам их реальный возраст независимо от того, как они себя субъективно

чувствовали, и это изменило их самооценку своего возраста.

Эффективность программ «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» подтверждается нашим исследованием. Однако отметим, что эффект программ различен. «Московское долголетие» работало с людьми, у которых биологический возраст был изначально повышен, в процессе занятий в группах и тренингах программы, консультаций с социальными работниками у респондентов удалось замедлить имеющее место высокие темпы биологического старения по отношению к календарному. Особенно это проявилось у женщин и в сравнении с контрольной группой. Участники контрольной группы изначально были в лучшем положении (их биологический возраст был ниже, чем у участников программы «Московское долголетие»), но они продолжали биологически стареть в полном соответствии с календарным старением. У женщин за 0,5–1,0 год без тренировок показатель БВ достоверно возрос примерно на 2,6 года, в то время как у участников программы «Московское долголетие» он имеет тенденцию к снижению. Мы полагаем, что без поддерживающих тренировок люди просто естественно стареют, а тренировки позволяют немного задерживать этот процесс.

Программа «Антистарение XXI» является рекомендательной, а не исполнительской, она подбирает каждому человеку личные ресурсы, наиболее подходящие именно ему с учетом его индивидуально-типологических особенностей. Апробация программы проходила ранее: в кавказском регионе [23] и в серии корреляционных исследований [4]. Плюсы использования этой программы заключаются и в индивидуальном подходе к каждому человеку, и в активной роли самого респондента. Испытуемым, как правило, нравится, что прежде чем выдать рекомендации, их об-

следуют с помощью психологических тестов. Также им нравится, что предлагаемые варианты носят рекомендательный характер, а далее они сами подбирают себе виды активности и тренинги. Интересно, что часть испытуемых ЭГ2, получив рекомендации, решили реализовать предложенное через программы «Активного долголетия», хотя ранее их не посещали. В целом, подбор программ с помощью оказался очень эффективным, особенно для женщин. У них биологический возраст после полугода тренировок достоверно уменьшился на 0,7, индекс биологического старения также достоверно уменьшился на 1,1. Если участие в программе «Московское долголетие» позволяло в течение полугодия биологическому возрасту не меняться, то правильно подобранные личностные ресурсы позволили его даже немного снизить.

Отметим также, что для женщин предлагаемые программы более эффективны, чем для мужчин. Это соответствует данным, полученным для более молодых возрастных групп, у них тоже применение личностных ресурсов для оздоровления представителей профессий особого риска показало большую эффективность именно для женщин. Вероятно, стратегии оздоровления и долголетия, предлагаемые мужчинам и женщинам, должны различаться.

Заключение

Эффективность социально-психологических стратегий оздоровления и самосовершенствования «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» необходимо оценивать с учетом личностных особенностей их участников. Как показало исследование московских пенсионеров, занятия по программе «Московское долголетие» изначально посещают неработающие пенсионеры, заботящиеся о своем здоровье,

изначально имеющие самый высокий биологический возраст и индекс биологического старения выше среднего. Участвовать в апробации программы «Антистарение XXI» чаще вызываются работающие пенсионеры, имеющие низкие показатели биологического возраста и замедленный индекс старения (самые низкие среди всех групп). От участия в программах отказываются пенсионеры, имеющие рассогласование биологического и психологического возрастов, те, которые считали себя самыми молодыми из всех групп, хотя их биологический возраст был выше, чем у участников программы «Антистарение XXI», но и ниже, чем у пенсионеров из «Московского долголетия».

Естественное старение в отсутствии поддерживающих тренировок привело к тому, что за полгода-год у пенсионеров контрольной группы (женщин) биологический возраст БВ достоверно возрос примерно на 2,6 года, а индекс биологического старения увеличился на 2,5 года. Участие в программах «Московское Долголетие» привело к отсутствию значимых различий в показателях биологического возраста у женщин в течение полугода-года, более того, была недостоверная тенденция к снижению индекса старения. Подбор личностных ресурсов посредством программы «Антистарение XXI» оказался достоверно эффективным. У участников этой группы после полугода-года тренировок биологический возраст достоверно уменьшился на 0,7, индекс биологического старения также достоверно уменьшился на 1,1 года.

Существуют различия в эффективности использования программ оздоровления и самосовершенствования у мужчин и женщин. И у «Московского долголетия», и у «Антистарения XXI» эффективность использования для женщин выше.

Ограничения полученных результатов. Выводы получены на определенной возрастной группе и не могут быть перенесены на другие группы без предварительных исследований. Настоящее исследование было проведено в Московском регионе, результаты в других регионах могут отличаться.

Продолжительность участия в программах была в пределах от 6 до 12 месяцев, именно такой срок участия нами

проверен и статистически подтвержден. Мы не можем переносить наши выводы на другие периоды участия в программах.

Перспективы исследования мы видим в совмещении обеих программ, в использовании программы «Антистарение XXI» именно в рамках «Активного долголетия». Разумеется, необходимы предварительные исследования эффективности такого совмещения.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Время личности и ее жизненного пути // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 165–200.
2. *Березина Т.Н., Рыбцов С.А.* Влияние карантина на показатели биопсихологического возраста в России (лонгитюдное исследование) // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 57–69. DOI:10.17759/jmfr.2021100106
3. *Березина Т.Н., Рыбцова Н.Н., Рыбцов С.А., Фатьянов Г.В.* Индивидуально-личностные факторы пенсионного стресса у представителей интеллектуального типа, проживающих в России и иммигрировавших в страны Евросоюза // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 8–21. DOI:10.17759/jmfr.2020090101
4. *Березина Т.Н., Литвинова А.В., Зинатуллина А.А.* Взаимосвязь индивидуально-личностных стратегий антистарения с биологическим возрастом // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 73–89.
5. Биологический возраст. Наследственность и старение / Под ред. В.П. Войтенко, А.В. Токарь. Киев: Ин-т геронтологии, 1984. 143 с.
6. *Зимина А.А.* Влияние личностных стратегий жизненного пути на биопсихологический возраст (Северная Осетия) // Человеческий капитал. 2021. № 11(155). С. 57–65. DOI:10.25629/НС.2021.11.05
7. Концепция политики активного долголетия / Под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 40 с.
8. *Литвинова А.В., Котенева А.В., Кокурин А.В., Иванов В.С.* Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 8–16. DOI:10.17759/jmfr.2021100101
9. *Рахматуллина З.Б., Ковров В.Ф.* Проект «башкирское долголетие» в рамках Российской концепции активного долголетия // Вопросы гуманитарных наук. 2022. № 3(120). С. 26–29. DOI:10.25633/VGN.2022.03.01
10. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022668987 Российская Федерация. «Антистарение XXI» // Открытый реестр программ для электронно-вычислительных машин, № 2022668380: заявлено 07.10.2022: опубликовано 14.10.2022.
11. *Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д.* Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1(115). С. 8–28.
12. *Фролова Е.А., Кашапова Э.Р., Клемашева Е.И., Маланина В.А.* Оценка активного долголетия в Сибирском федеральном округе на основе методики индекса активного долголетия //

Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 2(33). С. 36–45. DOI:10.18799/24056537/2019/2(33)/973

13. Чаусов Н.Ю., Бурыцева Т.А., Газарина С.Н. Активное долголетие как цель качества жизни: стратегии регионов России // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 4. С. 116.
14. A proposed panel of biomarkers of healthy ageing / Lara J. [et al.] // BMC Med. 2015. № 13. P. 222. DOI:10.1186/s12916-015-0470-9
15. An S., Ahn C., Moon S., Sim E.J., Park S.K. Individualized Biological Age as a Predictor of Disease: Korean Genome and Epidemiology Study (KoGES) Cohort // J Pers Med. 2022. Vol. 21. № 12(3). P. 505. DOI:10.3390/jpm12030505
16. Avidor S., Palgib Y., Solomon Z. The experience of aging before one's time during the coronavirus pandemic among war veterans in Israel Author links open overlay panel // Psychiatry Research. 2022. Vol. 316. DOI:10.1016/j.psychres.2022.114786
17. Erema V.V., Yakovchik A.Y., Kashtanova D.A., Bochkayeva Z.V., Ivanov M.V., Sosin D.V., Matkava L.R., Yudin V.S., Makarov V.V., Keskinov A.A., Kraevoy S.A., Yudin S.M. Biological Age Predictors: The Status Quo and Future Trends // International Journal of Molecular Sciences. 2022. № 23(23). 15103. DOI:10.3390/ijms232315103
18. Global strategy and action plan on ageing and health // World Health Organization, 2017. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241513500> (дата обращения: 02.10.2022).
19. Procrastination as a threat to the psychological security of the educational environment / A. Litvinova [et al.] // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. No. 1. 10010001. DOI:10.3390/bs10010001
20. Rojo-Pérez F., Fernández-Mayoralas G., Rodríguez-Rodríguez V. Active Ageing and Quality of Life: A Systematized Literature Review // Handbook of Active Ageing and Quality of Life. International Handbooks of Quality-of-Life / In: Rojo-Pérez F., Fernández-Mayoralas G. (eds). Springer, Cham. 2021. P. 63–96. DOI:10.1007/978-3-030-58031-5_4
21. Strizhitskaya O., Petrash M., Golubitskaya D., Kuzmina M., Krupina K., Shchukin A., Engelhardt E. Futurization of Aging: Subjective Beliefs and Effects // Behavioral Sciences. 2023. № 13(1). P. 4. DOI:10.3390/bs13010004
22. Zaidi A. Active Ageing Index 2014: Analytical Report // UNECE/European Commission. 2015. https://www.academia.edu/12446281/Active_Ageing_Index_2014_-_Analytical_Report (Accessed 06.03.2023).
23. Zimina A.A., Zinatullina A.M., Fatianov G.V. Relationship between personal resources and indicators of biopsychological age in the Caucasus region of Russia // Interacción y Perspectiva. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 222–234. DOI:10.5281/zenodo.7114656
24. Zinatullina A.M., Melnik V.P., Zimina A.A. Personal Factors of Biological Aging in Working and Non-Working Respondents in Late Maturity Period // International Journal of Health Sciences. 2021. Vol. 5. No. 3. P. 639–648.

References

1. Abul'khanova K.A. Vremya lichnosti i yeye zhiznennogo puti [The time of the individual and her life path]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Chelovek i Mir = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Man and the World*, 2017. Vol. 1, no. 1, pp. 165–200. (In Russ.).
2. Berezina T.N., Rybtsov S.A. Vliyaniye karantina na pokazateli biopsikhologicheskogo vozrasta v Rossii (longityudnoye issledovaniye) [Impact of Quarantine on Biopsychological Age Indicators in Russia (Longitudinal Study)]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 57–69. DOI:10.17759/jmfp.2021100106 (In Russ.).
3. Berezina T.N., Rybtsova N.N., Rybtsov S.A., Fat'yanov G.V. Individual'no-lichnostnyye faktory pensionnogo stressa u predstaviteley intellektual'nogo tipa, prozhivayushchikh v Rossii i immigrirovavshikh v strany Yevrosoyuza [Individual-personal factors of retirement stress in representatives of the intellectual type living in Russia and immigrated to the EU countries].

- Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 8–21. DOI:10.17759/jmfp.2020090101 (In Russ.).
4. Berezina T.N., Litvinova A.V., Zinatullina A.A. Vzaimosvyaz' individual'no-lichnostnykh strategiy antistareniya s biologicheskim vozrastom [Interrelation of individual-personal anti-aging strategies with biological age]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2022. Vol. 11, no. 4, pp. 73–89. (In Russ.).
 5. Biologicheskii vozrast. Nasledstvennost' i starenie [Biological age. Heredity and aging]. In V.P. Voitenko, A.V. Tokar' (eds.). Kiev: In-t gerontologii, 1984. 143 p.
 6. Zimina A.A. Vliyaniye lichnostnykh strategiy zhiznennogo puti na biopsichologicheskii vozrast (Severnaya Osetiya) [Influence of personal life path strategies on biopsychological age (North Ossetia)]. *Chelovecheskiy kapital = Human capital*, 2021, no. 11(155), pp. 57–65. DOI:10.25629/HC.2021.11.05 (In Russ.).
 7. Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya [Active aging policy concept]. In L.N. Ovcharova, M.A. Morozova, O.V. Sinyavskaya (ed.). Moscow: Publ. dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2020. 40 p. (In Russ.).
 8. Litvinova A.V., Koteneva A.V., Kokurin A.V., Ivanov V.S. Problemy psichologicheskoy bezopasnosti lichnosti v ekstremal'nykh usloviyakh zhiznedeyatel'nosti [Problems of psychological safety of a person in extreme conditions of life]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 8–16. DOI:10.17759/jmfp.2021100101 (In Russ.).
 9. Rakhmatullina Z.B., Kovrov V.F. Proyekt "bashkirskoye dolgoletie" v ramkakh Rossiyskoy kontseptsii aktivnogo dolgoletiya [The project "Bashkir longevity" within the framework of the Russian concept of active longevity]. *Voprosy gumanitarnykh nauk = Issues in the Humanities*, 2022, no. 3(120), pp. 26–29. DOI:10.25633/VGN.2022.03.01 (In Russ.).
 10. Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2022668987 Rossiyskaya Federatsiya. «Antistareniye XXI» [Certificate of state registration of the computer program No. 2022668987 Russian Federation. "Antiaging XXI"]. *Otkrytyy reyestr programm dlya elektronno-yuchislitel'nykh mashin = Open register of programs for electronic computers*, № 2022668380: zayavleno 07.10.2022: opublikovano 14.10.2022. (In Russ.).
 11. Strizhitskaya O.YU., Petrash M.D. Konstruirovaniye produktivnoy starosti: biologicheskiye, psichologicheskiye i sredovyye faktory [Designing productive old age: biological, psychological and environmental factors]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 1(115), pp. 8–28. (In Russ.).
 12. Frolova Ye.A., Kashapova E.R., Klemasheva Ye.I., Malanina V.A. Otsenka aktivnogo dolgoletiya v Sibirskom federal'nom okruge na osnove metodiki indeksa aktivnogo dolgoletiya [Estimation of active aging in the Siberian Federal District based on the methodology of the active aging index]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium = Vectors of well-being: economy and society*, 2019, no. 2(33), pp. 36–45. DOI:10.18799/24056537/2019/2(33)/973 (In Russ.).
 13. Chausov N.Yu. et al. Aktivnoye dolgoletie kak tsel' kachestva zhizni: strategii regionov Rossii [Active longevity as a goal of quality of life: strategies of Russian regions]. *Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal = Russian Economic Internet Journal*, 2018, no. 4, pp. 116. (In Russ.).
 14. A proposed panel of biomarkers of healthy ageing / Lara J. [et al.]. *BMC Med*, 2015, no. 13, 222. DOI:10.1186/s12916-015-0470-9
 15. An S., Ahn C., Moon S., Sim E.J., Park S.K. Individualized Biological Age as a Predictor of Disease: Korean Genome and Epidemiology Study (KoGES) Cohort. *J Pers Med*, 2022. Vol. 21, no. 12(3), p. 505. DOI:10.3390/jpm12030505
 16. Avidor S., Palgib Y., Solomonc Z. The experience of aging before one's time during the coronavirus pandemic among war veterans in Israel Author links open overlay panel. *Psychiatry Research*, 2022. Vol. 316. DOI:10.1016/j.psychres.2022.114786
 17. Erema V.V., Yakovchik A.Y., Kashtanova D.A., Bochkaeva Z.V., Ivanov M.V., Sosin D.V., Matkava L.R., Yudin V.S., Makarov V.V., Keskinov A.A., Kraevoy S.A., Yudin S.M. Biological Age

- Predictors: The Status Quo and Future Trends. *International Journal of Molecular Science*. 2022, no. 23(23), 15103. DOI:10.3390/ijms232315103
18. Global strategy and action plan on ageing and health. *World Health Organization*, 2017. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241513500> (Accessed 02.10.2022).
19. Procrastination as a threat to the psychological security of the educational environment / A. Litvinova [et al.]. *Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 10, no. 1, 10010001. DOI:10.3390/bs10010001
20. Rojo-Pérez F., Fernández-Mayoralas G., Rodríguez-Rodríguez V. Active Ageing and Quality of Life: A Systematized Literature Review. In Rojo-Pérez F., Fernández-Mayoralas G. (eds). *Handbook of Active Ageing and Quality of Life. International Handbooks of Quality-of-Life*. Springer, Cham, 2021, pp. 63–96. DOI:10.1007/978-3-030-58031-5_4
21. Strizhitskaya O., Petrash M., Golubitskaya D., Kuzmina M., Krupina K., Shchukin A., Engelgardt E. Futurization of Aging: Subjective Beliefs and Effects. *Behavioral Sciences*, 2023, no. 13(1), p. 4. DOI:10.3390/bs13010004
22. Zaidi A. Active Ageing Index 2014: Analytical Report. *UNECE/European Commission*, 2015. URL: https://www.academia.edu/12446281/Active_Ageing_Index_2014_-_Analytical_Report (Accessed 06.03.2023).
23. Zimina A.A., Zinatullina A.M., Fatianov G.V. Relationship between personal resources and indicators of biopsychological age in the Caucasus region of Russia. *Interacción y Perspectiva*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 222–234. DOI:10.5281/zenodo.7114656
24. Zinatullina A.M., Melnik V.P., Zimina A.A. Personal Factors of Biological Aging in Working and Non-Working Respondents in Late Maturity Period. *International Journal of Health Sciences*, 2021. Vol. 5, no. 3, pp. 639–648.

Информация об авторах

Березина Татьяна Николаевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Information about the authors

Tatiana N. Berezina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Получена 15.03.2023

Принята в печать 02.06.2023

Received 15.03.2023

Accepted 02.06.2023

The Subjective Well-being Policy: Case Studies and Its Relevance in the Special Region of Yogyakarta, Indonesia

Sofjan Aripin

Universitas Terbuka, South Tangerang, Banten, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8114-0069>, e-mail: sofjan@ecampus.ut.ac.id

Adi Cilik Pierewan

Universitas Negeri Yogyakarta, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4381-5106>,

e-mail: adi.pierewan@postgrad.manchester.ac.uk

Susanti Susanti

Universitas Terbuka, South Tangerang, Banten, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9704-5157>, e-mail: susanti@ecampus.ut.ac.id

Indra Pratama Putra Salmon

Universitas Terbuka, South Tangerang, Banten, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3517-9074>, e-mail: indrapratama@ecampus.ut.ac.id

Objective. *This study aims to examine the implementation and optimization of subjective well-being as a constituent of policymaking.*

Background. *Subjective well-being, frequently considered in policymaking, has not been widely used and optimally implemented in Indonesia. Most of the policymaking processes only consider economic indicators and ignore immaterial aspects.*

Study design. *This study employed a qualitative and case study approach. It involves the Statistics Indonesia and the Provincial Government of the Special Region of Yogyakarta as the data collection bases. In addition, it investigated the policy implementation and the factual application of subjective well-being.*

Measurements. *The researchers collected the data through interviews, documentation, and focus group discussion. All the data were validated through triangulation.*

Result. *The issue of happiness is rarely highlighted in policymaking. In fact, happiness is a component that is able to meet the psychological and spiritual needs of society. At the same time, this is supported by the existence of a GDP indicator that does not really represent the welfare of a region, and even is able to control people's satisfaction through policymaking. The Special Region of Yogyakarta is one of the areas that is suitable for pilots in implementing the issue of happiness in policymaking, although in practice there are still variables that are not in line with the planning process document. This pilot pays attention to immaterial supporting elements such as policymaker agreements, social inclusivity, cultural capital, and social capital. The Special Region of Yogyakarta, which has also implemented considerations on the issue of happiness, has shown positive significance in the aspects of people's lives.*

Conclusions. *This study concludes that the variables on the happiness index are not affiliated with several planning documents in the Province of the Special Region of Yogyakarta. Therefore, studies regarding the happiness aspect, for example, welcoming inclusiveness in the Special Region of Yogyakarta, are essential. In addition, the cultural aspect, especially the society's acceptance of material aspects (life satisfaction), has contributed to the establishment of subjective well-being in the province. This study*

recommends further study of obstacles in applying the happiness index and subjective well-being in policy formulation.

Keywords: *happiness index; happiness statistic; Indonesia; policymaking; subjective well-being.*

For citation: Aripin S., Pierewan A.C., Susanti S., Salmon I.P.P. The Subjective Well-being Policy: Case Studies and Its Relevance in the Special Region of Yogyakarta, Indonesia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 152–168. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140210>

Политика субъективного благополучия в Особом регионе Джокьякарта, Индонезия

Арифин С.

Университет Тербука, г. Южный Тангеранг, Бантен, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8114-0069>, e-mail: sofjan@ecampus.ut.ac.id

Пиереван А. Ч.

Университет Негери Джокьякарта, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4381-5106>,

e-mail: adi.pierewan@postgrad.manchester.ac.uk

Сусанти С.

Университет Тербука, г. Южный Тангеранг, Бантен, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9704-5157>, e-mail: susanti@ecampus.ut.ac.id

Салмон И.П.П.

Университет Тербука, г. Южный Тангеранг, Бантен, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3517-9074>, e-mail: indrapratama@ecampus.ut.ac.id

Цель. *Изучение путей осуществления политики субъективного благополучия и способов ее оптимизации.*

Контекст и актуальность. *Во многих странах мира при разработке внутренней политики учитывается фактор субъективного благополучия («индекс счастья»). Но в Индонезии при оценке уровня жизни населения используются только экономические показатели при игнорировании других аспектов жизни людей.*

Дизайн исследования. *В исследовании применялись качественный анализ и метод кейсов. Использовались базы данных Статистического управления Индонезии и правительства Особого региона Джокьякарта. Кроме того, исследовалась реализация политики субъективного благополучия.*

Методы (инструменты). *Интервью, анализ документов, фокус-группы. Применен метод триангуляции.*

Результат. *«Индекс счастья» редко применяется при оценке успешности внутренней политики Индонезии. Уровень жизни людей в основном определяется показателями ВВП, которые на самом деле не отражают реальное благосостояние жителей. Особый регион Джокьякарта является одним из районов, в котором осуществляется пилотный проект по включению «индекса счастья» в число показателей, учет которых необходим при разработке внутренней политики. Это подразумевает такие нематериальные элементы, как соглашения с политиками, социальная инклюзивность, культурный и социальный капитал. Введение «индекса счастья» как одного из критериев успешности реализации внутренней политики в Особом регионе Джокьякарта заметно повлияло на улучшение различных аспектов жизни людей.*

Выводы. *Показатели субъективного благополучия не учитываются при планировании некоторых направлений внутренней политики в провинции Особого региона Джокьякарта, потому*

исследования, касающиеся составляющих «индекса счастья», имеют важное значение. Кроме того, культурный аспект, особенно принятие обществом важности показателя «удовлетворенность жизнью», способствует появлению чувства субъективного благополучия жителей провинции. Необходимо продолжение работы по включению показателя «индекс счастья» как критерия успешности при планировании и реализации внутренней политики.

Ключевые слова: индекс счастья; статистика счастья; Индонезия; выработка политического курса; субъективное благополучие.

Для цитаты: Арифин С., Пиреван А.Ч., Сусанти С., Салмон И.П.П. Политика субъективного благополучия в Особом регионе Джокьякарта, Индонезия // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 152–168. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140210>

Introduction

In empirical literature studies, most public policy analyses still focus on the institutional and formal aspects of policy formulation and implementation. The problem is that the policymakers only partially explore immaterial activities [2]. This problem occurs since most of the policy's orientation revolves around the formal aspect, such as the measurement of well-being as found in literary studies by Murphy regarding the role of the authority in supporting public favor [25]; Walt and Gilson, and then Almeida and Gomes regarding the technical format of formal policy [1; 51]; and [42] regarding government-oriented public policy issued by the policymakers. Due to the lack of immaterial activities, the policy only covers the fulfillment of limited resources.

Essentially, policymakers have the right to decide whether they are willing to formulate a policy and are bound to the consequences of their policy's pros and cons [6]. Even though 'well-being' frequently appears as a critical word in policymaking, the implementation and targets of the policy are often irrelevant. This paradox demands that a policy covers many aspects with specific standards, integration, and multidimensional reach. Menghwar and Daood stated that a failed policy, often caused by a flawed perspective disregarding societal values, seems popular and beneficial, yet ineffective [24].

Many institutions and policymakers worldwide use the well-being indicator as a basis or a post-evaluation comparative aspect [36]. As a third-world country, Indonesia has adopted developed countries' indicators in formulating policies regarding economics, social, public service, education, health, and many other policies related to well-being. These indicators, such as the data access from the World Bank, International Monetary Fund (IMF), Bloomberg, the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), and United Nations (UN), are relatively popular and have almost become the standards for research in policy implementation and its performance in Indonesia [7; 11; 29; 53]. In addition, a discourse on the indicator application emerges, especially developing countries' complex well-being indicators, to alter perspectives. It also generates an assumption that policymakers should eliminate material limitations and encourage the use of a more inclusive function of well-being as an alternative measurement in formulating policy.

The indicator of social well-being has transformed into various forms, one of which is subjective well-being. Subjective well-being is a part of the happiness indicators. In China, the authority measures the country's well-being with good environmental governance [13; 20; 21]. Meanwhile, Germany and

America consider satisfaction in kinship regarding the government's policy as the well-being standard [26]. In Japan, the authority measured people's well-being by means of communication, networking support, beliefs, and identity among women in the policy of migration case reduction [33]. While England focuses on the early prevention of juvenile misconduct [47], Australia emphasizes occupancy policy as the standard of well-being [33]. As many countries consider it part of policymaking, subjective well-being becomes a benchmark in happiness indicators. The Sustainable Development Solution Network (SDSN) reported that in 2016, Indonesia ranked 79 on the list of the happiest countries on the World Happiness Index and dropped to 81 later in 2017.

In recent years, subjective well-being has become an exciting topic among academicians and policymakers [3; 48]. MacKerion reported that there had been an escalation of academic publications regarding subjective well-being since the early 2000s [22]. In the last 30 years, subjective well-being has developed and become measurable individually and nationally [4]. The data on individual and national subjective well-being provides valuable information for policymakers and the government [12; 19; 41]. Furthermore, several studies indicated that subjective well-being is resourceful for many policy fields, including income, the work market, the labor market, housing, public service, urban planning, and public involvement and participation [5; 23]. The study of subjective well-being can measure the level of society's well-being. The authority may use the measurement results to formulate public policy that improves society's well-being. However, public administration academicians and policymakers rarely use the topic in their studies. Okulicz-Kozaryn and Valente reviewed the literature regarding the subjective well-be-

ing concept in considering and recommending a policy [32]. As a result, the study of well-being is rarely discussed in Indonesia's journal of public administration.

Methods

Method and Approach. This study employed a qualitative method with a case study approach. It was conducted in the Statistics Indonesia and the Provincial Government of the Special Region of Yogyakarta as the bases of data collection. It also investigated the policy implementation and the factual application of subjective well-being.

Data Collection and Analysis. This study comprises three main parts. The first part presents the data from Statistics Indonesia and determines the primary study using subjective well-being data. The data contains the happiness index of Indonesian provinces in 2021. The second part explains the involvement of the policymakers, the Development Planning Board of the Special Region of Yogyakarta, the Social Service Department, and the government bureaucracy in focus group discussions and workshops regarding the functions of well-being in public policy. These activities include assessments and interviews about policymakers' tendency to use the happiness index as a factor for consideration in various programs. The last part investigates the use of the subjective well-being framework for public policy and policy analysis.

Data Validation. To obtain the saturated data, the researchers used triangulation by compiling and reducing the data from the informants' circular study responses.

Results

Issues and Indicators of Happiness: Process Review

Current happiness issues are often associated with poverty, gender equality, wealth inequality, and social problems affecting so-

ciety's well-being. Eventually, social well-being depends on society's subjective and objective happiness, in which material and non-material happiness will not use economy, social strata, and education as the only factors of happiness. Senik stated that even though the economy and other measured factors may fulfil visible needs, they may not accommodate society's psychological or spiritual needs [45]. Therefore, the government needs to prioritize this issue as a standard of comprehensive well-being.

Generally, a visible and measurable income as the general indicator of both individual and society's well-being can be seen in the GDP (Gross Domestic Product). However, with a comprehensive standard, there are other aspects to consider regarding society's happiness. A study conducted by the Harvard Business Review shows that the policies made solely based on GDP do not fully represent the well-being of a country since there are symptoms of inequality

and climate change threats that should be considered [16]. Another area for improvement in using GDP as a consideration is the inability to measure the income distribution in society, which ends with inequality, dissatisfaction, and polarization in society [16]. In line with these findings, the concept of happiness comprises the following aspects:

- a. Material and non-material well-being;
- b. Mental and physical health, education and knowledge, occupation, and living condition [46];
- c. Proper self-functioning [27; 40];
- d. Sustainable assessment of well-being attainment based on past and future consideration;
- e. Individual or society's essential experience.

Fig. 1 describes the development of the theoretical framework and happiness instrument study by Indonesia Statistics through the literature study of happiness framework and instrument development.

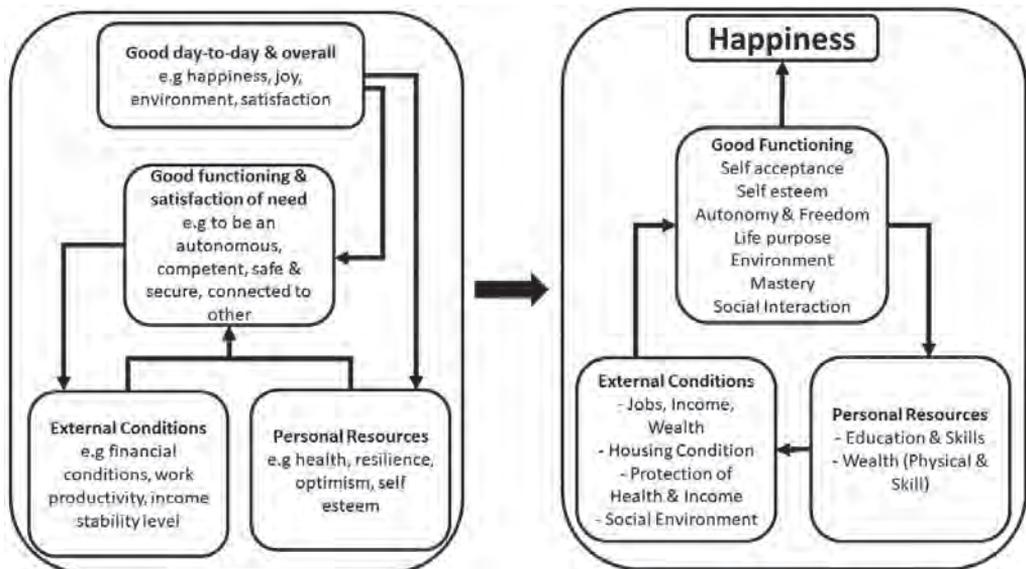

Fig. 1. Theoretical Framework Study in 2012 & 2013's Pilot Project Source: Indonesia Statistics (2020)

The literature study of happiness framework development (2011–2012) was conducted following the Gross National Happiness of Bhutan, the Satisfaction with Life Scale (SWLS), the World Value Survey, the Stiglitz Commission, the New Economic Foundation and Office for National Statistics, and the Organization for Economic Cooperation and Development. The researchers have conducted validity and instrument reliability tests in Depok City and Bogor Regency in Indonesia and studied 11 regencies/municipalities in 7 Indonesian provinces to design the 2012's framework and instrument of happiness. They evaluated the instrument using the EFA (Exploratory Factor Analysis) and the CFA (Confirmatory Factor Analysis). The results show that, firstly, the respondents found it difficult to rate their happiness level, differ-

entiate between happiness and satisfaction, and tend to understand satisfaction better than happiness. These findings put happiness as part of the evaluation. Secondly, the SPTK (Happiness Measurement Study) in 2013 conducted an instrument test for national estimation level to evaluate the previously-developed instrument. Thirdly, the SPTK in 2014 focused on the survey of confirming indicators and dimensions. Afterwards, the next stage of development by Indonesia Statistics is described in the following scheme.

The next stage is formulating three objective and subjective indicators for ten essential life domains in 2014. As explained in Fig. 2, the details of the indicators are as follows:

a. Objective indicator regarding life domain is measured prior to subjective indicator (satisfaction).

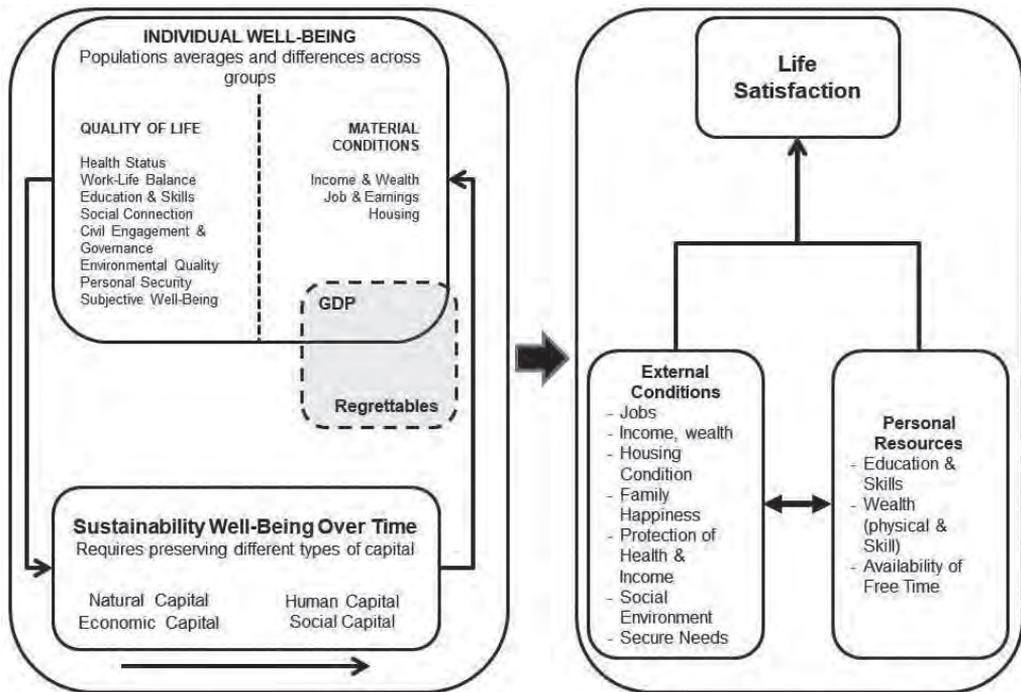

Fig. 2. The approach to Measuring Happiness Index Source: OECD (2013)

b. Indicator of life satisfaction as happiness rate measurement comprises ten life domains: a) health; b) education; c) job/main activity; d) family income; e) environmental quality; f) security; g) social connection; h) family harmony; i) availability of leisure time; j) housing conditions and facilities [30].

c. In OECD, one excluded indicator is democracy. OECD is an international organization based in Paris, France, with members from 36 countries in which only 30 member countries adhere to the principles of representative democracy and free market economy.

Essentially, the subjective and objective indicators of happiness in 2017 SPTK refer to the following substantial points:

a. The 2017 SPTK' objective and subjective indicators expand along with global development.

b. The evaluation of national development is beyond the GDP (not only based on economic aspect) due to:

- Limited economic indicator in representing well-being;
- The need for greater attention to social aspects in the development;
- The need for happiness index as a social development indicator.

c. Self-evaluation by society regarding their experience and expectation.

The development of the theoretical framework of happiness of the 2017 SPTK is illustrated as follows:

Fig. 3 illustrates the development of the theoretical framework of happiness measurement in 2017. In the scheme, there are four crucial aspects for SPTK evaluation: happiness, life satisfaction, affection, and eudaimonia.

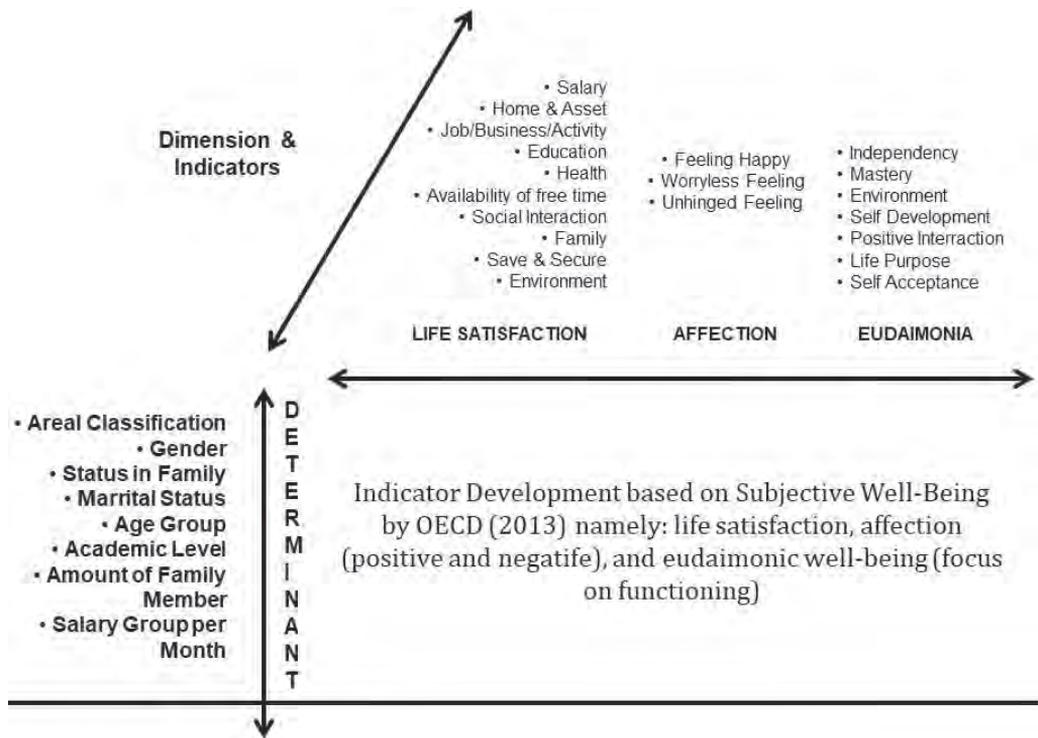

Fig. 3. The Approach to Measuring Happiness Index Source: OECD (2013)

and eudaimonia. Happiness is a result of life's evaluation describing a state of a good and meaningful life. It comprises three interrelated dimensions: life satisfaction, affection, and life's meaning. Life satisfaction evaluates the objective condition of society's ten essential life domains. Development programs can intervene in these domains. Referring to OECD, affection is a whole experience of life's emotions, describing two degrees of hedonism measurement (positive-negative effects) [30; 31]. According to Kahneman et al and OECD, eudaimonia refers to good psychological functioning or flourishing [14; 15; 30]. Positive psychology describes it as life's meaningfulness transcending one's self. This measurement refers to the indicators developed by Ryff and OECD [30; 40]. The description of referential and transitional dimensions from 2014 to 2017 is as follows:

Fig. 4 explains the transition and elaboration of happiness index indicators from 2014 to 2017. The subjective indicators regarding life's domains are measured after

the objective indicators. The other subjective indicators are affection and eudaimonic well-being (directing individuals to live according to their true selves). Eudaimonia occurs when individuals engage in activities relevant to their lives and principles. The indicator of life satisfaction as the measurement for happiness index comprises an extended scope of life's domains [30]. The objective and subjective indicators of happiness in 2017 SPTK are described as follows:

Since there is SPTK based on the instrument's survey results, the development of the happiness index in Indonesia from 2014 to 2017 has a significant difference in measurement indicators. In 2014, the SPTK applied ten equally-converted indicators, while in 2017, it applied three leading indicators separately (life satisfaction, affection, and eudaimonia) to differentiate between satisfaction and happiness. This categorization will give the policymakers better consideration over the target group's life satisfaction, emotion, or happiness.

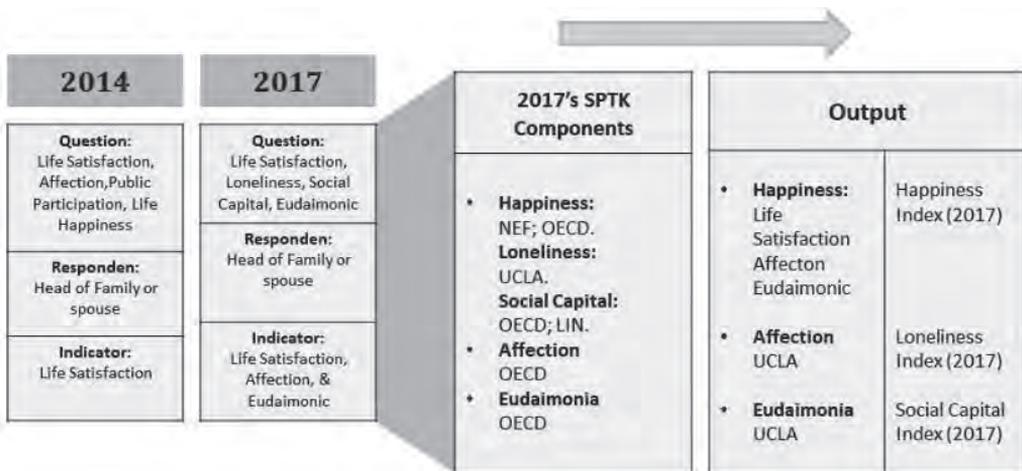

Fig. 4. The Transition of Happiness Index Indicator 2014 to 2017 Source: Indonesia Statistics (2020)

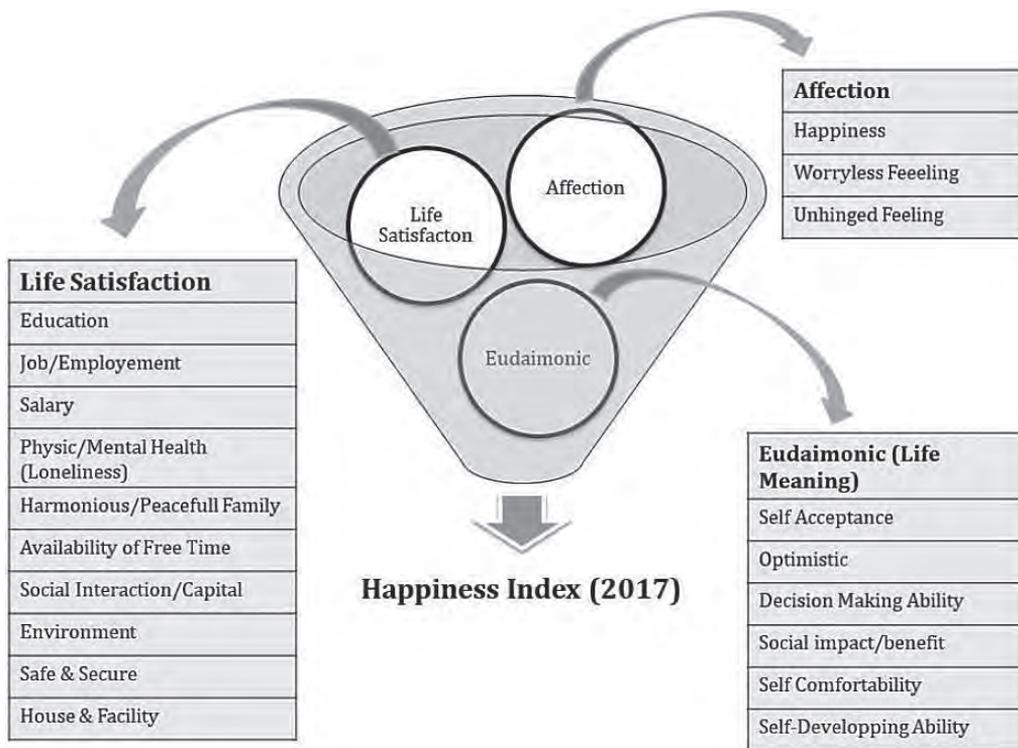

Fig. 5. Elaboration of the Happiness Index in 2017 Source: Indonesia Statistics (2020)

Mainstreaming the Policy of Happiness in the Special Region of Yogyakarta

The concept of happiness is essential in policymaking. As a policymaker, the government has to decide the best policy and guarantee its implementation for society's happiness. In addition, the policymakers of the Special Region of Yogyakarta (the Regional Secretary, Assistant Regional Secretary, Bureau Heads, *Paniradya Pati* (the policymakers of the Special Region of Yogyakarta), the Head of Regional Development Planning Agency, Social Service Department, Regional and Municipal Governments, and other regional apparatuses) need to organize a panel to raise the awareness of policymaking. Specifically, the panel may organize a training or work-

shop for the Policy and Planning Analysts, conduct sustainable joint research regarding happiness issues, planning happiness indicators, and measuring happiness indicators in the province, and monitor the internalization of happiness in the documents of the development plan. This emphasis is basically in line with the sociological culture of the people of Yogyakarta, which has a tendency to be highly inclusive by prioritizing a sense of social concern. This then contributes to the degree of satisfaction not only in private property, but also in collective progress and mutual empowerment within the community. This phenomenon also occurs in other developing countries that have implemented subjective welfare in policy formulation, namely in the Philippines [35]. In practice, the Philippines

has succeeded in utilizing (in positive terminology) public trust to provide life satisfaction through the behavior of public institutions such as the police, congress, judiciary, service agencies, to the executive branch. This behavior then produces welfare that is not only material, but immaterial by accommodating the interests and convenience of the community. In addition, in another country, namely Bhutan, the country has succeeded in becoming a model as the happiest country in the world which has implemented various aspects of happiness for its people [7].

The cultural and social capitals in the province, such as cooperation and self-acceptance, are crucial for integrating the happiness issue in developing the province and the country. In addition, an understanding of happiness issues in development, an integration between happiness and documents of planning, such as RPJMD (Medium-Term Development Plan), RAD (Regional Budget Plan), or SDG (Sustainable Development Goals), and dissemination regarding the urgency of happiness issue for development may assist the integration as well. Although not all areas are suitable for this application, the findings of Fabian et al explain that this is a form of respect for policy subjects in the policy planning process, where this pattern results in an objective and impartial policy planning process, encourages the value of participation, and produces inclusive and deliberative policies [7]. This is at the same time an alternative way out in dealing with claims of failure as an indicator of progress and success which is only measured by gross domestic product or GDP figures [50].

In conducting a study regarding happiness in Yogyakarta, researchers may identify the happiness aspects that still need to be integrated into the planning documents, conducting studies at an official institution, namely the Mental Development Bureau. This identification concerns the characteris-

tics and specificity of the province in welcoming inclusivity, as well as conducting research and outreach. In addition, stakeholders are also strongly encouraged to disseminate the results of Bappeda Yogyakarta research on the content of the happiness index, upload them on the institution's social media, and conduct a systematic literature review on the characteristics of the province. This process is important in relation to building the mindset of stakeholders in Yogyakarta which will have an impact on policy makers to better appreciate public aspirations and participation in more inclusive and deliberative policies [35]. This honor certainly exceeds the expectations of economic and fiscal indicators that are unable to overcome the problem of social inequality in Yogyakarta.

In implementing the study, it is essential to ensure that the policymakers, technical executives, and other parties understand the concept of subjective well-being and have a similar perception of the topic. In addition, the dissemination of the materials must be comprehensive, and variables used to assess the subjective well-being must at least comprise the aspects of socio-cultural, economics, facilities and infrastructures. The variables must be classified into several aspects to simplify the identification of problems and solutions.

Subjective Well-Being in the Special Region of Yogyakarta: Empirical Review

In the context of social policy, happiness is an integral part of subjective well-being [49]. In many countries, the concept is significant in formulating a policy. However, only a few regions in Indonesia, including the Special Region of Yogyakarta, apply the concept in policymaking. In 2021, using the satisfaction and happiness index in Yogyakarta's policymaking positively affected the province's education, employment, and income. This province has a high life expectancy with an increased hap-

piness and satisfaction index in these three aspects. Lawrence et al stated that happiness and high socioeconomic status contribute to high life expectancy [18]. Yogyakarta is one of the provinces in Indonesia with an increased life expectancy. Explicitly, society lives with the government’s regulation with various policies and programs regarding education, employment, and income. Presumably, when society is unsatisfied and unhappy with the three models, the happiness index or subjective well-being will not achieve a positive value.

Fig. 6 shows that on a national scale, out of 38 provinces in Indonesia, Yogyakarta’s happiness index or subjective well-being on education implementation is in the seventh place. The index goes into the first quadrant or the highest 25% of provinces with life satisfaction in education. Yogyakarta is well-known as a student city. Several supporting aspects comprise the level of learning convenience for students from other areas, the number of universities and scholars,

cultural sites and history, and locals’ hospitality. In addition, the safety level of Yogyakarta during daytime learning activity reached a score of 80.84, with a low level of crime setting at a score of 30.34 [28].

As an indicator of well-being, education is a significant component in Yogyakarta. Seligman stated that education is one of the foundations for achieving PERMA (Positive Emotion, Engagement, Relationships, Meaning, and Accomplishment) [43]. In addition, Goodman affirmed this statement by proving that the complex elements and subjective well-being data are relevant to Seligman’s hypothesis [9]. The education component covers the Human Development Index, supporting foundations for students in Yogyakarta regarding positive emotions, attachment, and learning output, and how the government create a conducive environment for education access in the province.

Fig. 7 demonstrates that on a national scale, out of 38 provinces in Indonesia, Yog-

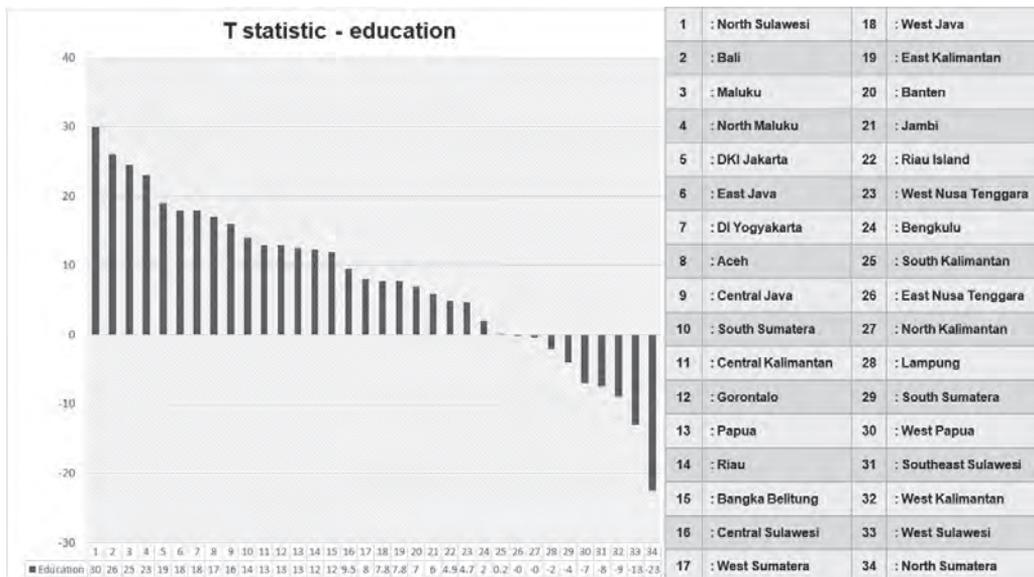

Fig. 6. Indonesia’s Happiness Index Rating (Per-Province) on Education in 2021 Source: Indonesia Statistics (2022)

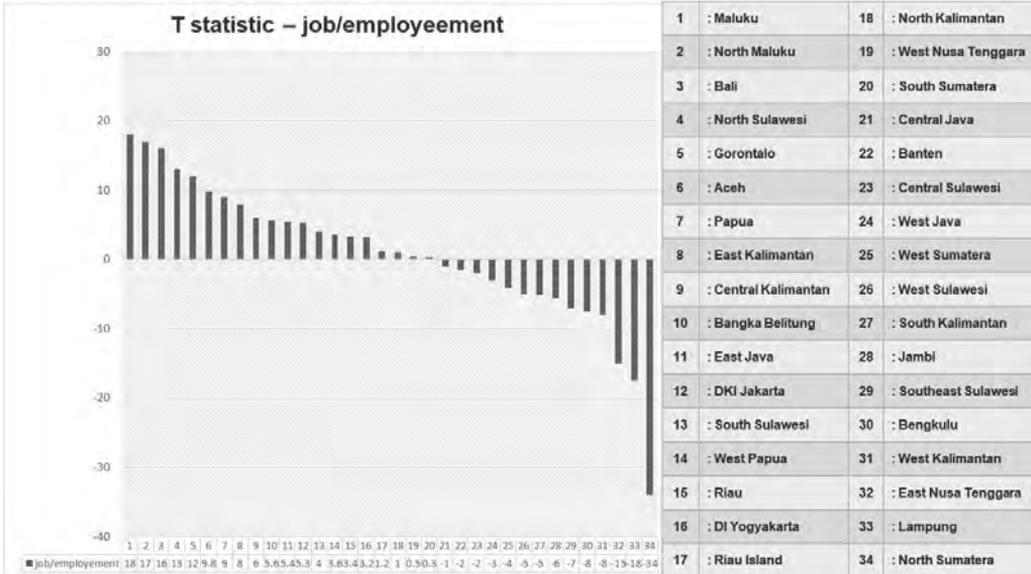

Fig. 7. Indonesia’s Happiness Index Rating (Per-Province) on Employment in 2021 Source: Indonesia Statistics (2022)

Yogyakarta’s happiness index on employment is in the sixteenth place. The index goes into the second quadrant. Known as one of the cities with desirable tourism destinations after Bali and Raja Ampat, Yogyakarta’s tourism has significantly decreased after 2020 due to the pandemic [39]. The decrease in satisfaction rate in positive employment occurred since many people depended on tourism sector jobs, such as transportation, tourism service, tourism products, culinary, home business, medium and large-scale industries, and formal occupation. Consequently, people strived to engage in many new jobs. According to VOA, in 2021, the pandemic affected 30000 tourism workers, 600 formal workers, 1200 travel agent workers, and 2600 tourism transport drivers and crews in Yogyakarta. In addition, tourism workers are vulnerable due to low and informal protection.

The studies on the correlation between employment and subjective well-being con-

ducted in Asia resemble those conducted in Europe. In China, informal workers have lower subjective well-being than formal workers [10]. Huang et al reported that the other factors contributing to the low level of subjective well-being are the vulnerability of informal jobs, economic conditions (income and working hours), human capital, social capital (perceptions of social justice and community attachment), and urban environment [10]. Correspondingly, a study by Karabchuk and Soboleva on 27 European countries showed that informal jobs negatively affected the workers’ subjective well-being [17]. Moreover, the study reported that the relatively strict EPL (Employment Protection Legislation) had caused dissatisfaction among the informal workers. Both studies by Huang et al, and Karabchuk and Soboleva support the phenomenon of work vulnerability and harmful regulation in Yogyakarta and how they affect the informal worker’s subjective well-being [10; 17].

Fig. 8. Indonesia’s Happiness Index Rating (Per-Province) on Income/Salary in 2021 Source: Indonesia Statistics (2022)

Occupation highly correlates with society’s income. However, in Yogyakarta, low income does not necessarily result in an unsatisfied and unhappy society. Fig. 8 shows that Yogyakarta citizens are satisfied and happy with their income. On a national scale, out of 38 provinces in Indonesia, Yogyakarta’s happiness index on income is in the ninth place and goes into the first quadrant. Yogyakarta’s living standard is lower than other provinces despite the decrease in employment during the pandemic. In addition, the social and cultural capitals of its citizens are secure. With the traditional principle of “*nrimo*” (accepting reality as it is), the citizens do not impose materialistic urges on themselves.

Income affects society’s subjective well-being. However, income rate does not directly proportional to subjective well-being. Studies by Yu and Chen, and Reyes-García et al reported contradictions in the economic paradigm, which considers that the economic rate determines society’s quality of life [38;

52]. Yu and Chen found that subjective well-being will positively associate with income insofar as the social quality of the citizens is high enough to suppress negative emotions [52]. In addition, Reyes-García et al reported that the subjective well-being rate of rural society with relatively low income is similar to the one with absolute income in a country with a well-established economy [38]. They also stated that social comparison affects the subjective well-being rate in rural societies with relatively low incomes.

Conclusions

Eventually, beyond GDP proves that the GDP factor is only partially credible in measuring society’s well-being and this shows weakness through claims of failure in the context of fulfilling policy aspirations (this is especially in the process of accommodating public interests and participation). This condition is no exception in Yogyakarta Province with different values from several other

provinces in Indonesia. This fact generates several assumptions. The first assumption is that the economic indicator has limited reach in representing well-being. Second, greater attention to social aspects in development occurs. Third, the happiness index represents the need for a progressive society indicator. People have various ways of interpreting happiness. They do not stick to specific conditions regardless of their Material possessions of GDP. The indicators used by each tribe, race, religion, and group in interpreting happiness are heterogeneous.

In conclusion, based on the variations of happiness meaning and theories, the measurement of happiness has three characteristics: objective, subjective, and psychological. The objective nature of happiness may refer to the objective list theory [37]. Meanwhile, Sen's most famous measurement is the capability approach [44]. In addition, subjective measurement is developed through a subjective assessment approach regarding the experienced situation, while psychological measurement adopts the theory-based approach regarding happiness pioneered

by Carol Ryff. The theory proposes three domains in measuring happiness: personal growth, life span development perspective, and positive mental health. In other practice, Martin Seligman developed the concept of Positive Psychology.

Furthermore, based on SPTK (Happiness Level Measurement Survey) data in 2014 and 2017 regarding the role of domain satisfaction in predicting happiness in Indonesia, the variables negatively affecting happiness are men, age, singlehood, low level of education, rural living, and low family income. On the contrary, the variables positively affecting happiness are women, high level of education, urban living, high family income, social relations, and satisfaction domains. In conducting studies regarding happiness in the Special Region of Yogyakarta, it is vital to identify aspects that still need to be integrated with the planning documents. Additionally, it is essential to conduct studies regarding the province's specialty on happiness, e.g., the studies of the Mental Development Bureau of the Special Region of Yogyakarta in welcoming inclusiveness.

References

1. Almeida L.D.A., Gomes R.C. The process of public policy: literature review, theoretical reflections and suggestions for future research. *Cadernos EBAPE. BR*, 2018. Vol. 16, no. 3, pp. 444–455. DOI:10.1590/1679-395164108
2. Chiong C., Lim L. Seeing families as policy actors: exploring higher-order thinking reforms in Singapore through low-income families' perspectives. *Journal of Education Policy*, 2022. Vol. 37, no. 2, pp. 205–225. DOI:10.1080/02680939.2020.1777468
3. Clark W.A.V., Yi D., Huang Y. Subjective well-being in China's changing society. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2019. Vol. 116, no. 34, pp. 16799–16804. DOI:10.1073/pnas.1902926116
4. Diener E., Lucas R., Schimmack U., Helliwell J. *Well-Being for Public Policy*. Oxford University Press New York, 2009. 244 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195334074.001.0001
5. Dolan P., White M.P. How Can Measures of Subjective Well-Being Be Used to Inform Public Policy? *Perspectives on Psychological Science*, 2007. Vol. 2, no. 1, pp. 71–85. DOI:10.1111/j.1745-6916.2007.00030.x
6. Dye T.R. *Understanding Public Policy* (fifteenth edition). Prentice Hall, 2021. 338 p.
7. Fabian M., Alexandrova A., Coyle D., Agarwala M., Felici M. Respecting the subject in wellbeing public policy: beyond the social planner perspective. *Journal of European Public Policy*, 2022, pp. 1–24. DOI:10.1080/13501763.2022.2093947
8. Fahmi F.Z., McCann P., Koster S. Creative economy policy in developing countries: The case of Indonesia. *Urban Studies*, 2017. Vol. 54, no. 6, pp. 1367–1384. DOI:10.1177/0042098015620529

9. Goodman F.R., Disabato D.J., Kashdan T.B., Kauffman S.B. Measuring well-being: A comparison of subjective well-being and PERMA. *The Journal of Positive Psychology*, 2018. Vol. 13, no. 4, pp. 321–332. DOI:10.1080/17439760.2017.1388434
10. Huang G., Yang Y., Lei Y., Yang J. Differences in Subjective Well-Being between Formal and Informal Workers in Urban China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 20, no. 1, pp. 149–163. DOI:10.3390/ijerph20010149
11. Irianti S., Prasetyoputra P. Rural-Urban Disparities in Access to Improved Sanitation in Indonesia: A Decomposition Approach. *SAGE Open*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 1–9. DOI:10.1177/21582440211029920
12. Jayawickreme E., Forgeard M.J.C., Seligman M.E.P. The Engine of Well-Being. *Review of General Psychology*, 2012. Vol. 16, no. 4, pp. 327–342. DOI:10.1037/a0027990
13. Jiang Y., Chen L., Xie Y., Li Y., Li T. Subjective Well-Being of Historical Neighborhood Residents in Beijing: The Impact on the Residential Environment. *Sustainability*, 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 1–13. DOI:10.3390/su15031847
14. Kahneman D., Diener E., Schwarz N. Foundations of Hedonic Psychology (D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz, Eds.). Russell Sage Foundation, 1999. 608 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610443258> (Accessed 31.12.2022).
15. Kahneman D., Krueger A.B., Schkade D., Schwarz N., Stone A. Toward National Well-Being Accounts [Electronic resource]. *The American Economic Review*, 2004. Vol. 94, no. 2, pp. 429–434. URL: <http://www.jstor.org/stable/3592923> (Accessed 31.12.2022).
16. Kapoor A., Debroy B. GDP Is Not a Measure of Human Well-Being [Electronic resource]. Harvard Business Review. URL: <https://hbr.org/2019/10/gdp-is-not-a-measure-of-human-well-being> (Accessed 31.12.2022).
17. Karabchuk T., Soboleva N. Temporary Employment, Informal Work and Subjective Well-Being Across Europe: Does Labor Legislation Matter? *Journal of Happiness Studies*, 2020. Vol. 21, no. 5, pp. 1879–1901. DOI:10.1007/s10902-019-00152-4
18. Lawrence E.M., Rogers R.G., Wadsworth T. Happiness and longevity in the United States. *Social Science & Medicine*, 2015. Vol. 145, pp. 115–119. DOI:10.1016/j.socscimed.2015.09.020
19. Layard R., Clark A.E., Cornaglia F., Powdthavee N., Vernoit J. What Predicts a Successful Life? A Life-Course Model of Well-Being. *The Economic Journal*, 2014. Vol. 124, no. 580, pp. 720–738. DOI:10.1111/eoj.12170
20. Li J., Yu S., Xu Z. Does environmental pollution weaken the positive effect of government public expenditure on residents' subjective well-being? A case study in China. *Energy & Environment*, 2022. 0958305X2210794. DOI:10.1177/0958305X221079424
21. Liu Y., Dijst M., Geertman S. The subjective well-being of older adults in Shanghai: The role of residential environment and individual resources. *Urban Studies*, 2017. Vol. 54, no. 7, pp. 1692–1714. DOI:10.1177/0042098016630512
22. MacKerron G. HAPPINESS ECONOMICS FROM 35000 FEET. *Journal of Economic Surveys*, 2012. Vol. 26, no. 4, pp. 705–735. DOI:10.1111/j.1467-6419.2010.00672.x
23. MacKerron G., Mourato S. Happiness is greater in natural environments. *Global Environmental Change*, 2013. Vol. 23, no. 5, pp. 992–1000. DOI:10.1016/j.gloenvcha.2013.03.010
24. Menghwar P.S., Daood A. Creating shared value: A systematic review, synthesis and integrative perspective. *International Journal of Management Reviews*, 2021. Vol. 23, no. 4, pp. 466–485. DOI:10.1111/ijmr.12252
25. Murphy K. The social pillar of sustainable development: a literature review and framework for policy analysis. *Sustainability: Science, Practice and Policy*, 2012. Vol. 8, no. 1, pp. 15–29. DOI:10.1080/15487733.2012.11908081
26. Nauck B., Ren Q. Coresidence with kin and subjective well-being in the transition to adulthood: A comparison of the United States, Germany, Japan and China. *Chinese Journal of Sociology*, 2021. Vol. 7, no. 1, pp. 22–47. DOI:10.1177/2057150X20984864

27. Neff K.D. Self-Compassion, Self-Esteem, and Well-Being. *Social and Personality Psychology Compass*, 2011. Vol. 5, no. 1, pp. 1–12. DOI:10.1111/j.1751-9004.2010.00330.x
28. NUMBEO. *Criminalidad en Yogyakarta* [Electronic resource]. URL: <https://www.numbeo.com/crime/in/Yogyakarta> (Accessed 13.02.2023).
29. Odugbesan J.A., Rjoub H. Relationship Among Economic Growth, Energy Consumption, CO₂ Emission, and Urbanization: Evidence From MINT Countries. *SAGE Open*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–15. DOI:10.1177/2158244020914648
30. OECD. *How's Life? 2013*. OECD, 2013. 212 p. DOI:10.1787/9789264201392-en
31. OECD. *How's Life? 2020*. OECD, 2020. 247 p. DOI:10.1787/9870c393-en
32. Okulicz-Kozaryn A., Valente R.R. Livability and Subjective Well-Being Across European Cities. *Applied Research in Quality of Life*, 2019. Vol. 14, no. 1, pp. 197–220. DOI:10.1007/s11482-017-9587-7
33. Paillard-Borg S., Hallberg D. The Other Side of the Mirror: An Analytic Journalistic Approach to the Subjective Well-Being of Filipino Women Migrant Workers in Japan. *SAGE Open*, 2018. Vol. 8, no. 1. DOI:10.1177/2158244018757288
34. Phibbs P., Gurran N. The role and significance of planning in the determination of house prices in Australia: Recent policy debates. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 2021. Vol. 53, no. 3, pp. 457–479. DOI:10.1177/0308518X21988942
35. Piosang T., Grimes A. Trust in institutions and subjective well-being: Evidence from the Philippines. *Asian Politics & Policy*, 2022. Vol. 14, no. 4, pp. 490–517. DOI:10.1111/aspp.12664
36. Radhakrishna R. Happiness and Well-being Indicators: An Expository Note. *The Indian Economic Journal*, 2015. Vol. 63, no. 2, pp. 171–179. DOI:10.1177/0019466220150201
37. Ranis G., Stewart F., Samman E. Human Development: Beyond the Human Development Index. *Journal of Human Development*, 2006. Vol. 7, no. 3, pp. 323–358. DOI:10.1080/14649880600815917
38. Reyes-García V., Babigumira R., Pyhälä A., Wunder S., Zorondo-Rodríguez F., Angelsen A. Subjective Wellbeing and Income: Empirical Patterns in the Rural Developing World. *Journal of Happiness Studies*, 2016. Vol. 17, no. 2, pp. 773–791. DOI:10.1007/s10902-014-9608-2
39. Rizaty M.A. Destinasi Wisata Lokal yang Paling Ingin Dikunjungi Responden saat Liburan [Local Tourist Destinations Respondents Most Want to Visit on Vacation] [Electronic resource]. Katadata: Databooks. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2022/06/23/7-destinasi-wisata-lokal-yang-paling-diminati-warga-bali-juara> (Accessed 23.06.2022).
40. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989. Vol. 57, no. 6, pp. 1069–1081. DOI:10.1037/0022-3514.57.6.1069
41. Sachs J.D. From Millennium Development Goals to Sustainable Development Goals. *The Lancet*, 2012. Vol. 379, no. 9832, pp. 2206–2211. DOI:10.1016/S0140-6736(12)60685-0
42. Schofield J. Time for a revival? Public policy implementation: a review of the literature and an agenda for future research. *International Journal of Management Reviews*, 2001. Vol. 3, no. 3, pp. 245–263. DOI:10.1111/1468-2370.00066
43. Seligman M.E.P. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. In *Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being*. Free Press, 2011. 368 p.
44. Sen A. On ethics and economics. OUP Catalogue, 1999. 148 p.
45. Senik C. Wealth and happiness [Electronic resource]. *Oxford Review of Economic Policy*, 2014. Vol. 30, no. 1, pp. 92–108. URL: <http://www.jstor.org/stable/43664595> (Accessed 28.12.2022).
46. Stiglitz J.E. The Stiglitz Report: Reforming the international monetary and financial systems in the wake of the global crisis. The New Press, 2010. 204 p.
47. Street M. Theorising child well-being: Towards a framework for analysing Early Childhood Education policy in England. *Journal of Early Childhood Research*, 2021. Vol. 19, no. 2, pp. 211–224. DOI:10.1177/1476718X20969841

48. Tan J.J.X., Kraus M.W., Carpenter N.C., Adler N.E. The association between objective and subjective socioeconomic status and subjective well-being: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 2020. Vol. 146, no. 11, pp. 970–1020. DOI:10.1037/bul0000258
49. Veenhoven R. Cross-national differences in happiness: Cultural measurement bias or effect of culture? *International Journal of Wellbeing*, 2012. Vol. 2, no. 4, pp. 333–353. DOI:10.5502/ijw.v2.i4.4
50. Vik M.H., Carlquist E. Measuring subjective well-being for policy purposes: The example of well-being indicators in the WHO “Health 2020” framework. *Scandinavian Journal of Public Health*, 2018. Vol. 46, no. 2, pp. 279–286. DOI:10.1177/1403494817724952
51. Walt G., Gilson L. Reforming the health sector in developing countries: the central role of policy analysis. *Health Policy and Planning*, 1994. Vol. 9, no. 4, pp. 353–370. DOI:10.1093/heapol/9.4.353
52. Yu Z., Chen L. Income and Well-Being: Relative Income and Absolute Income Weaken Negative Emotion, but Only Relative Income Improves Positive Emotion. *Frontiers in Psychology*, 2016. Vol. 7, pp. 1–6. DOI:10.3389/fpsyg.2016.02012
53. Yudhistira M.H., Sofiyandi Y., Indriyani W., Pratama A.P. Heterogeneous effects of visa exemption policy on international tourist arrivals: Evidence from Indonesia. *Tourism Economics*, 2021. Vol. 27, no. 4, pp. 703–720. DOI:10.1177/1354816619897150

Information about the authors

Sofjan Aripin, Doctoral in Public Administration, Associate Professor, Lecturer in Public Administration Doctoral School in Universitas Terbuka, South Tangerang, Banten, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8114-0069>, e-mail: sofjan@ecampus.ut.ac.id

Adi Cilik Pierewan, PhD in Sociology Science, Professor Assistant, Lecturer in Universitas Negeri Yogyakarta, Yogyakarta, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4381-5106>, e-mail: adi.pierewan@postgrad.manchester.ac.uk

Susanti Susanti, Doctoral in Public Administration, Associate Professor, Chair of Public Administration Doctoral School in Universitas Terbuka, South Tangerang, Banten, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9704-5157>, e-mail: susanti@ecampus.ut.ac.id

Indra Pratama Putra Salmon, MPA in Public Administration, Professor Assistant, Lecturer in Public Administration Study Program in Universitas Terbuka, South Tangerang, Banten, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3517-9074>, e-mail: indrapratama@ecampus.ut.ac.id

Информация об авторах

Арифин Софьян, доктор наук в области государственного управления, доцент, преподаватель докторской школы государственного управления, Университет Тербука, г. Южный Тангеранг, Бантен, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8114-0069>, e-mail: sofjan@ecampus.ut.ac.id

Пиереван Ади Чилик, кандидат социологических наук, доцент, преподаватель, Университет Негери Джокьякарты, Джокьякарта, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4381-5106>, e-mail: adi.pierewan@postgrad.manchester.ac.uk

Сусанти Сусанти, доктор наук в области государственного управления, доцент, председатель докторской школы государственного управления, Университет Тербука, г. Южный Тангеранг, Бантен, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9704-5157>, e-mail: susanti@ecampus.ut.ac.id

Салмон Индра Пратама Путра, магистр государственного управления, доцент, преподаватель кафедры государственного управления, Университет Тербука, г. Южный Тангеранг, Бантен, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3517-9074>, e-mail: indrapratama@ecampus.ut.ac.id

Получена 07.03.2023

Received 07.03.2023

Принята в печать 19.06.2023

Accepted 19.06.2023

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Ценностно-интенциональные механизмы и стратегии социально-психологической адаптации юношей к условиям военно-образовательной среды

Голянич В.М.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»
(ФГБОУ ВО СПбГИК), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8118-761X>, e-mail: golyanich58@mail.ru**

Бондарук А.Ф.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»
(ФГБОУ ВО СПбГИК), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6549-6399>, e-mail: bondaruk59@bk.ru**

Ходаковская О.В.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»
(ФГБОУ ВО СПбГИК), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4866-5349>, e-mail: olga-khodakovskaya@yandex.ru**

Цель. Изучение ценностно-интенциональных механизмов и стратегий социально-психологической адаптации юношей к условиям военно-образовательной среды.

Контекст и актуальность. Систему ценностей и направленность личности рассматривают в качестве центрального элемента процесса социально-психологической адаптации. Значимость ценностно-мотивационных факторов в детерминации отдельных видов социального поведения человека (креативности, агрессивных и проэкологических поступков, политической активности и др.) показана в ряде исследований. Вместе с тем практически не исследованными остаются конкретные ценностно-интенциональные детерминанты и механизмы социально-психологической адаптации к различным условиям профессиональной и образовательной среды. В настоящем исследовании решалась задача выявления информативных ценностно-интенциональных механизмов адаптации к условиям военно-образовательной среды.

Дизайн исследования. В качестве экспериментальной модели использовали процесс социально-психологической адаптации юношей к условиям обучения на первом курсе высшего военного учебного заведения (ВВУЗ). Параметры ценностно-интенциональной системы курсантов оценивали в динамике: первое исследование (1 этап) проводилось на 2–3-й день после поступления в ВВУЗ, второе (2 этап) — в конце первого месяца обучения и третье (3 этап) — после окончания первого курса.

Участники. Обследовано 120 юношей, которые в течение 1 года находились в одинаковых социальных условиях образовательной военно-профессиональной среды: их режим учебной деятельности и досуга, а также характер профессиональных и межличностных взаимоотношений были схожими.

Методы (инструменты). Для изучения системы ценностей личности использовался опросник Ш. Шварца (SVS и PVQ), а для оценки эффективности адаптации респондентов — многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), методики «Нервно-психическая адаптация» (И.Н. Гурвич) и «Самооценка психоэмоционального состояния» СУПОС-8 (О. Микшек, в модификации В.А. Кулганова). Статистическая обработка данных осуществлялась с применением программы SPSS 22.0. Рассчитывались Т-критерий и U-критерий, проводились корреляционный, факторный и регрессионный виды анализа.

Результаты. Установлено, что у юношей с высокой и низкой эффективностью адаптации к условиям военно-образовательной среды реализуются, соответственно, группоцентрическая и эгоцентрическая ценностно-интенциональные стратегии социальной адаптации, каждая из которых репрезентируется различными изменениями параметров системы ценностей.

Основные выводы. Эгоцентрическая ценностно-интенциональная стратегия социально-психологической адаптации у респондентов с низкой ее эффективностью реализуется следующими механизмами: повышением значимости эгоцентрических мотивов в ущерб группоцентрическим; переструктурированием ценностной иерархии на обоих уровнях ценностной репрезентации с усилением интенций к чувственным удовольствиям, независимости и социальному доминированию; формированием ценностной оппозиции «безопасность—самостоятельность» при равновеликости конкурирующих в ней мотивов; возникновением рассогласованности между ценностно-нормативными и мотивационно-поведенческими уровнями ценностной репрезентации. Основными механизмами группоцентрической ценностно-интенциональной стратегии социально-психологической адаптации у респондентов с высокой ее эффективностью являются: сохранение устойчивости иерархии системы ценностей с доминированием на всех этапах адаптации установок на безопасно-доброжелательные и конформные взаимоотношения в социальной группе; восстановление к окончанию процесса адаптации согласованности между ценностно-нормативными и мотивационно-поведенческими уровнями ценностной репрезентации; формирование динамически устойчивой ценностной оппозиции «достижения-доброта» при равновеликости вовлеченных в нее мотивов.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация; ценностные ориентации; ценностные противоречия; ценностно-интенциональная стратегия.

Для цитаты: Голянич В.М., Бондарук А.Ф., Ходаковская О.В. Ценностно-интенциональные механизмы и стратегии социально-психологической адаптации юношей к условиям военно-образовательной среды // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 169–192. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140211>

Value-Intentional Mechanisms of Socio-Psychological Adaptation to the Conditions of the Military Educational Environment in Adolescence

Valery M. Golyanich

Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8118-761X>, e-mail: golyanich58@mail.ru

Alexander F. Bondaruk

Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6549-6399>, e-mail: bondaruk59@bk.ru

Olga V. Khodakovskaia

Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4866-5349>, e-mail: olga-khodakovskaya@yandex.ru

Objective. *The paper is devoted to the study of the value-intentional mechanisms and strategies of socio-psychological adaptation of young men to the conditions of the military educational environment.*

Background. *The system of values and orientation of the individual is considered as a central element of the process of socio-psychological adaptation. The significance of value-motivational factors in determining certain types of human social behavior (creativity, aggressive and pro-environmental actions, political activity, etc.) has been shown in several studies. At the same time, specific value-intentional determinants, and mechanisms of socio-psychological adaptation to various conditions of the professional and educational environment remain practically unexplored. The task of the present study was to identify informative value-intentional mechanisms of adaptation to the conditions of the military educational environment.*

Study design. *The process of socio-psychological adaptation of young men to the conditions of a military institute was used as an experimental model. The respondents' value system was assessed in the longitudinal study for three times: upon admission (Stage 1), one month later (Stage 2), and one year after admission (Stage 3) to the institute. The effectiveness of the process of socio-psychological adaptation was determined at the 2nd and 3rd stages of the study.*

Participants. *120 young men took part in all stages of the study. The respondents were in the same social conditions of the educational military-professional environment during the entire period of the study: their regime of educational activities and leisure, as well as the nature of professional and interpersonal relationships were similar.*

Measurements. *The S. Schwartz survey was used for the studying of the value system of the individual ("Schwartz Value Survey" (SVS) and "Portrait Value Questionnaire" (PVQ). The multi-level personality survey "Adaptiveness" (A.G. Maklakov, S.V. Chermianin), methods "Neuro-psyhic Adaptation" (I.N. Gurvich) and "Self-assessment of the Psycho-emotional State" SUPOS-8 (O. Mikshek, modified by V.A. Kulganov) were used for assessing of the adaptation efficiency. Statistical data processing was carried out using the SPSS 22.0 program: a statistical analysis of differences was carried out according to the Wilcoxon's T-test and Mann-Whitney U-test; correlation, factorial, regression types of analysis were applied.*

Results. *It has been established that young men with high and low efficiency of adaptation to the conditions of the military educational environment implement, respectively, group-centric, and egocentric value-intentional strategies of socio-psychological adaptation. Each of these strategies is represented by different value-intentional mechanisms.*

Conclusions. *The egocentric value-intentional strategy of socio-psychological adaptation among respondents with its low efficiency is implemented by the following mechanisms: an increase in the importance of egocentric motives to the detriment of group-centric ones; restructuring of the value hierarchy at both levels of value representation with increased intentions for sensual pleasures, independence and social dominance; the formation of the value opposition "security-independence" with the equal magnitude of competing motives in it; the emergence of a mismatch between the value-normative and motivational-behavioral levels of value representation. The main mechanisms of the group-centric value-intentional strategy of socio-psychological adaptation among respondents with its high efficiency are: maintaining the stability of the hierarchy of the value system with dominance at all stages of adaptation of attitudes towards safe-friendly and conformal relationships in a social group; restoration by the end of the adaptation process of consistency between the value-normative and motivational-behavioral levels of value representation; the formation of a dynamically stable value opposition "achievement-kindness" with the equal magnitude of the motives involved in it.*

Keywords: *value orientations; value-intentional strategy; intrapersonal value contradictions; socio-psychological adaptation.*

For citation: Golyanich V.M., Bondaruk A.F., Khodakovskaia O.V. Value-Intentional Mechanisms of Socio-Psychological Adaptation to the Conditions of the Military Educational Environment in Adolescence. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 169–192. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140211> (In Russ.).

Введение

В психологии термином «механизм» обозначают те или иные закономерные психические изменения, инициированные влиянием различных психологических факторов и средств [34]. Активация механизмов социально-психологической адаптации происходит в условиях новой адаптивной ситуации, предполагающей высокую вероятность возникновения у субъекта внутренней напряженности и потребности в поиске путей выхода из состояния дискомфорта [41]. Указанная потребность реализуется в виде адаптивных стратегий, крайними вариантами которых считают стратегии пассивного приспособления индивида к изменяющимся условиям социальной среды [20] и стратегии активного влияния субъекта на социальную среду [26; 33]. Е.Ю. Двойникова предлагает выделять конструктивные и деструктивные стратегии социально-психологической адаптации личности [13].

Вне зависимости от адаптационной стратегии центральным звеном механизмов социально-психологической адаптации считают личностную систему ценностей, которая формируется в ходе интериоризации человеком социальных ценностей и оказывает влияние на его поведение в течение всей жизни [10; 14; 16; 23; 28; 37]. Зависимость различных видов социального поведения человека (креативности, агрессивных поступков, проэкологического поведения, политической активности) от его ценностных характе-

ристик показана в ряде исследований [14; 42; 43; 46; 51; 55]. Эта связь объясняется по-разному: стремлением индивида поддерживать согласованность поведения с собственными убеждениями; желанием соответствовать своим жизненным целям и мировоззренческим ориентирам; побуждением объективизировать собственные ценности [43; 44; 48; 49].

Как элемент структуры личности ценности отражаются в сознании человека в форме ценностных ориентаций [16], характеризующих его внутреннюю готовность к совершению определенной социальной деятельности и осуществляющих психическую регуляцию межличностных взаимоотношений [37], а также определяющих направленность поведения субъекта [24]. Считают, что «система ценностей обеспечивает способность сознания меняться в соответствии с изменением социальной реальности, играя важную роль в адаптации к социальным изменениям и формировании отношения к ним» [2]. Полагают также, что «ценностные ориентации, как компоненты высшего интегрирующего уровня самосознания, играют ведущую роль в процессе саморегуляции и адаптации личности, обуславливая выбор средств для достижения цели и направляя субъекта как на реализацию определенных отношений, так и на определенную деятельность» [27]. В оригинальной концепции Ш. Шварца ценности рассматриваются как некие (часто неосознаваемые) критерии вы-

бора и оценки человеком своих и чужих поступков [54], а наиболее существенным содержательным различием между ценностями является тип мотивирующих целей, с которыми эти ценности ассоциированы [53].

Многокомпонентность системы ценностных ориентаций обуславливает возможность формирования в ценностно-мотивационной сфере различных внутриличностных конфликтов вследствие возникновения противоречий как между отдельными ценностями (ценностный конфликт) или мотивами (мотивационный конфликт), так и в отношениях «ценность—мотив» (ценностно-мотивационный конфликт) [6; 9; 15; 16; 31; 36; 50]. В ряде исследований показана детерминирующая роль ценностных противоречий в механизмах конструктивного развития личности [17; 35], возникновения агрессивных [3], невротических [30; 45] и кризисных [19] состояний.

Образовательная среда, являясь одним из ведущих условий развития личности, предоставляет человеку возможность идентифицировать себя в социуме, удовлетворить собственные социальные и идеальные потребности, воспринимая содержание образования как личностную ценность [5; 39]. Образовательная военно-профессиональная среда имеет свою специфику, проявляющуюся значительными эмоциональными и физическими нагрузками, унифицированными условиями обучения и быта, жесткой системой управления и наличием существенных социальных ограничений [1]. Межличностные интеракции в этой среде характеризуются иерархичностью (неравенством социальных статусов), категоризацией (разделением военнослужащих на различные категории), специфическими нормами и ценностями, высокой ежедневной интенсивностью и

теснотой взаимодействия [12]. Перечисленные обстоятельства позволяют рассматривать их в качестве универсальной модели для исследования закономерностей и механизмов социально-психологической адаптации. В различных эмпирических исследованиях показано, что социально-психологическая адаптация к условиям военно-профессиональной среды завершается к концу первого года [7; 21]. При этом выделяют начальный (первые 3—4 недели), промежуточный (после 6 месяцев обучения) и завершающий (последние месяцы первого года обучения) этапы такого процесса адаптации [32].

Целью настоящего исследования являлся анализ ценностно-интенциональных механизмов и стратегий социально-психологической адаптации юношей к условиям военно-образовательной среды.

Метод

Схема проведения исследования.

Систему ценностей у респондентов оценивали в течение первого года обучения в ВВУЗе трижды: первое исследование (1 этап) проводилось на 2—3-й день после поступления в ВВУЗ, второе (2 этап) — в конце первого месяца обучения и третье (3 этап) — после окончания первого курса. Успешность адаптации оценивали дважды: на 2-м и 3-м этапах исследования. Психодиагностические исследования проводились в стандартных для всех респондентов условиях.

Выборка. В исследовании приняли участие 120 молодых мужчин ($M = 17,48$ лет; $d = \pm 0,93$), которые находились в одинаковых социальных условиях высшего военно-учебного заведения командного профиля: их режим учебной деятельности и досуга, а также характер профессиональных и межличностных взаимоотношений были схожими.

Методики. Параметры ценностно-интенциональной сферы определяли с применением методики Ш. Шварца на уровнях нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов [18; 50; 53]. По каждому показателю рассчитывались средние значения с последующим проведением процедуры их «центрирования» [52] и ранжирования. При анализе динамики ранговых значений учитывалась позиция ценностей в их иерархии [29], включающей ценности высшего («ядро» с первого по третий ранги), среднего («структурный резерв» — четвертый и пятый ранги), ниже среднего («ценностная периферия» — шестой и седьмой ранги) и низшего статусов (с восьмого по десятый ранги). Выраженность ценностно-мотивационного конфликта определялась путем расчета ПЦС — показателя ценностно-интенциональной согласованности [8].

Оценка успешности адаптации осуществлялась с применением многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (МЛО-АМ) [25], методик «Самооценка психоэмоционального состояния» СУПОС-8 [22; 47] и «Нервно-психическая адаптация» (НПА) [11].

Статистическая обработка проводилась в программе SPSS 22.0. Рассчитывались *T*-критерий Вилкоксона (по отношению к значениям показателей предыдущего этапа) и *U*-критерий Манна-Уитни (различия между показателями лиц сопоставляемых групп). Осуществлялись корреляционный (ранговая корреляция), факторный и регрессионный (шаговый метод) виды статистического анализа.

Результаты

Установлено, что у респондентов изучаемой выборки ($n = 120$) достоверная динамика **нормативных идеалов** (см. рис. 1) определялась только за счет возрастания позиции параметра «власть» на 2-м и 3-м этапах исследования, а также

ценности «гедонизм» к концу первого года обучения. При этом на всех этапах определялось динамически устойчивое противоречие ценностей «достижения — доброта».

Динамика **индивидуальных приоритетов в целом по выборке** ($n = 120$) уже на 2-м этапе характеризовалась снижением значимости ценностей «конформность», «доброта» и «универсализм» при возрастании позиций ценностей «достижения» и «власть» (см. рис. 2). К окончанию исследования определялось дальнейшее снижение значимости ценности «конформность» при возрастании позиций ценностей «гедонизм» и «самостоятельность» (см. рис. 3).

Для выявления динамики ценностных ориентаций у лиц с различным уровнем адаптированности был рассчитан интегральный критерий психоэмоционального напряжения респондентов. В ходе факторного анализа параметров методик СУПОС-8 и НПА выделили два фактора, объясняющих 79% и 81% общей дисперсии соответственно на втором и третьем этапах исследования (см. табл. 1). Первый из них назвали фактором психоэмоционального напряжения (49% и 54% дисперсии соответственно), второй — фактором психической активности (30% и 27% дисперсии соответственно).

Представленные корреляции (см. табл. 1 и рис. 4) послужили основанием для трактовки фактора психоэмоционального напряжения как интегрального критерия эффективности адаптации [25]. Поскольку методика МЛО-АМ конструктивно ориентирована на изучение степени адаптивности, т.е. потенциальной возможности успешно адаптироваться, выявленные корреляции позволяют полагать, что степень адаптированности респондентов отчасти определяется их исходной социально-психологической адаптивностью.

По результатам квартильного разбиения значений интегрального критерия

Рис. 1. Динамика нормативных идеалов на всех этапах исследования ($n = 120$): здесь и далее (рис. 2, 3, 6, 7, 8 и 9) стрелками показана направленность значимых изменений ценностей по отношению к таковым на предыдущих этапах исследования

Рис. 2. Динамика индивидуальных приоритетов на 2-м этапе исследования ($n = 120$)

рия респонденты были отнесены к одной из трех групп: с низким, средним и высоким уровнем психоэмоционального напряжения.

В иерархии **нормативных идеалов** у респондентов с *незначительным психоэмоциональным напряжением* (см. рис. 5) в течение года обучения в ВВУЗе превалировали

Рис. 3. Динамика индивидуальных приоритетов на 3-м этапе исследования ($n = 120$)

Таблица 1

**Первичные статистики и результаты факторного анализа ($N = 120$)
параметров методик НПА и СУПОС-8**

Показатель*	Первичные статистические показатели		Корреляция		Факторный анализ**				
	Второй этап	Третий этап			Факторная структура второго этапа исследования		Факторная структура третьего этапа исследования		
	$M \pm \delta$	$M \pm \delta$	r_s	p	фактор 1 (49%)	фактор 2 (30%)	фактор 1 (54%)	фактор 2 (27%)	
СУПОС-8	<i>P</i>	16,6 ± 4,8	14,6 ± 4,8	0,62	≤ 0,001		0,75		0,54
	<i>E</i>	17,0 ± 5,2	14,9 ± 5,2	0,61	≤ 0,001		0,84		0,63
	<i>A</i>	12,5 ± 3,4	11,4 ± 3,6	0,65	≤ 0,001		0,90		0,90
	<i>O</i>	4,9 ± 3,5	6,8 ± 4,1	0,64	≤ 0,001	0,80		0,85	
	<i>N</i>	5,6 ± 4,3	7,3 ± 4,9	0,65	≤ 0,001	0,91		0,71	
	<i>U</i>	3,7 ± 3,4	5,3 ± 4,6	0,77	≤ 0,001	0,88		0,90	
	<i>D</i>	5,5 ± 4,7	7,4 ± 5,8	0,63	≤ 0,001	0,78		0,88	
	<i>S</i>	8,1 ± 3,2	8,9 ± 2,1	0,71	≤ 0,001	0,78		0,92	
НПА	9,7 ± 8,7	15,4 ± 9,3	0,64	≤ 0,001	0,69		0,93		

Примечания: * – Шкалы методик: *P* – психическое спокойствие, *E* – ощущение силы и энергии, *A* – стремление к действию, *O* – импульсивная реактивность, *N* – психическое беспокойство, *U* – страх, тревога и опасения, *D* – подавленность и апатия, *S* – удрученность и вялость, *НПА* – суммарный индекс методики НПА. ** – в скобках указаны доли дисперсий первого и второго факторов.

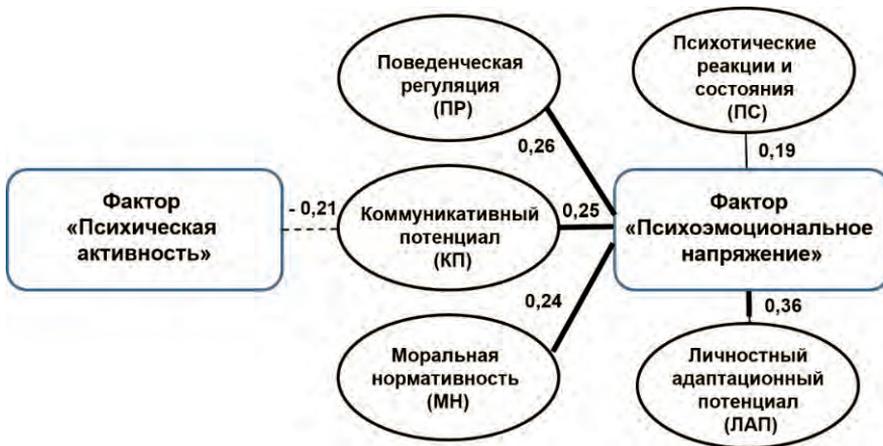

Рис. 4. Рис. 4. Корреляционные связи факторов психоэмоционального напряжения и психической активности с показателями методики МЛО-АМ ($n = 120$): здесь и на рис. 10 сплошная линия — положительные корреляции, пунктирная линия — отрицательные корреляции, жирная линия — $p \leq 0,01$, тонкая линия — $p \leq 0,05$.

ценности «безопасность», «конформность» и «доброта». У респондентов с *высоким уровнем психоэмоционального напряжения* изменения в иерархии нормативных идеалов (см. рис. 6) возникли к концу первого года обучения. Если на первых этапах у них в «ядре» превалировали ценности «безопасность», «достижения» и «конформность», то на третьем этапе происходили изменения как на уровне доминирующих ценностей за счет возрастания позиции параметра «гедонизм» с седьмого ранга до третьего, так и на уровнях «структурного резерва» и «периферии» ценностной репрезентации в виде снижения позиций параметров «доброта» и «универсализм» при возрастании позиции ценности «власть». Установлены положительные («гедонизм» и «самостоятельность») и отрицательные («конформность» и «доброта») корреляции интегрального критерия с «центрированными» значениями нормативных идеалов (см. табл. 2). У респондентов с *низким уровнем психоэмоционального напряжения* на последних этапах исследования

более приоритетными (по U -критерию) оказались ценности «конформность» и «доброта», менее приоритетными — параметры «самостоятельность» и «гедонизм».

В иерархии **индивидуальных приоритетов** на втором этапе изменения отмечались только у лиц с *высоким уровнем психоэмоционального напряжения*, у которых в этот период определялось переструктурирование ценностных показателей как в системе доминирующих ценностей, так и на уровне ценностей «нижнего статуса» (см. рис. 7). Так, у этих лиц отмечалось возрастание позиций параметров «достижения» (с шестого до второго ранга), «власть» и «гедонизм», а также снижение позиции параметра «доброта» (со второго до шестого ранга). На заключительном этапе исследования (см. рис. 8) у этих респондентов отмечалось снижение значимости ценностей «конформность» (со второй до пятой позиции) и «универсализм» (с пятого до девятого ранга), возрастание позиций параметров «самостоятельность» (с четвертого до первого ранга) и «гедо-

Рис. 5. Динамика нормативных идеалов у респондентов с низким уровнем психоэмоционального напряжения ($n = 30$)

Рис. 6. Динамика нормативных идеалов у респондентов с высоким уровнем психоэмоционального напряжения ($n = 30$)

низм» (с девятого до третьего ранга), а также формировалась ценностная оппозиция «безопасность-самостоятельность». У респондентов с *низким уровнем психоэмоционального напряжения* на заключительном

этапе в иерархии индивидуальных приоритетов отмечалось только возрастание позиции ценности «достижения», что привело к формированию ценностной оппозиции «достижения-доброта» (см. рис. 9).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции значений критерия психоэмоционального напряжения с параметрами нормативных идеалов (N = 120)

№ п/п	Ценности на уровне нормативных идеалов	Второй этап исследования	Третий этап исследования
1	Конформность	-0,20*	-0,24**
2	Доброта	-0,21*	-0,18*
3	Самостоятельность	0,18*	
4	Гедонизм	0,19*	0,31**

Примечания: * – статистическая значимость корреляций на уровне $p \leq 0,05$; ** – статистическая значимость корреляций на уровне $p \leq 0,01$.

На втором этапе исследования у лиц с высоким уровнем адаптированности выше ранг параметра «доброта», а на третьем – параметров «доброта» и «конформность», ниже ранг параметров «самостоятельность» и «гедонизм». На третьем этапе выявленные закономерности отразились в корреляциях интегрального критерия с указанными выше показателями, а также с параметром «достижения» (см. рис. 10).

Регрессионная модель подтвердила роль параметров «самостоятельность», «достижения» и «доброта» в детерминации ($R^2 = 0,16$) интегрального критерия адаптации (уравнение 1).

$$Y_{пэ} = 0,097 + 0,387*(X_{сам}) - 0,493*(X_{дос}) - 0,416*(X_{доб}) \quad (\text{уравнение 1}),$$

где: $Y_{пэ}$ – значение фактора психоэмоционального напряжения; $X_{сам}$ – значение параметра «самостоятельность»;

Рис. 7. Динамика индивидуальных приоритетов у респондентов с высоким уровнем психоэмоционального напряжения на 2-м этапе исследования (n = 30)

Рис. 8. Динамика индивидуальных приоритетов у респондентов с высоким уровнем психоэмоционального напряжения на 3-м этапе исследования ($n = 30$)

Рис. 9. Динамика индивидуальных приоритетов у респондентов с низким уровнем психоэмоционального напряжения ($n = 30$)

$X_{дос}$ — значение параметра «достижения»;
 $X_{доб}$ — значение параметра «доброта».

Динамика ПЦС у лиц с высоким уровнем психоэмоционального напряжения

при исходном усредненном значении в 0,53 у.е. отражала его снижение на втором и третьем этапах (средние значения — 0,31 и 0,32 у.е. соответственно). У респондентов

Рис. 10. Корреляции фактора психоэмоционального напряжения с параметрами индивидуальных приоритетов на заключительном этапе исследования ($n = 120$)

же с высокой эффективностью адаптации динамика ПЦС была иной: 0,48 у.е. на первом этапе, 0,33 у.е. — на втором ($p \leq 0,05$ по сравнению с первым) и 0,45 у.е. — на третьем. При этом различия на первых этапах исследования между значениями ПЦС у респондентов сравниваемых групп были несущественными, а на последнем достигали уровня статистической значимости.

Обсуждение результатов

Динамика **нормативных идеалов** у лиц с *высоким уровнем адаптированности* (см. рис. 5) отражала устойчивость системы ценностей на всех этапах исследования и характеризовалась доминирующими установками на безопасные и гармоничные взаимоотношения в социальной группе, ограничение действий и побуждений, не соответствующих формальным социальным нормам. При этом в системе ценностей определялось динамически устойчивое противоречие «достижения-доброта» при равновеликости вовлеченных в него мотивов. У респондентов с *низким уровнем адаптированности* (см. рис. 6) в «ядре» иерархии нор-

мативных идеалов на начальных этапах превалировали: ориентация на безопасные и гармоничные отношения (безопасность), стремление к успеху (достижения) и ограничение не соответствующих социальным ожиданиям действий (конформность). К третьему этапу у последних отмечалось переструктурирование ценностной иерархии с усилением интенций к чувственным удовольствиям (гедонизм) и социальному доминированию (власть) при снижении значимости позитивных внутригрупповых (доброта) и межгрупповых (универсализм) взаимоотношений. При этом на всех этапах определялось динамически устойчивое противоречие ценностей «достижения-доброта» с преобладанием мотивированности к социально одобряемому успеху и снижением на последнем этапе значимости доброжелательных отношений.

Иерархии **индивидуальных приоритетов** у лиц сравниваемых групп на первом этапе не имели различий и характеризовались направленностью на позитивные, безопасные и конформные взаимоотношения в группе. В течение

первого месяца изменения в системе ценностей определялись только у респондентов с *низким уровнем адаптированности* (см. рис. 7), у которых отмечались разнонаправленные сдвиги в структуре доминирующих ценностей в виде усиления мотивированности к достижению личного успеха при снижении значимости доброжелательности во внутригрупповых взаимоотношениях.

Изменения в иерархии индивидуальных приоритетов у респондентов сопоставляемых групп на завершающем этапе исследования были разнонаправленными. У респондентов с *низким уровнем адаптированности* определялась перегруппировка структуры ценностного «ядра» за счет как возрастания направленности на чувственные удовольствия (гедонизм) и независимость взглядов/действий (самостоятельность), так и ослабления ориентации на ограничение действий и побуждений, не соответствующих социальным ожиданиям (конформность), что обусловило формирование в структуре доминирующих индивидуальных приоритетов ценностной оппозиции «безопасность—самостоятельность» при равновеликости конкурирующих в ней мотивов (см. рис. 8). Результаты корреляционного и регрессионного анализа подтвердили детерминирующую роль механизма усиления эгоцентрической мотивированности к независимости мыслей/действий в формировании у этих респондентов дезадаптивных состояний. У респондентов с *высоким уровнем адаптированности* (см. рис. 9) на третьем этапе исследования отмечалось значительное возрастание мотивированности к социально одобряемым достижениям при сохранении устойчивой ориентации на позитивные гармоничные и безопасные внутригрупповые взаимоотношения, что привело к

формированию отсутствовавшей ранее ценностной оппозиции «достижения-доброта» при равновеликости вовлеченных в нее мотивов. Результаты корреляционного и регрессионного анализа подтвердили детерминирующую роль в успешности адаптации механизмов усиления группоцентрической мотивированности к доброжелательным внутригрупповым отношениям и социально одобряемой устремленности к достижениям, а также формирования ценностного противоречия «достижения-доброта».

Важным механизмом адаптации следует считать сохранение ценностно-мотивационной целостности личности, определяемой с помощью ППС. Очевидно, что у лиц с низкой эффективностью адаптации возникающая на начальном этапе рассогласованность между мировоззренческими идеалами и индивидуальными приоритетами оставалась таковой к завершению исследования. У респондентов же с высокой степенью адаптированности рассогласованность первых недель нивелировалась к завершению процесса адаптации. Возникающая в условиях адаптивного напряжения ценностно-интенциональная рассогласованность представляется нам и причиной, и следствием дезадаптивных программ/стратегий человека. Ранее было показано [4], что предъявление лицам с низкой эффективностью адаптации повышенных требований социума провоцирует у них дефицитарные (апатия, вялость) и/или деструктивные (страх, тревога) психологические явления. Личностная деструктивность через механизм проекции может провоцировать враждебно-отвергающие в отношении индивида паттерны социума, а дефицитарность за счет механизма эмпатии — реакции заботливо-оберегающей опеки. Указанные деструктивно-дефицитарные предрасположенности

личности потенцируют предуготовленность к формированию психопатологических рекурсий, когда в условиях враждебно-отвергающих стимулов среды личностная деструктивность еще больше возрастает, а в условиях заботливо-опекающих влияний социума дефицитарность личности становится еще более выраженной. Деструктивно-дефицитарная рассогласованность личности в условиях напряжения механизмов психологической адаптации к требованиям социума может стать одной из определяющих детерминант процессов психопатизации, психосоматизации и/или формирования зависимого поведения [38].

В качестве значимого механизма адаптации, оказывающего как благоприятное, так и неблагоприятное влияние на ее эффективность, целесообразно рассматривать также формирование ценностных противоречий. Ранее на основании данных о существенно большем влиянии ценностных оппозиций по сравнению с совокупным влиянием других переменных аксиосферы личности была сформулирована гипотеза о доминирующей роли ценностных оппозиций в детерминации профессионального и социального поведения человека [9]. В настоящем исследовании ценностная оппозиция «достижения—доброта», отражающая противоречие между потребностью в достижении личного социально одобряемого успеха и стремлением к сохранению доброжелательных внутригрупповых отношений при равновеликости вовлеченных в нее мотивов, оказывает позитивное влияние на эффективность адаптации и рассматривается как элемент успешной ценностно-интенциональной стратегии. Диспропорция указанной оппозиции с усилением потребности в успехе в ущерб мотиву межличностной доброжелательности, по-видимому, мо-

гут ослаблять адаптационные ресурсы индивида. В свою очередь, выявленное у лиц с низким уровнем адаптированности противоречие «самостоятельность—безопасность», характеризующее конфликт между усиливающейся в процессе адаптации мотивированностью к независимости мыслей/действий и сохраняющей высокую значимость установкой на безопасные и стабильно-гармоничные взаимоотношения в группе, трактуется нами как негативная детерминанта адаптации. Усиление значимости вовлеченных в эту оппозицию мотивов при их равновеликости представляется нам важным фактором дезадаптивной ценностно-интенциональной стратегии.

Основными ценностно-интенциональными характеристиками респондентов с низкой эффективностью адаптации, таким образом, являются: стремление к когнитивно-поведенческой изоляции (самостоятельность) и избеганию угроз (безопасность); озабоченность удовлетворением собственных интересов (гедонизм) в ущерб другим (нонконформизм); обесценивание доброжелательных внутри- и межгрупповых отношений (доброта, универсализм); умеренность в стремлении к социально одобряемому успеху (достижения) и получению новой развивающей информации (стимуляция). Наиболее характерными особенностями этих респондентов следует считать формирующийся в процессе адаптации ресурсозатратный ценностный конфликт между стремлением к избеганию угрожающих ситуаций (и, следовательно, получению психологической поддержки от группы) и усиливающим тревогу (вследствие дистанцирования от психологической поддержки) побуждением к когнитивно-поведенческой независимости от этой же социальной группы, а также возникающую уже на начальных этапах

и сохраняющуюся в дальнейшем ценностно-интенциональная рассогласованность между мировоззренческими идеалами и поведенческими приоритетами.

В целом, оценивая динамику ценностных ориентаций, можно выделить следующие ценностно-интенциональные механизмы низкой эффективности социально-психологической адаптации: снижение значимости группоцентрических ценностей («социального фокуса» по Ш. Шварцу [40] — ценностей «доброта», «конформность» и «универсализм»); повышение значимости эгоцентрических мотивов («личностного фокуса» по Ш. Шварцу [40] — ценностей «достижения», «самостоятельность» и «гедонизм»); переструктурирование ценностной иерархии с усилением интенций к чувственным удовольствиям, независимости и социальному доминированию; формирование к завершению процесса адаптации в «ядре» индивидуальных приоритетов ценностной оппозиции «безопасность—самостоятельность» при равновеликости конкурирующих в ней мотивов; сохранение на всех этапах адаптации в «структурном резерве» нормативных идеалов динамически устойчивой оппозиции «достижения-доброта» с преобладанием мотивированности к социально одобряемому успеху в ущерб заботе о благополучии людей; возникновение уже на начальном этапе и сохранение в течение года адаптации ценностно-мотивационной рассогласованности между ценностно-нормативными и мотивационно-поведенческими уровнями ценностной репрезентации. Совокупность перечисленных механизмов можно трактовать как **эгоцентрическую** ценностно-интенциональную стратегию социально-психологической адаптации.

Основными ценностно-интенциональными механизмами высокой эффек-

тивности социально-психологической адаптации можно считать: сохранение устойчивости в условиях адаптационной напряженности иерархии системы ценностей; восстановление к окончанию процесса адаптации согласованности между иерархиями ценностно-нормативных и мотивационно-поведенческих уровней ценностной репрезентации; доминирование на всех этапах адаптации установок на безопасно-доброжелательные и конформные взаимоотношения в социальной группе; формирование динамически устойчивой ценностной оппозиции «достижения-доброта» при равновеликости вовлеченных в нее мотивов. Такую динамику показателей ценностно-интенциональной сферы респондентов мы трактуем как **группоцентрическую** ценностно-интенциональную стратегию социально-психологической адаптации.

Выводы

1. В течение первого года обучения в условиях военно-профессиональной среды у юношей с высокой и низкой эффективностью социально-психологической адаптации реализуются, соответственно, группоцентрическая и эгоцентрическая ценностно-интенциональные стратегии, каждая из которых репрезентируется различными ценностно-интенциональными механизмами.

2. У респондентов с низкой эффективностью социально-психологической адаптации к условиям военно-профессиональной среды эгоцентрическая стратегия реализуется следующими ценностно-интенциональными механизмами: повышением значимости эгоцентрических мотивов в ущерб группоцентрическим; переструктурированием ценностной иерархии на обоих уровнях ценностной репрезентации с усилением интенций к

чувственным удовольствиям, независимости и социальному доминированию; формированием ценностной оппозиции «безопасность—самостоятельность» при равновеликости конкурирующих в ней мотивов; возникновением рассогласованности между ценностно-нормативными и мотивационно-поведенческими уровнями ценностной репрезентации.

3. Основными ценностно-интенциональными механизмами выявленной у респондентов с высокой эффективностью социально-психологической адаптации группоцентрической стратегии являются: сохранение устойчивости иерархии системы ценностей с доминированием на всех этапах адаптации установок на безопасно-доброжелательные и конформные взаимоотношения в социальной группе; восстановление к

окончанию процесса адаптации уменьшившейся на начальном ее этапе согласованности между ценностно-нормативными и мотивационно-поведенческими уровнями ценностной репрезентации; формирование динамически устойчивой ценностной оппозиции «достижения-доброта» при равновеликости вовлеченных в нее мотивов.

3. Ценностные оппозиции оказывают и благоприятное, и неблагоприятное влияние на процессы социально-психологической адаптации. Позитивной ценностно-интенциональной детерминантой адаптации к условиям образовательной военно-профессиональной среды является ценностная оппозиция «достижения—доброта», а негативной — ценностная оппозиция «самостоятельность—безопасность».

Литература

1. *Абрамов А.П.* Институт военного образования в социальной структуре современного общества [Электронный ресурс] // Национальные приоритеты России. 2016. № 1(19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-voennogo-obrazovaniya-v-sotsialnoy-strukture-sovremenogo-obshchestva> (дата обращения: 27.03.2021).
2. *Абульханова-Славская К.А.* Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 32—43.
3. *Акимова М.К., Киселева М.К.* Внутренний ценностный конфликт как фактор агрессивности в юношеском возрасте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 49—57.
4. *Аммон Г.* Динамическая психиатрия. СПб.: Изд-во Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, 1995. 200 с.
5. *Баева И.А.* Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2002. 271 с.
6. *Бубнова С.С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система. М.: ИП РАН, 1998. 24 с.
7. *Волкова М.Г.* Адаптация курсантов военного вуза в условиях изменения социальной среды: дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2003. 239 с.
8. *Голянич В.М., Тулупьева Т.В., Шаповал В.А.* Ценностная согласованность и психодинамическая репрезентация личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12 «Психология. Педагогика. Социология». Вып. 1. С. 140—150.
9. *Голянич В.М., Бондарук А.Ф., Шаповал В.А., Тулупьева Т.В.* Ценностные противоречия как психодиагностические критерии профессиональной компетентности и внутриличностного конфликта // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 3. С. 120—139. DOI:10.17759/expsy.2018110309

10. Григорьева-Голубева В.А. Педагогическая аксиология: условия совершенствования образовательной деятельности. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. 215 с.
11. Гурвич И.Н. Тест нервно-психической адаптации // Вестник гипнологии и психотерапии. 1992. № 3. С. 46–53.
12. Давыдов Д.Г. Особенности взаимоотношений в воинском коллективе. Способы разрешения межличностных конфликтов // Ориентир. 2009. № 6. С. 49–53.
13. Двойникова Е.Ю. Психологические особенности адаптации студентов с разной стратегией решения учебно-профессиональных задач: дисс. ... канд. психол. наук. Самара, 2016. 267 с.
14. Ефремова М.В., Бульцева М.А. Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 107–126. DOI:10.17759/sps.2020110107
15. Живица О.В., Сулчинская Э.Э. Конфликты ценностно-мотивационной сферы, самореализация личности и удовлетворенность трудом в сельском хозяйстве: теоретический аспект // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 3. С. 79–90.
16. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 524 с.
17. Капцов А.В. Противоречия в аксиосфере как фактор развития личностных качеств студентов // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010. Т. 3. № 2. С. 30–36.
18. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
19. Карпинский К.В. Конфликт ценностей как предпосылка смысловозниженного кризиса в развитии личности // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 78–93.
20. Коробейников И.А. Нарушения развития и социальная адаптация. М.: Per Se, 2002. 192 с.
21. Кротова М.Н. Особенности социально-психологической адаптации курсантов военных вузов на начальном этапе профессионализации [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-kursantov-voennyh-vuzov-na-nachalnom-etape-professionalizatsii> (дата обращения: 27.03.2021).
22. Кулганов В.А. Медико-психологическое обеспечение учебно-воспитательного процесса в военных вузах: Учебно-методическое пособие. СПб: ВИКА им. А.Ф. Можайского, 1994. 230 с.
23. Ларионова С.А. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. Белгород, 2002. 200 с.
24. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 22–24.
25. Маклаков А.Г. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» / Профессиональный психологический отбор кандидатов в военно-учебные заведения Министерства обороны Российской Федерации: Методические рекомендации. М., 1994. С. 164–174.
26. Мельникова Н.Н. Стратегии поведения в процессе социально-психологической адаптации: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1999. 194 с.
27. Моросанова В.И., Аронова Е.А. Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Ин-т психологии РАН, 2007. 212 с.
28. Моросанова В.И., Аронова Е.А. Теоретические подходы к исследованию структуры и регулирующей роли самосознания [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2004. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-struktury-i-reguliruyushey-rol-i-samosoznaniya> (дата обращения: 28.03.2021).
29. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М: Наука, 1988. 197 с.

30. *Новгородцева А.П.* Внутренние конфликты подросткового возраста // Культурно-историческая психология. 2006. № 3. С. 38–50.
31. *Подымова Н.А., Сульчинская Э.Э.* Проблема диагностики внутриличностных конфликтов в ценностно-мотивационной сфере // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4. № 3. С. 71–79.
32. *Ревков И.В.* Разработка методики комплексной диагностики процесса адаптации курсантов военного вуза к профессионально-служебной деятельности в условиях педагогического сопровождения // Образование и общество. 2010. № 4. С. 45–49.
33. *Ромм М.В.* Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 2002. 275 с.
34. *Самылова О.А.* Психологические механизмы духовно-нравственного развития в юношеском периоде [Электронный ресурс] // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 1(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mehanizmy-duhovno-nravstvennogo-razvitiya-v-yunosheskom-periode> (дата обращения: 18.12.2021).
35. *Сивцова А.В.* Ценностные ориентации личности: от внутренних конфликтов к саморазвитию. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. 218 с.
36. *Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Издательский дом БАРАХ, 2001. 128 с.
37. *Худякова Н.Л.* Ценностные основы социальных отношений [Электронный ресурс] // Вестник ЧелГУ. 2012. № 4(258). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-osnovy-sotsialnyh-otnosheniy> (дата обращения: 28.03.2021).
38. *Шатовал В.А., Бондарук А.Ф., Голянич В.М.* Ценностно-интенциональные и психодинамические корреляты адаптированности курсантов к социально-профессиональной среде обучения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1(61). С. 208–218.
39. *Шапран Ю.П., Шапран О.И.* Образовательная среда вуза: типология, функции, структура [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 7(87). С. 881–885. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16910/> (дата обращения: 25.12.2021).
40. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России [Электронный ресурс] // Психология. Журнал ВШЭ. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utochnennaya-teoriya-bazovyh-individualnyh-tsennostey-primenenie-v-rossii> (дата обращения: 30.12.2021).
41. *Щербакова В.П.* Социально-психологический механизм адаптации [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskij-mehanizm-adaptatsii> (дата обращения: 18.12.2021).
42. *Vacchini D., Affuso G., Aquilar S.* Multiple forms and settings of exposure to violence and values unique and interactive relationships with antisocial behavior in adolescence // Journal of interpersonal violence. 2015. Vol. 30(17). P. 3065–3088.
43. *Bardi A., Schwartz S.H.* Values and behavior: Strength and structure of relations // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29(10). P. 1207–1220.
44. *Bem D.J.* Self-perception: An alternative interpretation of cognitive dissonance phenomena // Psychological review. 1967. Vol. 74(3). P. 183–200.
45. *Bouckennooghe D., Buelens M., Fontaine J., Vanderheyden K.* The prediction of stress by values and value conflict // Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 2005. Vol. 139(4). P. 369–382.
46. *Dollinger S.J., Burke P.A., Gump N.W.* Creativity and values // Creativity Research Journal. 2007. Vol. 19(2/3). P. 91–103.
47. *Mikšík O.* Teorie dynamiky aktuálních stavů, metodologie a metodiky jejich zjišťování subjektivní posuzovací škálou SUPOS. Praha, VÚPs 1975. 171 s.

48. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free press, 1973. 438 p.
49. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and subjective well-being: Direct relations and congruity effects // *European journal of social psychology*. 2000. Vol. 30(2). P. 177–198.
50. Schwartz S.H. Basic human values: Theory, Measurement, and Applications // *Revue française de sociologie*. 2006. Vol. 47. № 4. P. 929–968.
51. Schwartz S.H. Basic values: How they motivate and inhibit prosocial behavior // *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature* / In M. Mikulincer, P.R. Shaver (eds.). 2010. P. 221–241.
52. Schwartz S.H. Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses // *Documentation for ESS-1*. 2003.
53. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology* / M.P. Zanna (ed.). New York: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.
54. Schwartz S.H., Bilsky W. Towards a psychological structure of human values // *Journal of Personality & Social Psychology*. 1987. № 53. P. 550–562.
55. Stern P.C., Dietz T. The value basis of environmental concern // *Journal of Social Issues*. 1994. № 50. P. 65–84.

References

1. Abramov A.P. Institut voennogo obrazovaniya v sotsial'noi strukture sovremennogo obshchestva [Elektronnyi resurs] [Institute of military education in the social structure of modern society]. *Natsional'nye priority Rossii = National Priorities of Russia*, 2016, no. 1(19). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-voennogo-obrazovaniya-v-sotsialnoy-strukture-sovremennogo-obshchestva> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
2. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Soznanie kak zhiznennaya sposobnost' lichnosti [Consciousness as a person vital ability]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2009. Vol. 30, no. 1, pp. 32–43. (In Russ.).
3. Akimova M.K., Kiseleva M.K. Vnutrennii tsennostnyi konflikt kak faktor agressivnosti v yunosheskom vozraste [Internal value conflict as a factor of aggressiveness in adolescence]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and experimental psychology*, 2009. Vol. 2, no. 3, pp. 49–57. (In Russ.).
4. Ammon G. Dinamicheskaya psikhiiatriya [Dynamic psychiatry]. St. Petersburg: Publ. Psychoneurological Institute. V.M. Bekhtereva, 1995. 200 p. (In Russ.).
5. Baeva I.A. Psikhologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii [Psychological safety in education]. St. Petersburg: Publ. Soyuz, 2002. 271 p. (In Russ.).
6. Bubnova S.S. Tsennostnye orientatsii lichnosti kak mnogomernaya nelineinaya sistema [Personal value orientations as a multidimensional non-linear system]. Moscow.: Publ. IP RAS, 1998. 24 p. (In Russ.).
7. Volkova M.G. Adaptatsiya kursantov voennogo vuza v usloviyakh izmeneniya sotsial'noi sredy. diss. kand. psikhol. nauk [Adaptation of cadets of a military university in a changing social environment. PhD (Psychology) diss.]. Yaroslavl, 2003. 239 p. (In Russ.).
8. Golyanich V.M., Tulup'eva T.V., Shapoval V.A. Tsennostnaya soglasovannost' i psikhodinamicheskaya reprezentatsiya lichnosti [Value-intention accordance and psychodynamic representation of a personality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Vestnik of Saint Petersburg University*, 2010. Ser. 12 «Psychology. Pedagogy. Sociology». Issue. 1, pp. 140–150. (In Russ.).
9. Golyanich V.M., Bondaruk A.F., Shapoval V.A., Tulup'eva T.V. Tsennostnye protivorechiya kak psikhodiagnosticheskie kriterii professional'noi kompetentnosti i vnutrilichnostnogo konflikta [Value contradictions as psychodiagnostic criteria for professional competence and intrapersonal conflict]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2018. Vol. 11, no. 3, pp. 120–139. DOI:10.17759/exp.2018110309 (In Russ.).

10. Grigor'eva-Golubeva V.A. Pedagogicheskaya aksiologiya: usloviya sovershenstvovaniya obrazovatel'noi deyatel'nosti [Pedagogical axiology: conditions for improving educational activities]. St. Petersburg: Publ. Pushkin Leningrad State University, 2012. 215 p. (In Russ.).
11. Gurvich I.N. Test nervno-psikhicheskoi adaptatsii [Test of neuropsychic adaptation]. *Vestnik gipnologii i psikhoterapii = Bulletin of hypnology and psychotherapy*, 1992, no. 3, pp. 46–53. (In Russ.).
12. Davydov D.G. Osobennosti vzaimootnoshenii v voinskom kollektive. Sposoby razresheniya mezhlichnostnykh konfliktov [Features of relationships in the military team. Methods for resolving interpersonal conflicts]. *Orientir*, 2009, no. 6, pp. 49–53. (In Russ.).
13. Dvoynikova E.Yu. Psikhologicheskie osobennosti adaptatsii studentov s raznoi strategiei resheniya uchebno-professional'nykh zadach, diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological features of adaptation of students with different strategies for solving educational and professional problems. PhD (Psychology) diss.]. Samara, 2016. 267 p. (In Russ.).
14. Efremova M.V., Bul'tseva M.A. Vzaimosvyaz' individual'nykh tsennostei i prosotsial'nogo povedeniya v onlain- i oflain-kontekstakh [The relationship between individual values and prosocial behavior in an online and offline context]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 107–126. DOI:10.17759/sps.2020110107 (In Russ.).
15. Zhivitsa O.V., Sul'chinskaya E.E. Konflikty tsennostno-motivatsionnoi sfery, samorealizatsiya lichnosti i udovletvorennost' trudom v sel'skom khozyaistve: teoreticheskii aspekt [Conflicts of axiology and motivation, self-realization and job satisfaction in the agricultural sector: theoretical aspect]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya = Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2016, no. 3, pp. 79–90. (In Russ.).
16. Zhuravleva N.A. Psikhologiya sotsial'nykh izmenenii: tsennostnyi podkhod [The psychology of social change: a value approach]. Moscow: Publ. Institute of Psychology RAS, 2013. 524 p. (In Russ.).
17. Kaptsov A.V. Protivorechiya v aksiosfere kak faktor razvitiya lichnostnykh kachestv studentov [Contradictions in the axiosphere as a factor in the development of students' personal qualities]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and experimental psychology*, 2010. Vol. 3, no. 2, pp. 30–36. (In Russ.).
18. Karandashev V.N. Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostei lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz's Methodology for Studying Personal Values: Concept and Methodological Guide]. St. Petersburg: Publ. Rech, 2004. 70 p. (In Russ.).
19. Karpinskii K.V. Konflikt tsennostei kak predposylka smyslozhiznennogo krizisa v razvitii lichnosti [A value conflict as a prerequisite of a meaning-of-life crisis in personality development]. *Voprosy psikhologii*, 2013, no. 1, pp. 78–93. (In Russ.).
20. Korobeinikov I.A. Narusheniya razvitiya i sotsial'naya adaptatsiya [Developmental disorders and social adaptation]. Moscow: Publ. Per Se, 2002. 192 p.
21. Krotova M.N. Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii kursantov voennykh vuzov na nachal'nom etape professionalizatsii [Elektronnyi resurs] [Features of cadets' social and psychological adaptation in military higher education institutions at the initial stage of professionalization]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-kursantov-voennyh-vuzov-na-nachalnom-etape-professionalizatsii> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
22. Kul'ganov V.A. Mediko-psikhologicheskoe obespechenie uchebno-vospitatel'nogo protsessa v voennykh vuzakh: Uchebno-metodicheskoe posobie [Medical and psychological support of the educational process in military universities: Educational and methodological manual]. St. Petersburg: Publ. Mozhaitsky VIKa, 1994. 230 p.
23. Larionova S.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti: teoreticheskaya model' i diagnostika [Socio-psychological adaptation of personality: theoretical model and diagnostics]. Belgorod, 2002. 200 p. (In Russ.).

24. Leont'ev D.A. Tsennost' kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoi rekonstruktsii [Value as an interdisciplinary concept: experience of multidimensional reconstruction]. *Voprosy filosofii*, 1996, no. 4, pp. 22–24. (In Russ.).
25. Maklakov A.G. Mnogourovnevnyi lichnostnyi oprosnik «Adaptivnost'» [Multi-level personal questionnaire “Adaptiveness”]. *Professional'nyi psikhologicheskii otbor kandidatov v voenno-uchebnye zavedeniya Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii: Metodicheskie rekomendatsii = Professional psychological selection of candidates for military educational institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation: Methodological recommendations*. Moscow, 1994, pp. 164–174. (In Russ.).
26. Mel'nikova N.N. Strategii povedeniya v protsesse sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii. Diss. kand. psikhol. nauk. [Strategies of behavior in the process of socio-psychological adaptation. PhD (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 1999. 194 p. (In Russ.).
27. Morosanova V.I., Aronova E.A. Samosoznanie i samoregulyatsiya povedeniya [Self-awareness and self-regulation of behavior]. Moscow: Publ. Institute of Psychology RAN, 2007. 212 p. (In Russ.).
28. Morosanova V.I., Aronova E.A. Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu struktury i reguliruyushchei roli samosoznaniya [Elektronnyi resurs] [Theoretical approaches to the study of the structure and regulating role of self-consciousness]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2004, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-struktury-i-reguliruyushey-rol-i-samosoznaniya> (Accessed 28.03.2021). (In Russ.).
29. Naumova N.F. Sotsiologicheskie i psikhologicheskie aspekty tselenapravlennoogo povedeniya [Sociological and psychological aspects of purposeful behavior]. Moscow: Publ. Nauka, 1988. 197 p. (In Russ.).
30. Novgorodtseva A.P. Vnutrennie konflikty podrostkovogo vozrasta [Inner conflicts in adolescence]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultral-historical psychology*, 2006, no. 3, pp. 38–50. (In Russ.).
31. Podymov N.A., Sul'chinskaya E.E. Problema diagnostiki vnutrilichnostnykh konfliktov v tsennostno-motivatsionnoi sfere [The problem of diagnosing personal conflicts in the value-motivational sphere]. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Research result. Pedagogy and psychology of education*, 2018. Vol. 4, no. 3, pp. 71–79. (In Russ.).
32. Revkov I.V. Razrabotka metodiki kompleksnoi diagnostiki protsessa adaptatsii kursantov voennogo vuza k professional'no-sluzhebnoi deyatel'nosti v usloviyakh pedagogicheskogo soprovozhdeniya [Development of a methodology for complex diagnostics of the process of adaptation of cadets of a military university to professional and service activities in conditions of pedagogical support]. *Obrazovanie i obshchestvo = Education and Society*, 2010, no. 4, pp. 45–49. (In Russ.).
33. Romm M.V. Adaptatsiya lichnosti v sotsiume: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Adaptation of personality in society: theoretical and methodological aspect]. Novosibirsk: Publ. Nauka, 2002. 275 p. (In Russ.).
34. Samylova O.A. Psikhologicheskie mekhanizmy dukhovno-nravstvennogo razvitiya v yunosheskom periode [Elektronnyi resurs] [Psychological mechanisms of the spiritual-moral development of juvenile]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 1(22). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mekhanizmy-duhovno-nravstvennogo-razvitiya-v-yunosheskom-period> (Accessed 18.12.2021). (In Russ.).
35. Sivtsova A.V. Tsennostnye orientatsii lichnosti: ot vnutrennikh konfliktov k samorazvitiyu [Personal value orientations: from internal conflicts to self-development]. Barnaul: Publ. AGAU, 2010. 218 p. (In Russ.).
36. Fantalova E.B. Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta [Diagnosis and psychotherapy of internal conflict]. Samara: Publ. BARAKH, 2001. 128 p. (In Russ.).

37. Khudyakova N.L. Tsennostnye osnovy sotsial'nykh otnoshenii [Elektronnyi resurs] [The axiological foundations of social relations]. *Vestnik Chelybinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelybinsk State University*, 2012, no. 4(258). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-osnovy-sotsialnyh-otnosheniy> (Accessed 28.03.2021). (In Russ.).
38. Shapoval V.A., Bondaruk A.F., Golyanich V.M. Tsennostno-intentsional'nye i psikhodinamicheskie korrelyaty adaptirovannosti kursantov k sotsial'no-professional'noi srede obucheniya [Value-directed and psychodynamic correlates of adaptation of cadets to social and professional educational environment]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1(61), pp. 208–218. (In Russ.).
39. Shapran Yu.P., Shapran O.I. Obrazovatel'naya sreda vuza: tipologiya, funktsii, struktura [Elektronnyi resurs] [Educational environment of the university: typology, functions, structure]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2015, no. 7(87), pp. 881–885. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16910/> (Accessed 25.12.2021). (In Russ.).
40. Shvartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [Elektronnyi resurs] [Theory of basic personal values: validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE = Psychology. Journal of the HSE*, 2012, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utochnennaya-teoriya-bazovykh-individualnyh-tsennostey-primeneniye-v-rossii> (Accessed 30.12.2021). (In Russ.).
41. Shcherbakova V.P. Sotsial'no-psikhologicheskii mekhanizm adaptatsii [Elektronnyi resurs] [Socio-psychological mechanism of adaptation]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki = Tidings of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 2010, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskii-mekhanizm-adaptatsii> (Accessed 18.12.2021). (In Russ.).
42. Bacchini D., Affuso G., Aquilar S. Multiple forms and settings of exposure to violence and values unique and interactive relationships with antisocial behavior in adolescence. *Journal of interpersonal violence*, 2015. Vol. 30(17), pp. 3065–3088.
43. Bardi A., Schwartz S.H. Values and behavior: Strength and structure of relations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003. Vol. 29(10), pp. 1207–1220.
44. Bem D.J. Self-perception: An alternative interpretation of cognitive dissonance phenomena. *Psychological review*, 1967. Vol. 74(3), pp. 183–200.
45. Bouckenooghe D., Buelens M., Fontaine J., Vanderheyden K. The prediction of stress by values and value conflict. *Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*, 2005, no. 139(4), pp. 369–382.
46. Dollinger S.J., Burke P.A., Gump N.W. Creativity and values. *Creativity Research Journal*, 2007. Vol. 19(2/3), pp. 91–103.
47. Mikšik O. Teorie dynamiky aktuálních stavů, metodologie a metodiky jejich zjišťování subjektivní posuzovací škálou SUPOS. Praha, VÚPs 1975. 171 p.
48. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free press, 1973. 438 p.
49. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and subjective well-being: Direct relations and congruity effects. *European journal of social psychology*, 2000. Vol. 30(2), pp. 177–198.
50. Schwartz S.H. Basic human values: Theory, Measurement, and Applications. *Revue française de sociologie*, 2006. Vol. 47, no. 4, pp. 929–968.
51. Schwartz S.H. Basic values: How they motivate and inhibit prosocial behavior. *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature*. In M. Mikulincer, P.R. Shaver (eds.). 2010. P. 221–241.
52. Schwartz S.H. Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses. *Documentation for ESS-1*, 2003.
53. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. In M.P. Zanna (ed.). New York: Academic Press, 1992. Vol. 25, pp. 1–65.

54. Schwartz S.H., Bilsky W. Towards a psychological structure of human values. *Journal of Personality & Social Psychology*, 1987, no. 53, pp. 550–562.
55. Stern P.C., Dietz T. The value basis of environmental concern. *Journal of Social Issues*, 1994, no. 50, pp. 65–84.

Информация об авторах

Голянич Валерий Михайлович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» (ФГБОУ ВО СПбГИК), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8118-761X>, e-mail: golyanich58@mail.ru

Бондарук Александр Феодосьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» (ФГБОУ ВО СПбГИК), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6549-6399>, e-mail: bondaruk59@bk.ru

Ходаковская Ольга Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» (ФГБОУ ВО СПбГИК), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4866-5349>, e-mail: olga-khodakovskaya@yandex.ru

Information about the authors

Valery M. Golyanich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8118-761X>, e-mail: golyanich58@mail.ru

Alexander F. Bondaruk, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Psychology and Pedagogy, Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6549-6399>, e-mail: bondaruk59@bk.ru

Olga V. Khodakovskaia, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Psychology and Pedagogy, Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4866-5349>, e-mail: olga-khodakovskaya@yandex.ru

Получена 18.02.2022

Received 18.02.2022

Принята в печать 05.06.2023

Accepted 05.06.2023

Социальная идентичность как контекст креативности в ситуации фрустрации

Гудзовская А.А.

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (ФГАОУ ВО «Самарский университет»),
ГБ НОУ «Академия для одаренных детей (Наяновой)»,**

г. Самара, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>, e-mail: aag_1@rambler.ru

Добрынина Е.И.

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (ФГАОУ ВО «Самарский университет»),
г. Самара, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0900-0707>, e-mail: dobrynina.01@mail.ru

Мышкина М.С.

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (ФГАОУ ВО «Самарский университет»),
г. Самара, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7230-6904>, e-mail: Pylaem@bk.ru

Цель. Анализ влияния характера социальной идентичности на проявление изобразительной креативности в экспериментальной ситуации фрустрации.

Контекст и актуальность. Социальная идентичность, являясь неотъемлемой характеристикой отношения человека к себе как представителю разных общностей, выступает контекстом продуктивности его деятельности, в том числе креативности. В последние десятилетия динамичных изменений в мире креативность становится одним из самых востребованных качеств современного человека. Крайне значимым видится определение социальных факторов, активизирующих/тормозящих креативную продуктивность.

Участники. В эксперименте приняли участие 74 человека в возрасте 18–20 лет ($M = 20,2$, $SD = 1,8$), распределенные случайным образом на две экспериментальные и одну контрольную группы.

Дизайн исследования. Использована схема экспериментов с праймингом. Независимой переменной стало прайминговое экспериментальное воздействие: в первой экспериментальной группе – фрустрирующее, во второй экспериментальной группе – нейтрально-положительное. В контрольной группе воздействие независимой переменной не осуществлялось. В качестве зависимой переменной замерялись показатели креативности (гибкость, разработанность и оригинальность). Тип социальной идентичности рассмотрен как дополнительная контекстная переменная. Для оценки достоверности влияния фрустрации использованы ANOVA, коэффициент корреляции Пирсона, критерий Манна-Уитни.

Методы (инструменты). Графический тест идентичности (ГТИ) – авторская модификация методики «Символические задания на выявление “социального Я”» Б. Лонга. Методика на завершение неоконченных изображений О.М. Дьяченко.

Результаты. У лиц с множественной социальной идентичностью и эгоцентрической социальной идентичностью показатели креативности выше по сравнению с креативностью лиц с

диффузной социальной идентичностью. В ситуации фрустрации креативность более стабильно функционирует у лиц с множественной социальной идентичностью, которые осознают свою одновременную включенность в разные социальные общности.

Основные выводы. Социальная идентичность является контекстным фактором реализации креативных способностей. Множественная социальная идентичность способствует оригинальности идей и разработанности деталей, сохранению их стабильности в ситуации фрустрации. Диффузная социальная идентичность оказывает сдерживающее влияние на гибкость, оригинальность и разработанность.

Ключевые слова: социальная идентичность; тип идентичности; фрустрация; креативность; оригинальность; графический метод диагностики.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00567.

Для цитаты: Гудзовская А.А., Добрынина Е.И., Мышкина М.С. Социальная идентичность как контекст креативности в ситуации фрустрации // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 193–210. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140212>

Social Identity as a Context of Creativity in Situation of Frustration

Alla A. Gudzovskaya

Samara National Research University; Academy for Gifted Children (Nayanova), Samara, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>, e-mail: aag_1@rambler.ru

Ekaterina I. Dobrynina

Samara National Research University, Samara, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0900-0707>, e-mail: dobrynina.01@mail.ru

Marina S. Myshkina

Samara National Research University, Samara, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7230-6904>, e-mail: Pylaem@bk.ru

Objective. Analysis of the influence of the nature of social identity on the manifestation of visual creativity in an experimental situation of frustration.

Background. Social identity, being an integral characteristic of a person's attitude to himself as a representative of different communities, acts as a context for the productivity of his activities, including creativity. In recent decades of dynamic changes in the world, creativity has become one of the most sought-after qualities of a modern person. The definition of social factors that actualise/inhibit creative productivity is extremely significant.

Participants. The participants were 74 18–20 year olds ($M = 20,2$, $SD = 1,8$) randomly allocated into two experimental and one control groups.

Study design. The scheme of experiments with priming was used. The independent variable was the priming experimental influence: in the first experimental group – frustrating, in the second experimental group the influence was neutral-positive. In the control group, there was no exposure to the independent variable. As a dependent variable, creativity indicators (flexibility, elaborateness and originality) were measured. The type of social identity was considered as an additional context variable. To assess the reliability of the influence of frustration, ANOVA, Pearson correlation coefficient, Mann Whitney criterion were used.

Measurements. *Graphical Identity Test (GTI) – author’s modification of B. Long’s “Symbolic Tasks for Identification of the Social Self” technique. O.M. Diachenko’s technique for completing unfinished pictures.*

Results. *Individuals with multiple social identity and egocentric social identity demonstrated higher levels of creativity as compared to individuals with diffuse social identity. In situations of frustration, creativity is more stable in individuals with multiple social identities who are aware of their simultaneous involvement in different social communities.*

Conclusions. *Social identity is a contextual factor in the realisation of creativity. Multiple social identities promote originality of ideas and elaboration of details and maintain their stability in situations of frustration. Diffuse social identity has a moderating effect on flexibility, originality, and elaboration.*

Keywords: *social identity; identity type; frustration; creativity; originality; graphic diagnostic method.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00567.

For citation: Gudzovskaya A.A., Dobrynina E.I., Myshkina M.S. Social Identity as a Context of Creativity in Situation of Frustration. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 193–210. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140212> (In Russ.).

Введение

Креативность в самом общем виде определяется как способность создавать новые и оригинальные идеи, что делает саму креативность крайне востребованной в наше быстро меняющееся время, а исследования креативности актуальными. Продуцирование «прорывных» новых научных идей и их трансформацию в технологически новые продукты называют ключевой характеристикой конкурентоспособности любого государства [7].

В науке сложилось несколько традиционных направлений исследований креативных способностей и творческой деятельности. Это, в первую очередь, классические работы по анализу самого процесса, компонентов, этапов и структуры креативности и дивергентного мышления, ее связи с другими способностями и чертами личности [1; 5; 6]. Вторым традиционным направлением является анализ влияния соотношения генетики и атрибутов среды (социальных характеристик родителей, культуры, просвещенности родителей) на прояв-

ление креативности в детском возрасте, развитие креативности в онтогенезе [1; 7]. Третьим направлением является интерес к креативности с точки зрения практической работы: тренинги креативности, диагностика креативности [6].

Актуальность первого направления подтверждается выходом в последние годы новых отечественных и зарубежных монографий по проблемам креативности [1; 5; 6; 8; 20]. В этих трудах предлагаются классификации видов и типов креативности, описываются теоретические модели креативности: модель многофакторной структуры креативности Т.А. Барышевой [1], сигнальная модель инсайта Д.В. Ушакова [9], модель эмоционального резонанса Т. Любарта [22], комплексная модель креативности и девиантности Н.В. Мешковой и С.Н. Ениколопова [6], компонентная модель креативности Т.М. Амабиле [11] и др.

С начала нашего века возникает еще одно направление — «социальная психология креативности» с ее вниманием к контекстному проявлению этих способ-

ностей [9; 12; 15; 16; 19]. Один из разработчиков этого подхода американский психолог Б.А. Хеннеси подчеркивает, что творчество обусловлено внутренней мотивацией, но факторы социального контекста могут нейтрализовать или даже «убивать» ее, что приводит к снижению креативного потенциала как у школьников в образовательных учреждениях, так и у работающих взрослых [19].

На креативный потенциал существенное влияние оказывают позитивные и негативные эмоции [6], социальные факторы (отношения со сверстниками, качество отношения руководителя к работникам, ситуация оценки продуктивности, угроза конкуренции и пр.) [12], широта и разнообразие социальных контактов [16]. Обширные социальные связи магистров и аспирантов со сверстниками и особенно с научными руководителями способствуют раскрытию их креативного потенциала [16]. Участие в творческой деятельности ради награды, по результатам экспериментов Т.М. Амабиле (США), приводит к самым низким результатам [11]. Некоторые негативные ситуационные факторы (временной дефицит, угроза, актуализация страха смерти, ностальгия) могут играть роль, повышающую уровень креативности. Так, А.П. Уолтон выявлено, что в условиях угрозы конкуренции мужчины и женщины в бизнес-организации проявляли более дивергентное мышление при коллективистских нормах в организации, чем при индивидуалистических [6]. При отсутствии угрозы нормы организации имели для мужчин обратное воздействие. Ф. Джино обнаружен феномен роста креативности в ситуации спровоцированных экспериментаторами нечестных действий испытуемых. Связь между нечестностью и творчеством она интерпретирует как

возникшее чувство раскрепощения и свободы от правил [15].

Дж. Джордж и Ф. Сегондс выявили характеристики благоприятного контекста для поддержки креативности сотрудников: обратная связь руководителей, демонстрирующая значимость работы сотрудника, и проявление справедливости в ее оценке [17]. В исследованиях С.Дж. Деллингер обнаружено, что студенты с релевантной, сформированной социальной идентичностью обладают наибольшим творческим потенциалом и имеют большее количество творческих достижений, чем студенты с формальной, нормативной идентичностью [13].

Социальная идентичность, с одной стороны, рассматривается в качестве необходимой составляющей идентичности наряду с глобальной и персональной идентичностью (Э.Э. Тэдджел). С другой стороны, социальная идентичность сама представляет собой многокомпонентную структуру, отражающую одновременную причастность человека к разным общностям (семейной, профессиональной, территориальной, гендерной и пр.). Осознанная сопричастность человека к разноуровневым общностям составляет его множественную социальную идентичность. Отражение в когнитивной репрезентации разноуровневых ингрупп без актуального переживания сопричастности к ним относится к типу иерархичной социальной идентичности. Диффузная идентичность отражает отсутствие актуального интереса и сопричастности к разным социальным общностям.

Таким образом, социальная идентичность, проявляющаяся в осознанном чувстве принадлежности к разным социальным группам, может быть рассмотрена как контекст для действия креативных способностей. Противоречивость и неполнота имеющихся эмпирических

исследований социального контекста креативности диктуют необходимость дальнейшего его изучения. Дизайн нашего исследования предполагает определение влияния характеристики социальной идентичности на креативность студентов в ситуации спланированной фрустрации в условиях эксперимента.

Фрустрация понимается как состояние личности, реактивно возникающее на блокирование удовлетворения какого-либо мотива или потребности, характеризующееся дезорганизацией сознания и деятельности [9], может возникать в ситуациях несправедливой критики, социального сравнения, получения низкого результата, переживания себя жертвой обмана или манипуляции, ошибочного действия в присутствии других [24]. Фрустрация главным образом негативно влияет на ресурсы человека, вызывает на какое-то время агрессию, реакции избегания, беспокойство, утрату интереса, чувства безразличия, вины и тревоги, подавленность, консерватизм в поведенческих реакциях, снижение успешности учебной деятельности [4].

Нами была выдвинута **гипотеза** о контекстном влиянии социальной идентичности на уровень изобразительной креативности в ситуации спланированной фрустрации. Ситуация фрустрации оказывает тормозящее влияние на количественные (гибкость и разработанность) и качественный (оригинальность) показатели креативности при диффузной социальной идентичности. Показатели креативности в ситуации фрустрации будут сохраннее, если социальная идентичность индивида отличается большей осознанностью, относится к типу множественной социальной идентичности.

Метод

Выборка. Исследование проведено в рамках учебных занятий по одному из пред-

метов психологии. В нем приняли участие 74 студента 1-го и 2-го курсов Самарского национального университета в возрасте 18–20 лет ($M = 20,2$, $SD = 1,8$), проживающие на момент обследования в г. Самара. 42 студента были включены в экспериментальную группу, 32 студента — в контрольную. Эксперимент проведен по одинаковой схеме в трех подгруппах по 10–15 человек. От участников было получено письменное согласие на участие в эксперименте. Мотивом участия был интерес к его результатам.

Схема проведения исследования

Дизайн эксперимента предполагает четыре этапа.

1 этап. Подготовка ситуации фрустрации. Студентам из экспериментальной группы было предложено принять участие в эксперименте и в начале оценить степень привлекательности двух благотворительных (несуществующих) фондов в поддержку больных детей с разными типами заболеваний. Одноминутный рассказ о фондах с указанием даты и места создания, некоторых благотворительных акций и результатов деятельности заканчивался коротким обсуждением, какой фонд кажется более значимым, привлекательным, вызывает желание принять участие в его деятельности. Затем студенты получали бланк, на котором они вписывали свою фамилию и один из предложенных фондов, в который они бы пожертвовали деньги в первую очередь. Заполненный бланк остается перед участником до конца эксперимента. Для большей публичности на доске учебной аудитории были записаны сторонники того или другого фонда.

2 этап. Моделирование ситуации фрустрации. Участникам эксперимента предложена дополнительная информация о фондах: про один сообщался нейтрально-положительный факт, про другой — дис-

кредитирующий. («В связи с последней проверкой было начато следствие в отношении руководства Фонда. Известно, что месяцем ранее Фондом была переведена крупная сумма денежных средств в одну из клиник, при этом в официальных отчетах Фонда данный перевод не фигурировал. Следствие продолжается»).

В этой ситуации, как мы считаем, те, кто поддержал дискредитированный фонд, могли испытать фрустрацию, связанную с разочарованием, обманом, манипуляцией, публичной ошибкой выбора. Эти участники обозначены нами как экспериментальная группа с фрустрацией (ЭГФ), остальные составили экспериментальную группу с условно нейтрально-положительным воздействием (ЭГНП).

3 этап. Все участники заполнили бланки с тремя вопросами, фиксирующими их на фрустрирующей информации: 1) Стали бы Вы обсуждать новый информационный повод о фонде с окружающими? 2) Поделались бы Вы с окружающими тем, что были готовы отправить (или виртуально отправили) в дискредитированный фонд сумму денег? 3) Рассказали бы Вы своим друзьям, которые уже пожертвовали деньги в другие фонды, об этой новости?

4 этап. Диагностический. Участники из двух экспериментальных и контрольной групп в индивидуальном порядке заполнили бланки методик ГТИ и О.М. Дьяченко.

Методики. Особенности социальной идентичности определялись с помощью графического теста идентичности (ГТИ) А.А. Гудзовской и М.С. Мышкиной [3], авторской модификации методики «Символические задания на выявление “социального Я”» Б. Лонг [21]. Испытуемый должен на листе формата А4 нарисовать шесть кругов, каждый из которых символизирует самого человека (круг

«Я») и пять знакомых ему идентификационных общностей (круги: «семья», «учебная группа», «город проживания», «страна проживания», «люди всего мира»). В инструкции ему даются пояснения о том, что круги могут быть разных размеров, по-разному располагаться на листе и друг относительно друга. Основные критерии оценки — это количественные (диаметры кругов, в том числе диаметр круга «Я» (D я), средний диаметр 6 кругов (D ср.)) и качественный (взаимное расположение кругов). Диагностируется 4 ведущих типа социальной идентичности: множественная (МСИ), иерархичная (ИСИ), диффузная (ДСИ) и эгоцентрическая (ЭСИ). Два первых типа характеризуют осознанную социальную идентичность, когда для человека является актуальным различие себя и интропции по субъективной значимости. На рисунках это изображается включением круга «Я» в пространство кругов, символизирующих другие общности (множественная идентичность), разными диаметрами кругов для общностей, соотносящимися с их условными размерами (иерархичная идентичность). Для людей с диффузной идентичностью (ДСИ) характерна слабо дифференцированная социальная идентичность, сочетающаяся с бедным и плоским восприятием других людей и интропций [5]. На рисунке диаметры всех изображенных кругов одинаковые по размеру и упорядоченные в соответствии с порядком предъявления. Эгоцентрическая социальная идентичность (ЭСИ) характеризуется несколько инфантильным самовосприятием, сниженной способностью учитывать и осознавать свою включенность в другие социальные группы. Для рисунка характерно более крупное изображение «Я» по сравнению с изображениями социальных общностей.

Определение уровня изобразительной креативности проведено с помощью методики О.М. Дьяченко. Участники делают 11 оригинальных рисунков, используя предложенные в бланке элементы, и дают оригинальное название каждому из них. Методика предполагает определение количественных показателей гибкости (количество категорий, к которым содержательно относятся их рисунки, например: животные, люди, знаки, сооружения и пр.), разработанности (количество неповторяющихся деталей рисунка) и качественного показателя — оригинальности (редкость, неповторяемость рисунка). Эксперт добавляет дополнительный балл к оригинальности рисунка за особую уникальность ответа («мой вчерашний день», «горизонт событий», «цветущий сад планет на месте старого кладбища»).

Для проверки статистической значимости результатов использованы: параметрические критерии: *t*-Стьюдента, *F*-Фишера, коэффициент корреляции Пирсона, *Z*-критерий Колмогорова-Смирнова для оценки нормальности распределения, однофакторный дисперсионный анализ (*ANOVA*), непараметрический *U*-критерий Манна-Уитни.

Результаты

Для проверки гипотезы о контекстном влиянии социальной идентичности на уровень изобразительной креативности в ситуации фрустрации выполнено несколько шагов: 1) проанализировано влияние ситуации фрустрации на особенности графического изображения социальных общностей; 2) проведен поиск связей показателей креативности и социальной идентичности в ее графической репрезентации; 3) определены показатели креативности студентов с разными типами социальной идентичности в ситуации фрустрации и вне ее.

Участники в ходе экспериментального воздействия, выбирая привлекательный фонд, разделились равномерно, что позволило создать две экспериментальных группы по 21 человеку каждая (ЭГФ и ЭГНП). Эмоциональной реакцией на ситуацию фрустрации, по субъективным впечатлениям участников, при всей ее условности, чаще всего было разочарование, ощущение проигрыша, несправедливости. Участники ЭГНП, получившие на втором этапе положительное подкрепление своих действий, показали меньшую склонность как-либо обсуждать эту тему с окружающими, говорить о своем поступке или мотивировать других людей следовать их примеру, в то время как участники экспериментальной группы, получившие фрустрирующее воздействие (ЭГФ), продемонстрировали более активный поиск социальной поддержки (52,4% участников в ЭГНП и 71,4% участников в ЭГФ), а также желание предостеречь других от подобных ситуаций (76,2% в ЭГНП против 95,2% в ЭГФ).

На первом шаге обработки результатов проведен анализ размеров рисуночных изображений социальных общностей (методика ГИТ). Средние размеры и стандартные отклонения рисунков разных общностей, сделанных участниками из экспериментальных и контрольной групп, представлены в табл. 1.

В табл. 1 даны результаты проверки с помощью *Z*-критерия Колмогорова-Смирнова на нормальность распределения показателей креативности в каждой из групп. Двухсторонний уровень значимости для каждого показателя оказался выше критического $p = 0,05$, что дает основание не отвергать нулевую гипотезу о принадлежности данных к нормальному распределению и позволяет использовать для анализа параметрические критерии оценки.

Таблица 1

Средние показатели уровня субъективной значимости изображенных социальных общностей (диаметры символических кругов в мм) в экспериментальных и контрольной группах (ЭГФ ($N = 21$); ЭГНП ($N = 21$); КГ ($N = 32$))

Изображенные общности	Группа								
	ЭГФ			ЭГНП			КГ		
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>Z_p</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>Z_p</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>Z_p</i>
Я	26,2	22,6	0,335	32,1	22,8	0,650	33,7	21,6	0,550
Семья	29,6	14,9	0,929	41,6*	19,1	0,513	46,6*	36,5	0,969
Группа	33,1	15,3	0,927	35	21,8	0,601	36,2	22,6	0,535
Город	41,3	22,5	0,830	50,3	30,5	0,422	52,4	35,9	0,063
Страна	60,4	34,1	0,778	67,1	41,5	0,135	78,1	56,5	0,082
Все люди	77,9	55,1	0,382	82	64,4	0,601	108,0	91,2	0,140
<i>D</i> ср.	44,7	19,9	0,966	51,4	24,6	0,411	59,3**	30,9	0,684

Примечания. ЭГФ – экспериментальная группа с фрустрирующим воздействием, ЭГНП – экспериментальная группа с нейтрально-положительным воздействием, КГ – контрольная группа, *M* – среднее значение, *SD* – стандартное отклонение, *Z_p* – значение, *p* – уровень двухсторонней значимости для *Z*-критерия Колмогорова-Смирнова; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$ между группами ЭГФ и ЭГНП, ЭГФ и КГ по критерию *t*-Стьюдента.

Из табл. 1 видно, что ситуация фрустрации влияет на сокращение размеров рисунков общностей. Практически все тематические круги участниками экспериментальной группы с фрустрацией (ЭГФ) нарисованы заметно меньшего диаметра по сравнению с участниками из ЭГНП и КГ. Исключение составляет круг «учебная группа», диаметр которого в среднем является одинаковым для всех обследованных. Использование *t*-критерия Стьюдента позволило зафиксировать значимость различий для показателя *D* ср. (средний диаметр рисунков) и для величины рисунков «семья».

Выраженность показателей креативности участников из двух экспериментальных (ЭГФ и ЭГНП) и контрольной (КГ) групп приведена в табл. 2.

Результаты, представленные в табл. 2, говорят о том, что у участников, подвергшихся фрустрации, оригинальность ответов несколько выше, чем в ЭГНП и

контрольной группе. Показатель разработанности, то есть детализации рисунков, наоборот, в среднем ниже.

В табл. 1 даны результаты проверки с помощью *Z*-критерия Колмогорова-Смирнова на нормальность распределения показателей креативности в каждой из групп. Двухсторонний уровень значимости для каждого показателя по *Z*-критерию Колмогорова-Смирнова оказался выше критического $p = 0,05$, что дает основание не отвергать нулевую гипотезу о принадлежности данных к нормальному распределению.

Статистическая значимость между группой, получившей фрустрирующее воздействие (ЭГФ), и двумя другими проверялась критериями *t*-Стьюдента и *F*-Фишера. Достоверная разница выявлена только с помощью *F*-критерия Фишера в величине разброса данных по показателю разработанности. В группе ЭГНП диапазон разброса значений почти в два раза больше. Минимальный по-

Таблица 2

Описательные характеристики показателей креативности и значимость их различий между экспериментальными и контрольной группами (ЭГФ ($N = 21$); ЭГНП ($N = 21$); КГ ($N = 32$))

Группа	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>Max</i>	<i>Min</i>	<i>Z</i>	<i>p</i>
	Оригинальность, $p > 0,05$ <i>F</i> -критерий					
ЭГФ	14,3	6,3	26,0	4,0	0,639	0,809
ЭГНП	11,2	6,5	24,0	0,0	0,496	0,966
КГ	12,6	5,8	26,0	4,0	0,798	0,547
Разработанность, $p \leq 0,05$ <i>F</i> -критерий						
ЭГФ	69,2	19,4	102,0	31,0	0,573	0,897
ЭГНП	75,6**	35,9	161,0	30,0	0,945	0,333
КГ	75,8*	30,3	144,0	27,0	0,500	0,964
Гибкость, $p > 0,05$ <i>F</i> -критерий						
ЭГФ	5,7	1,1	7,0	3,0	0,996	0,274
ЭГНП	5,6	1,2	7,0	2,0	0,993	0,278
КГ	5,7	0,96	8,0	4,0	1,290	0,072

Примечания. ЭГФ – экспериментальная группа с фрустрирующим воздействием, ЭГНП – экспериментальная группа с нейтрально-положительным воздействием, КГ – контрольная группа, *M* – среднее значение, *SD* – стандартное отклонение, *Max* – максимальное значение, *Min* – минимальное значение, *Z* – значение критерия Колмогорова-Смирнова, *p* – уровень двухсторонней значимости для *Z*; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$ между группами ЭГФ и ЭГНП, ЭГФ и КГ по *F*-критерию Фишера.

рог в обеих группах равен 30–31 детали, максимальные пороги заметно различаются – 102 детали в группе ЭГФ и 162 – в ЭГНП. В ситуации фрустрации два компонента креативности повели себя независимо: оригинальность стала иметь тенденцию к увеличению, разработанность – к снижению.

Далее с помощью коэффициента корреляции Пирсона проанализированы связи социальной идентичности в ее графической репрезентации с показателями креативности. Корреляционный анализ для всей совокупной выборки не выявил достоверных связей между показателями. Вместе с тем достоверные связи между диаметрами кругов и показателями креативности обнаружены при расчете коэффициентов корреляции для каждой группы в отдельности (табл. 3).

В контрольной группе выявлена прямая значимая связь диаметра рисунков «Я» (*D* я) и гибкости ($r = 0,456$). С увеличением размера круга «Я» увеличивается легкость обращения к разным категориям ответов при решении творческих задач. В экспериментальной группе в ситуации фрустрации (ЭГФ) между этими показателями обнаружена обратная связь ($r = -0,588$). Чем значимее, крупнее графически изображено «Я», тем меньше проявляется гибкость в ситуации фрустрации при выполнении креативных заданий.

Сходные связи обнаруживаются во второй экспериментальной (ЭГНП) и контрольной группах. В них выявлена прямая значимая связь оригинальности со средним диаметром рисунков (*D* ср.) ($r = 0,490$ и $r = 0,369$, при $p \leq 0,05$) и диаметром круга «Все люди» ($r = 0,442$ и

Результаты корреляционного анализа показателей креативности и социальной идентичности (ГТИ) в экспериментальных и контрольной группах (ЭГФ ($N = 21$); ЭГНП ($N = 21$); КГ ($N = 32$))

D круга	Показатели креативности								
	Гибкость			Оригинальность			Разработанность		
	ЭГНП	ЭГФ	КГ	ЭГНП	ЭГФ	КГ	ЭГНП	ЭГФ	КГ
Я	-0,03	-0,56**	0,46**	0,22	-0,10	0,13	-0,12	-0,04	0,05
Семья	0,14	-0,59**	0,51**	0,43	-0,07	0,24	0,23	0,13	-0,21
Группа	0,05	0,04	0,42	0,17	0,02	0,19	0,41	0,07	-0,11
Город	0,28	-0,19	0,32	0,34	-0,10	0,20	0,42	-0,19	-0,08
Страна	0,35	-0,02	0,29	0,39	-0,04	0,33	0,36	-0,28	0,08
Все люди	0,31	0,23	0,03	0,44*	0,10	0,35*	0,27	-0,26	0,03
D ср.	0,31	-0,11	0,32	0,49*	-0,02	0,37*	0,38	-0,22	-0,01

Примечания. ЭГФ – экспериментальная группа с фрустрирующим воздействием, ЭГНП – экспериментальная группа с нейтрально-положительным воздействием, КГ – контрольная группа; D ср. – усредненный диаметр всех рисунков; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

$r = 0,349$, при $p \leq 0,05$), то есть чем выше субъективная значимость ингрупп, представленных графически, тем ярче проявляется оригинальность рисунков.

Проведенный корреляционный анализ между параметрами рисунков и показателями креативности выявил разнонаправленные достоверные связи в экспериментальных и контрольной группах. Такой результат говорит о том, что ситуацию фрустрации можно рассмотреть как внешний фактор, влияющий на изменения характера связей между показателями внутри групп.

Для дальнейшего анализа мы выявили процентные доли участников с множественной социальной идентичностью (МСИ), иерархической (ИСИ), диффузной (ДСИ) и эгоцентрической социальной идентичностью (ЭСИ) (см. рисунок). На рисунке также отражен средний уровень оригинальности для каждого из типов для всей выборки.

Из рисунка видно, что в студенческой среде преобладающим является множественный тип социальной идентичности (от 28,6% в группе ЭГНП до 50,0% в кон-

трольной группе). Студенты отражают в рисунке свою осознанную включенность в общности семьи, города проживания, страны, всех людей мира. Вместе с тем до трети студентов в группе (ЭГФ и ЭГНП) демонстрируют диффузную идентичность, то есть при спонтанном отображении себя и общностей не дифференцируют их по субъективной значимости, по степени близости и включенности. На рисунке показан средний для всей выборки уровень оригинальности, который является высоким у студентов с эгоцентрическим и множественным типами социальной идентичности (13,9 и 13,6 баллов соответственно).

В табл. 4 представлены средние значения показателей креативности для разных типов социальной идентичности. В таблице также представлены результаты проверки распределения показателей креативности на нормальность распределения с помощью Z-критерия Колмогорова-Смирнова. Уровни значимости p , превышающие уровень 0,05, позволяют считать распределение нормальным и использовать параметрические методы.

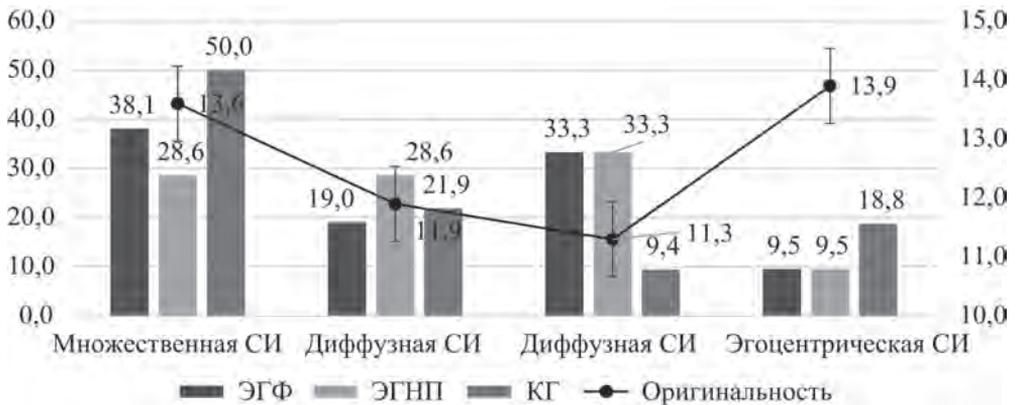

Рис. Типы социальной идентичности в экспериментальных и контрольной группах (в % от числа в группе) и средние значения показателей оригинальности для всей выборки

Таблица 4

Описательные характеристики показателей креативности и значимости их различий для участников с разными типами социальной идентичности (МСИ (N = 30); ИСИ (N = 17); ДСИ (N = 17); ЭСИ (N = 10))

Тип социальной идентичности	M	SD	Max	Min	Skew.	Kurt.	Zp
Оригинальность, $F = 2,976, p = 0,040$							
МСИ	14,0	6,6	26	5	-0,08	-0,23	0,840
ИСИ	10,9	5,0	21	2	0,25	0,12	0,990
ДСИ	7,9*	4,1	13	0	-0,72	-0,10	1,000
ЭСИ	13,5	5,3	22	6	0,34	-0,59	0,952
Разработанность, $F = 3,985, p = 0,017$							
МСИ	85,8	32,8	158	37	-0,60	-0,27	0,861
ИСИ	71,7	39,3	161	27	1,23	1,06	0,643
ДСИ	57,3*	20,1	87	30	-0,04	-1,29	0,996
ЭСИ	82,6	22,4	131	58	1,52	3,27	0,637
Гибкость, $F = 3,000, p = 0,039$							
МСИ	5,7	0,96	7	4	-0,55	-0,30	0,051
ИСИ	5,5	0,97	7	4	-0,13	-0,64	0,545
ДСИ	5,0	1,15	6	2	-2,17	5,97	0,082
ЭСИ	6,4*	0,92	8	5	0,49	0,42	0,540

Примечания. МСИ – множественная социальная идентичность, ИСИ – иерархическая социальная идентичность, ДСИ – диффузная социальная идентичность, ЭСИ – эгоцентрическая социальная идентичность, M – среднее значение, SD – стандартное отклонение, Max – максимальное значение, Min – минимальное значение, Skew. – коэффициент асимметрии, Kurt. – коэффициент эксцесса, Zp – уровень двухсторонней значимости для критерия Колмогорова-Смирнова, F-критерий Фишера, * – $p \leq 0,05$ для однофакторного дисперсионного анализа.

Для оценки значимости влияния типа социальной идентичности на показатели креативности использован однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), программа Excel. Сравнение источников вариации между группами (МСИ, ИСИ, ДСИ и ЭСИ) и внутри групп выявило достоверные различия по каждому показателю креативности. Величина критерия F и уровни значимости представлены в табл. 4.

Из табл. 4 видно, что участники исследования с множественной социальной идентичностью дают более оригинальные ответы, с большей разработанностью. Гибкость достоверно выше у участников с эгоцентричной социальной идентичностью. Достоверно более низкие показатели оригинальности, разработанности и гибкости у участников с диффузной социальной идентичностью.

На последнем этапе проанализировано влияние ситуации фрустрации на изображения себя и ингруп. Рассмотрены диаметры рисунков следующих типов

социальной идентичности: множественная и диффузная социальная идентичность. Остальные типы представлены в разных группах недостаточным для анализа количеством человек. Результаты сравнения представлены в табл. 5, где даются статистически достоверные различия, выявленные с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Из табл. 5 видно, что для типа множественной социальной идентичности диаметры рисунков в экспериментальной группе с нейтрально-положительным воздействием (ЭГНП) и контрольной группе практически совпадают. У лиц с множественной социальной идентичностью в ситуации фрустрации значимо уменьшается диаметр изображения «Я» (почти в два раза), а также изображения семьи, города, страны, всех людей мира.

При диффузной социальной идентичности замечен другой эффект. Рисунки в экспериментальной группе после фрустрации имеют выраженное сходство с рисунками контрольной группы. То есть

Таблица 5

Средние диаметры рисунков участников с разными типами социальной идентичности и значимость различий между экспериментальной группой с фрустрацией и другими (мм). U-критерий Манна-Уитни

Группа	Множественная социальная идентичность			Диффузная социальная идентичность		
	ЭГФ	ЭГНП	КГ	ЭГФ	ЭГНП	КГ
Я	13,7	24,5*	26,0*	28,7	44,6*	20,3
Семья	26,6	38,5	38,6	30,3	45,6	30,7
Группа	34,5	35,3	37,6	29,0	42,9	27,7
Город	57,6	74,7*	65,2	29,4	47,1*	30,3
Страна	88,0	113,3	116,9*	31,6	46,0	35,0
Все люди	124,5	160,7*	150,2	30,3	45,9	33,0
Ср. диаметр	57,5	74,5*	72,4	29,9	45,3*	29,5
n	7	6	16	8	7	5

Примечания. ЭГФ — экспериментальная группа с фрустрирующим воздействием, ЭГНП — экспериментальная группа с нейтрально-положительным воздействием, КГ — контрольная группа, n — количество человек в группе; * — $p < 0,05$.

можно сказать, что для этих участников фрустрация оказалась незаметной, не оказавшей влияния. В то же время в группе с нейтрально-позитивным воздействием (ЭГНП) произошло значимое увеличение диаметра рисунков по сравнению с ЭГФ, как среднего диаметра (45,3 и 29,9 соответственно), так и изображения «Я» (44,6 и 28,7), города. Различия диаметров других рисунков не достигают достоверности, но достаточно выражены.

Обсуждение результатов

Экспериментальная ситуация фрустрации привела к изменениям в графической репрезентации социальных общностей. Под эмоциональным влиянием размеры изображений уменьшились, «съежились», особенно это касается изображения семьи. Можно предположить, что семья в ситуации финансового прощета была бы наиболее близкой и страдающей, реагирующей общностью. В этом смысле учебная группа воспринимается более стабильно, ее изображение не меняется.

Гипотеза о тормозящем влиянии на креативность ситуации фрустрации подтвердилась частично. Фрустрация не оказала ожидаемого негативного влияния на креативность при выполнении заданий, связанных с изобразительной деятельностью. Средние показатели оригинальности, гибкости (количество категорий, которыми пользовались участники), работанности (среднее количество деталей в рисунках) сохранились. Сократилась только вариативность в количестве деталей рисунков, диапазон данных по показателю работанности значимо сужается в ситуации фрустрации.

Мы объясняем это следующими причинами: 1) слабым фрустрирующим воздействием; 2) заданием на креативность воспринималось участниками как неза-

висимое задание и не включало действий для разрешения фрустрирующей ситуации или снятия эмоционального напряжения; 3) фрустрация оказала разнонаправленное действие на лиц с разными типами социальной идентичности, что привело к нивелированию результатов.

Выявленное наличие значимых положительных связей между субъективной значимостью больших социальных общностей (их графическим изображением) и креативностью в нейтральной ситуации соответствует нашим представлениям о социальной идентичности как факторе, повышающем продуктивность деятельности [2]. В таком ключе европейскими психологами давно ведутся исследования социальной идентичности, которая обеспечивает стрессоустойчивость, способствует эффективности творческой и других видов деятельности [14; 23]. Актуализация индивидуалистической идентичности часто выступает фактором, снижающим эффективность. Так, в нашем эксперименте увеличение изображения «Я» (проявление эгоцентризма) отрицательно сказывается на показателе гибкости.

Разнонаправленность корреляционных связей между показателями креативности и субъективной значимости ингрупп в обычной ситуации и в ситуации фрустрации позволяет последнюю рассматривать как внешний фактор, влияющий на изменения характера связей, рассматривать социальную идентичность как контекст функционирования креативности.

Социальная идентичность в ее графическом представлении претерпевает изменения в условиях экспериментального воздействия.

У лиц с множественной социальной идентичностью такие компоненты креативности, как оригинальность и разрабо-

танность, являются выраженными, сохраняются в ситуации фрустрации, при этом значимо уменьшается размер рисунка «Я», что можно трактовать как интрапунитивную стратегию реагирования.

Полученные результаты в общем согласуются с данными других исследований. Т.Н. Тихомирова обнаружила эффект позитивного влияния межличностных взаимодействий в семейной «микросреде» на работу интеллекта и креативности [7]. Группой французских авторов (Дж. Геган, Ф. Сегон, Дж. Барре и др.) обнаружено влияние внешних признаков социальной идентичности (SIC) в виде бейджиков, значков и пр. на повышение творческой эффективности как в очных, так и в виртуальных условиях [17]. Чувство принадлежности «мы» оказывает положительное опосредующее влияние на творческую активность работников отеля в коллективистической культуре [10]. Общая социальная идентичность побуждает людей успешнее решать конкретные творческие задачи и обеспечивает основу для позитивного восприятия продуктов творчества других людей [18].

В нейтральной ситуации лица с эгоцентрической социальной идентичностью показывают высокий уровень гибкости, оригинальности и разработанности. В ситуации фрустрации — чем крупнее изображения себя и семьи по сравнению с другими общностями, тем ниже показатель гибкости.

Изображение взрослым человеком своего «Я» крупнее других социальных групп можно проинтерпретировать как склонность к конкуренции. Тогда высокие показатели креативности этих участников в нейтральной ситуации согласуются с результатами экспериментов А.П. Уолтона и М. Кеммельмайера о повышении оригинальности продуктов

творчества у сотрудников организации, находящейся под угрозой жесткой конкуренции [6]. Уменьшение размера изображения «Я» у большинства участников группы, подвергшейся фрустрации, привело к сокращению почти вдвое, чем в среднем по выборке, доли представителей эгоцентрического типа социальной идентичности, их социальная идентичность стала более диффузной.

Лица с диффузной социальной идентичностью демонстрируют самые низкие показатели оригинальности, гибкости, разработанности по сравнению с другими типами социальной идентичности. Субъективная значимость изображенных ими ингрупп существенно меньше, чем у представителей других типов. Особенно это относится к изображениям города, страны, общечеловеческой общности. Ситуация фрустрации практически не повлияла на размеры изображений и, соответственно, субъективную значимость общностей. Но нейтрально-позитивное воздействие в экспериментальной ситуации вызвало у этих участников необычный эффект. Практически все изображения стали существенно крупнее, а изображение «Я» даже превысило средние размеры по всей выборке, за исключением лиц с ЭСИ.

Люди регулярно находятся в субоптимальных эмоциональных состояниях, таких как фрустрация или стресс, что меняет функционирование их креативных способностей. Предиктором устойчивости креативных способностей в ситуации фрустрации может выступать осознанная множественная социальная идентичность. Вместе с тем ни одно фрустрирующее воздействие не изменяет творческую деятельность явно в одном направлении [14]. Человек гибко реагирует на структуру стимулов конкретной социальной ситуации, в которой он находится, что

актуализирует его либо просоциальные, либо эгоистические тенденции в зависимости от того, какая стратегия может привести к удовлетворению манифестирующей потребности.

Выводы

1. Тип социальной идентичности влияет на своеобразие траекторий динамики показателей креативности в ситуации фрустрации. На проявление креативности влияет чувство принадлежности (или отсутствие такового) человека к социальным группам (семейная, учебная, локально-территориальная, общечеловеческая).

2. Социальная идентичность, ее тип и субъективная значимость ингрупп могут выступать контекстными факторами проявления креативных способностей. Показатели креативности оригинальность и разработанность в целом выше и стабильнее в ситуации фрустрации, если социальная идентичность человека сформирована, осознана, является множественной.

3. Эгоцентрическая социальная идентичность контекстно позволяет быть оригинальным и гибким, но затрудняет возможность проявления креативности в ситуации фрустрации.

4. Диффузная, неактуализированная социальная идентичность связана с более низким уровнем креативности (оригинальность, гибкость, разработанность). Ситуация публичного успеха людей с диффузной социальной идентичностью

повышает для них субъективную значимость социальных общностей, в которые они включены.

5. При постановке учебных и производственных креативных задач следует учитывать фактор эмоционального состояния. Оригинальные идеи чаще продуцируются в ситуации эмоционального напряжения, например, в ситуации цейтнота, конкуренции. Тщательность проработки деталей эффективнее осуществляется в нейтрально-положительной обстановке.

Ограничения и перспективы исследования

Выявленные закономерности требуют проверки на более широких группах, с комплексной диагностикой креативности и социальной идентичности не только графическими методами, но и традиционными вербальными. Интересным видится рассмотрение креативности лиц с разным типом социальной идентичности в случае, когда она используется для преодоления фрустрирующих обстоятельств.

Полученные результаты могут быть использованы в психологической практике. Развивающие программы, которые ставят целью раскрытие креативных способностей, должны включать в себя задачи актуализации осознанной множественной социальной идентичности как контекстного фактора, катализирующего проявление креативности.

Литература

1. Барышева Т.А. Психология развития креативности: теория, диагностика, технологии. СПб.: Изд-во ВВМ, 2016. 316 с.
2. Гудзовская А.А. Социальная идентичность как фактор продуктивности деятельности // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 8–20. DOI:10.18384/2310-7235-2021-4-8-20
3. Гудзовская А.А., Мышкина М.С. Новый метод графической диагностики социальной идентичности (ГИИ) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2022. № 4. С. 50–58. DOI:10.18323/2221-5662-2022-4-50-58

4. Дубовицкая Т.Д., Эрбегеева А.Р. Особенности фрустрации и стратегий преодоления у студентов с трудностями в учебе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. Том 2. № 1. С. 1–9. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/p1/26550.shtml (дата обращения: 19.07.2022).
5. Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89–103. DOI:10.17805/zpu.2019.4.7
6. Мешкова Н.В. Современные зарубежные исследования креативности: социально-психологический аспект // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 2. С. 8–21.
7. Тихомирова Т. Интеллект и креативность в условиях социальной среды. Litres, 2022. 300 с.
8. Ушаков Д.В., Валуева Е.А. Сигнальная модель инсайта: от исторических предпосылок к эмпирическим предсказаниям // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, М.А. Холодной. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 15–47.
9. Юрова К.И., Юров И.А. Фрустрация как фактор неадекватного поведения // Гуманизация образования. 2016. № 6. С. 110–114.
10. Ahmad N., Ullah Z., Aldhaen E. Fostering Hotel-Employee Creativity Through Micro-Level Corporate Social Responsibility: A Social Identity Theory Perspective // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. P. 1–12. DOI:10.3389/fpsyg.2022.853125
11. Amabile T.M., Collins M.A., Conti R. Creativity in context: Update to the social psychology of creativity. Routledge, 2018. 336 p. DOI:10.4324/9780429501234
12. Cromwell J. The Social Psychology of Creativity Skills: A Reconceptualization of the Componential Model // Creativity at Work. Palgrave Macmillan, Cham. 2020. P. 21–33. DOI:10.1007/978-3-030-61311-2_3
13. Dollinger S.J., Clancy Dollinger S.M., Centeno L. Identity and Creativity // Identity. 2005. Vol. 5. № 4. P. 315–339. DOI:10.1207/s1532706xid0504_2
14. Faber N.S., Husser J.A. Why stress and hunger both increase and decrease prosocial behavior // Current Opinion in Psychology. 2022. No. 44. P. 49–57. DOI:10.1016/j.copsyc.2021.08.023
15. Gino F., Wiltermuth S.S. Evil Genius? How Dishonesty Can Lead to Greater Creativity // Psychological Science. 2014. Vol. 25. No. 4. P. 973–981. DOI:10.1177/0956797614520714
16. Gu J. et al. Importance of social capital to student creativity within higher education in China // Thinking Skills and Creativity. 2014. No. 12. P. 14–25.
17. Guegan J., Segonds F., Barré J. Social identity cues to improve creativity and identification in face-to-face and virtual groups // Computers in Human behavior. 2017. No. 77. P. 140–147. DOI:10.1016/j.chb.2017.08.043
18. Haslam S.A. et al. The collective origins of valued originality: A social identity approach to creativity // Personality and Social Psychology Review. 2013. Vol. 17. No. 4. P. 384–401. DOI:10.1177/1088868313498001
19. Hennessey B.A. Motivation and creativity // The Cambridge handbook of creativity. Cambridge University Press, 2019. P. 374–395. DOI:10.1017/9781316979839.020
20. Kaufman J.C., Glăveanu V.P. A review of creativity theories: What questions are we trying to answer? 2019. P. 27–43. DOI:10.1017/9781316979839.004
21. Long B.R., Ziller R.H. The Self Social Symbols Tasks. N.Y., 1968. 105 p.
22. Lubart T., Thornhill-Miller B. Creativity: An overview of the 7C's of creative thought // The psychology of human thought: an introduction. Heidelberg University Publishing, Heidelberg, 2019. P. 277–305. DOI:10.17885/heiup.470.c6678
23. Van Dick R. et al. Shared identity in organizational stress and change // Current Opinion in Psychology. 2018. No. 23. P. 20–25. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.11.005
24. Vovk M. et al. Psychological Features of Experiences of Frustration Situations in Youth Age // International Journal of Scientific and Technology Re-search. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 920–924.

References

1. Barysheva T.A. Psikhologiya razvitiya kreativnosti: teoriya, diagnostika, tekhnologii [Psychology of Creativity Development: Theory, Diagnostics, Technology]. Saint-Petersburg: VVM Publ., 2016. 316 p. (In Russ.).
2. Gudzovskaya A.A. Sotsial'naya identichnost' kak faktor produktivnosti deyatelnosti [Social identity as a factor of performance productivity]. *Vestnik MGOU. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Science*, 2021, no. 4, pp. 8–20. DOI:10.18384/2310-7235-2021-4-8-20 (In Russ.).
3. Gudzovskaya A.A., Myshkina M.S. Novyi metod graficheskoi diagnostiki sotsial'noi identichnosti (GTI) [A new method for graphical diagnosis of social identity (GTI)]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2022, no. 4, pp. 50–58. DOI:10.18323/2221-5662-2022-4-50-58 (In Russ.).
4. Dubovitskaya T.D., Erbegeeva A.R. Osobennosti frustratsii i strategii preodoleniya u studentov s trudnostyami v uchebe [Elektronnyi resurs] [Frustration and Coping Strategies in Students with Learning Difficulties]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru. = Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2010. Vol. 2, no. 1, pp. 1–9. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n1/26550.shtml (Accessed 19.05.2022). (In Russ.).
5. Kovaleva A.I. Raznovidnosti sotsial'noi identichnosti: podkhody k klassifikatsii [Kinds of social identity: approaches to classification]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2019, no. 4, pp. 89–103. DOI:10.17805/zpu.2019.4.7 (In Russ.).
6. Meshkova N.V. Sovremennye zarubezhnye issledovaniya kreativnosti: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Foreign Research in Creativity: The Social Psychological Aspect]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 8–21. (In Russ.).
7. Tikhomirova T. Intellett i kreativnost' v usloviyakh sotsial'noi sredy [Intelligence and creativity in a social environment]. Litres Publ., 2022. 300 p. (In Russ.).
8. Ushakov D.V., Valueva E.A. Signal'naya model' insaita: ot istoricheskikh predposylok k empiricheskim predskazaniyam [Signal Model of Insight: From Historical Preconditions to Empirical Predictions]. In Zhuravlev A.L., Ushakov D.V., Kholodnaya M. (eds.). *Sovremennye issledovaniya intellekta i tvorchestva = Modern Studies of Intellect and Creativity*. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2015, pp. 15–47. (In Russ.).
9. Yurova K.I., Yurov I.A. Frustratsiya kak faktor neadekvatnogo povedeniya [Frustration as a factor in maladaptive behavior]. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanisation of education*, 2016, no. 6, pp. 110–114. (In Russ.).
10. Ahmad N., Ullah Z., AlDhaen E. et al. Fostering Hotel-Employee Creativity Through Micro-Level Corporate Social Responsibility: A Social Identity Theory Perspective. *Frontiers in Psychology*, 2022, no. 13, pp. 1–12. DOI:10.3389/fpsyg.2022.853125
11. Amabile T.M., Collins M.A., Conti R. et al. Creativity in context: Update to the social psychology of creativity. *Routledge*, 2018. 336 p. DOI:10.4324/9780429501234
12. Cromwell J. The Social Psychology of Creativity Skills: A Reconceptualization of the Componential Model. In *Creativity at Work*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020, pp. 21–33. DOI:10.1007/978-3-030-61311-2_3
13. Dollinger S.J., Clancy Dollinger S.M., Centeno L. Identity and Creativity. *Identity*, 2005. Vol. 5, no. 4, pp. 315–339. DOI:10.1207/s1532706xid0504_2
14. Faber N.S., H usser J.A. Why stress and hunger both increase and decrease prosocial behaviour. *Current Opinion in Psychology*, 2022, no. 44, pp. 49–57. DOI:10.1016/j.copsyc.2021.08.023
15. Gino F., Wiltermuth S.S. Evil Genius? How Dishonesty Can Lead to Greater Creativity. *Psychological Science*, 2014. Vol. 25, no. 4, pp. 973–981. DOI:10.1177/0956797614520714
16. Gu J. et al. Importance of social capital to student creativity within higher education in China. *Thinking Skills and Creativity*, 2014, no. 12, pp. 14–25.

17. Guegan J., Segonds F., Barré J. Social identity cues to improve creativity and identification in face-to-face and virtual groups. *Computers in Human behavior*, 2017, no. 77, pp. 140–147. DOI:10.1016/j.chb.2017.08.043
18. Haslam S.A. et al. The collective origins of valued originality: A social identity approach to creativity. *Personality and Social Psychology Review*, 2013. Vol. 17, no. 4, pp. 384–401. DOI:10.1177/1088868313498001
19. Hennessey B.A. Motivation and creativity. In J.C. Kaufman, R.J. Sternberg (Eds.). *The Cambridge handbook of creativity*. Cambridge University Press, 2019, pp. 374–395. DOI:10.1017/9781316979839.020
20. Kaufman J.C., Glăveanu V.P. A review of creativity theories: What questions are we trying to answer? 2019, pp. 27–43. DOI:10.1017/9781316979839.004
21. Long B.R., Ziller R.H. *The Self Social Symbols Tasks*. N.Y., 1968. 105 p.
22. Lubart T., Thornhill-Miller B. Creativity: An overview of the 7 C's of creative thought. The psychology of human thought: an introduction. *Heidelberg University Publishing*, Heidelberg, 2019, pp. 277–305. DOI:10.17885/heiup.470.c6678
23. Van Dick R. et al. Shared identity in organizational stress and change. *Current Opinion in Psychology*, 2018, no. 23, pp. 20–25. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.11.005
24. Vovk M. et al. Psychological Features of Experiences of Frustration Situations in Youth Age. *International Journal of Scientific and Technology Research*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 920–924.

Информация об авторах

Гудзовская Алла Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (ФГАОУ ВО «Самарский университет»), старший научный сотрудник, ГБ НОУ «Академия для одаренных детей (Наяновой)», г. Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>, e-mail: aag_1@rambler.ru

Добрынина Екатерина Игоревна, магистр, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (ФГАОУ ВО «Самарский университет»), г. Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0900-0707>, e-mail: dobrynina.01@mail.ru

Мышкина Марина Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (ФГАОУ ВО «Самарский университет»), г. Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7230-6904>, e-mail: Pylaem@bk.ru

Information about the authors

Alla A. Gudzovskaya, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Samara National Research University, Senior Researcher at the Academy for Gifted Children (Nayanova), Samara, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>, e-mail: aag_1@rambler.ru

Ekaterina I. Dobrynina, Master, Samara National Research University, Samara, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0900-0707>, e-mail: dobrynina.01@mail.ru

Marina S. Myshkina, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Samara National Research University, Samara, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7230-6904>, e-mail: Pylaem@bk.ru

Получена 31.08.2022

Received 31.08.2022

Принята в печать 07.06.2023

Accepted 07.06.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: социально-психологическая рефлексия актуальных проблем общества

Есина Г.К.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0644-2056>, e-mail: esinagk@mgppu.ru

В статье представлен отчет о работе ежегодной VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», состоявшейся 11-12 мая 2023 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. Отражены основные направления, мероприятия и результаты научного форума с участием специалистов различных областей социальной психологии. Отмечается важность обмена теоретическим и практическим опытом исследователей разных научных школ для решения актуальных социально-психологических проблем обучения и воспитания на разных этапах развития личности.

Ключевые слова: конференция; социальная психология; образование; личность; семья; психологическое консультирование; психологический тренинг; киберпсихология; этнопсихология; организационная психология; дорожный трафик.

Для цитаты: Есина Г.К. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: социально-психологическая рефлексия актуальных проблем общества // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 211–217. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140213>

The Conference in Memory of M. Yu. Kondratiev: Social-Psychological Reflection of Actual Society' Problems

Galina K. Esina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0644-2056>, e-mail: esinagk@mgppu.ru

The article presents a report on the work of the Annual VIII International Scientific and Practical Conference in memory of M. Yu. Kondratiev “Social Psychology: Issues of Theory and Practice”, held on May 11-12, 2023 at Moscow State University of Psychology & Education. The main directions, events and results of the scientific forum with the participation of specialists in various fields of social psychology are reflected. The importance of the exchange of theoretical and practical experience of researchers from different scientific schools for solving topical socio-psychological problems of education and upbringing at different stages of personality development is noted.

Keywords: conference; social psychology; education; personality; family; psychological counseling; psychological training; cyberpsychology; ethnopsychology; organizational psychology; road traffic.

For citation: Esina G.K. The Conference in Memory of M.Yu. Kondratiev: Social-Psychological Reflection of Actual Society' Problems. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 211–217. DOI:10.17759/sps.2023140213 (In Russ.).

11–12 мая 2023 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете (ФГБОУ ВО МГППУ) состоялась ежегодная VIII Международная научно-практическая конференция памяти Михаила Юрьевича Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», организованная факультетом «Социальная психология». Научно-практический форум привлек внимание широкой аудитории исследователей, ученых и практиков сферы образования, а также социальной и коммерческой сфер. Специалисты, студенты и аспиранты представили результаты научных исследований и практических разработок, обсудили актуальные проблемы межличностного и межгруппового взаимодействия в современном обществе.

В этом году в конференции приняли участие несколько сотен человек, сборник материалов конференции насчитывает 286 публикаций 402 авторов из 44 городов России и 7 стран ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси, Великобритании, Казахстана, Киргизии, Молдовы, США, Узбекистана [1]. Председателем программного комитета конференции выступила заведующая кафедрой «Социальная психология развития» факультета «Социальная психология» МГППУ, доктор психологических наук, профессор Н.Н. Толстых.

В приветственном обращении к участникам конференции декан факультета «Социальная психология» МГППУ, профессор Т.Ю. Маринова отметила важность данного мероприятия для поддержания преемственности и обмена на-

учно-практическим опытом, обсуждения актуальных социально-психологических проблем, а также анонсировала программу конференции, состоящую из докладов по восьми направлениям: киберпсихология и общество, актуальные проблемы социальной психологии групп, возрастная социальная психология, современное состояние и тенденции развития организационной психологии, социальная психология дорожного трафика, практическая этнопсихология, актуальные проблемы социальной психологии личности, современные технологии в психологии и образовании.

Теоретическому осмыслению изменений, происходящих в современном обществе, была посвящена научная дискуссия участников пленарного заседания в рамках доклада профессора РАН Т.А. Нестика (Москва) на тему: «Психологические предпосылки социального оптимизма в условиях глобальных рисков». В докладах пленарного заседания нашли отражение результаты новых исследований в области социальной психологии образования и возможности их применения в практической деятельности образовательных организаций различного типа для оптимизации взаимодействия всех участников образовательного процесса.

В докладе сотрудников лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ПИ РАО академика РАО В.С. Собкина и Е.А. Калашниковой (Москва) были представлены результаты исследования особенностей жизненной позиции отцов и матерей учащихся начальной, основной и стар-

шей школы, полученные путем опроса 302177 родителей учащихся 1–11-х классов общеобразовательных организаций из 85 регионов Российской Федерации.

Ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации ПИ РАО Е.Н. Волкова (Москва) поделилась результатами изучения социально-психологической природы подросткового буллинга как основы его эффективной профилактики в образовательных организациях различного типа.

Профессор департамента психологии Института педагогики и психологии образования МГПУ Р.И. Суннатова (Москва) в своем докладе подчеркнула важность исследования психологической готовности школьников 9-х и 11-х классов к выпускным экзаменам для достижения ими высоких образовательных результатов.

Профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью МГППУ А.Н. Камнев (Москва) обсудил с участниками заседания необходимость изучения связи образования и формирования гражданской позиции личности для успешной социализации современных детей. По завершении пленарного заседания работа конференции продолжилась в соответствии с тематическими направлениями.

На секции «Киберпсихология и общество» (руководители — доцент Н.В. Кочетков и профессор Т.Ю. Маринова) обсуждались проблемы интернет-зависимости, кибербуллинга, а также специфика поведения кибержертв. Наибольший интерес для научной дискуссии, в которой приняли участие более 30 слушателей, вызвал доклад профессора кафедры общей и социальной психологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского Н.К. Радиной (Нижний Новгород), посвященный

исследованию новых методов изучения социальных представлений в оцифрованных текстах. Показаны возможности применения методов компьютерной лингвистики для реконструкции семантического поля социальных представлений при анализе материалов средств массовой информации, оказывающих непосредственное влияние на формирование социальных представлений индивидов и групп.

На секции «Актуальные проблемы социальной психологии групп» (руководитель — профессор М.Е. Сачкова) обсуждались основные проблемы межличностного и межгруппового взаимодействия участников разного возраста. В докладе профессора кафедры общей психологии ИОН РАНХиГС М.Е. Сачковой (Москва) и профессора кафедры общей и социальной психологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского Л.Э. Семеновой (Нижний Новгород) показаны результаты исследования отношения к глобальным рискам и самоэффективности учащейся молодежи. Обнаруженные в исследовании связи самоэффективности студенческой молодежи с отношением к глобальным рискам позволяют рассматривать эту личностную характеристику как ресурс, поддерживающий оптимизм в плане рисков и авторитарные формы борьбы с глобальными угрозами.

Преподаватели УрГПУ, доцент О.В. Кружкова и М.Р. Бабинова (Екатеринбург) представили результаты исследования социально-психологических механизмов реализации soft-power потенциала вандално нанесенных текстов. В числе базовых механизмов для реализации soft-power потенциала вандалных повреждений городской среды авторами были выделены обесценивание и исследовательский интерес. Ведущий научный

сотрудник РАНХиГС В.В. Комаров (Москва) в своем докладе обозначил необходимость изучения специфики наставничества как фактора результативности первичной трудовой адаптации, призванного нивелировать трудности адаптации и оперативно вносить корректировки в программу адаптационных мер, а также выступать опорой индивидуального подхода в данном процессе.

Сотрудниками МГППУ М.А. Одинцовой, М.Г. Прудниковой, Е.И. Кузьминой (Москва) освещены проблемы жизнеспособности семей лиц с инвалидностью. Исследование включало ответы 151 респондента в возрасте от 18 до 76 лет, из них 62 респондента с инвалидностью. Авторами отмечены такие характеристики жизнеспособности семей, как семейная коммуникация и связность, позитивный прогноз и решение проблем, духовность семьи. Коллективом авторов из ДонГУ, студентом Д.Д. Филько и старшим преподавателем А.Ю. Есеновой (Донецк) представлен анализ условий достижения взаимопонимания в межличностном взаимодействии, среди которых отмечены коммуникативная компетентность и сензитивность личности, умение брать ответственность за сложившийся уровень отношений.

В рамках направления «Возрастная социальная психология» (руководитель — профессор Н.С. Денисенкова) наибольший интерес у слушателей вызвал доклад профессора кафедры «Социальная психология развития» МГППУ Н.С. Денисенковой и студентки магистратуры «Социально-психологическое консультирование» МГППУ Д.А. Куприковой (Москва) на тему: «Отношение родителей дошкольников и младших школьников к использованию гаджетов детьми». Авторами обнаружено, что по мере взросления ребенка родители постепенно ослабляют контроль над цифровой активностью де-

тей, позволяют действовать им более самостоятельно, поскольку видят в гаджетах больше возможностей для развития за счет включения в досуг детей познавательных игр и передач.

Особое место в работе конференции было отведено заседанию круглого стола, посвященного обсуждению социально-психологической компетентности учителя (модератор — профессор Т.Ю. Базаров). Участники обсудили специфику формирования социально-психологической компетентности педагогов современной школы, а также исследования, посвященные изучению взаимодействия основных субъектов школьной среды: учителей, учеников и их родителей.

Закрывали работу первого дня конференции два мастер-класса. Мастер-класс «Постановка профессиональных и карьерных целей в эпоху турбулентности» (ведущий — доцент Т.В. Ковалева) был направлен на знакомство участников с особенностями планирования карьеры в эпоху трансформации и нестабильности современного российского общества, а также на возможности применения практических инструментов по постановке профессиональных целей. Мастер-класс «Тревога и агрессия в социальном взаимодействии и личностном пространстве» (ведущий — кандидат психологических наук, директор ИСКит К.А. Серебрякова) был посвящен знакомству участников с техниками работы с тревогой и агрессией, которые можно эффективно использовать как для саморегуляции, так и в работе с клиентами.

Во второй день конференции продолжилась работа секций, состоялись два мастер-класса, проведен круглый стол. На секции «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии» (руководитель — профессор А.В. Погодина) обсуждались особеннос-

ти социального капитала организаций и лояльности сотрудников компаний различного типа, получившие отклик у большинства слушателей. В докладе аспиранта МГППУ А.Ю. Бухариной (Москва) была затронута тема наставничества как драйвера развития временной компетентности управленцев в ситуации высокой неопределенности. В докладе доцента МГППУ Н.В. Кочеткова (Москва) освещена проблема психического выгорания через призму теорий А.В. Петровского.

В рамках секции «Социальная психология дорожного трафика» (руководитель — доцент Т.В. Кочетова) рассматривались вопросы транспортной психологии и психологии дорожного движения. В частности, доклад профессора МГЭУ О.В. Бесчетновой и студентки МГЭУ Д.Е. Текутьевой (Москва) посвящен анализу детерминант рискованного поведения пешеходов в городском пространстве мегаполиса.

Мастер-класс «Развитие эмоциональной устойчивости у молодых специалистов общеобразовательной школы» (ведущие — педагоги-психологи С.Л. Храмова и И.Н. Андрианова (Ковров)) был направлен на формирование эмоциональной устойчивости молодых специалистов школы. Мастер-класс «Формирование детского коллектива как профилактика школьной травли» (ведущий — педагог-психолог И.А. Душина (Великие Луки)) показал возможности психологической работы с классным руководителем по профилактике буллинга в школьном классе.

На заседании круглого стола «Социальная ситуация развития: феномен и понятие» (модератор — профессор Н.Н. Толстых) обсуждались вопросы изменения содержательных характеристик социальных ситуаций развития в разных периодах современного детства и отрочества. В дискуссии приняли участие профессор

МГППУ А.Л. Венгер, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова О.А. Карабанова, академик РАО Н.Н. Нечаев, профессор МГППУ И.В. Шаповаленко.

В рамках направления «Практическая этнопсихология» (руководители — профессор О.С. Павлова и доцент Н.В. Ткаченко (Москва)) обсуждались проблемы межкультурного взаимодействия, трансформации ценностных ориентаций представителей различных культурных групп, миграционные установки студенческой молодежи в ситуации социальной неопределенности, программа психолого-педагогического сопровождения детей иностранных граждан, специфика этнической идентичности как формы социальной идентичности и стратегии ее поддержания в условиях социального вызова.

В докладе профессора МГППУ О.С. Павловой (Москва) представлены первые результаты кросс-странового исследования этнической и религиозной идентичности удин. Автором было установлено, что несмотря на проживание удин в разных странах и поддержание ими разного вероисповедания, ощущение единой этнической идентичности основывается на представлениях об общей Родине и истории, сохранении родного языка и общих ценностей.

Доклады по направлению «Актуальные проблемы социальной психологии личности» (руководители — профессор Н.Н. Толстых и профессор О.И. Даниленко) представляли результаты исследований социальной успешности студентов, ранее подвергшихся буллингу, смысловых ориентаций представителей разных поколений, специфики психологического благополучия личности на разных этапах жизненного пути.

В докладе профессора СПбГУ О.И. Даниленко и студентки магистра-

туры СПбГУ А.В. Быховской (Санкт-Петербург) были представлены результаты исследования сильных сторон личности как предикторов удовлетворенности жизнью. Авторами было обнаружено, что для респондентов как мужского, так и женского пола позитивным предиктором удовлетворенности жизнью является развитость качеств личности, обеспечивающих позитивный эмоциональный настрой, активность в достижении цели и любознательность. При этом только у респондентов мужского пола отмечается, что в качестве негативного предиктора выступает развитость качеств, побуждающих к заботе о благополучии других людей в общественной жизни.

На заключительной секции «Современные технологии в психологии и образовании» (руководитель — профессор О.Б. Крушельницкая) обсуждались вопросы психологической диагностики уровня гражданской культуры обучающихся в учреждениях дополнительного образования, проблемы использования электронных сигарет подростками, вопросы моральной идентичности россиян. Участники конференции с большим интересом встретили доклад школьного психолога-консультанта Т.В. Коттл (США), посвященный изучению стратегий и тактик построения доверительных отношений учащихся с другими субъектами школьного образовательного процесса. Студенты магистратуры УрГПУ Д.Д. Гильмутдинова и С.Д. Робин (Екатеринбург) поделились

результатами исследования отношения обучающихся к научно-исследовательской деятельности. Авторами установлено, что для увеличения публикационной активности студентов требуется проведение комплексной работы в следующих направлениях: информационно-просветительское, мотивационное, организационно-административное. Кроме того, необходима разработка цифрового продукта для оптимизации и автоматизации процесса сбора информации по требованиям к структуре, содержанию и оформлению различных видов научных проектов.

Подводя итоги, стоит отметить, что VIII конференция памяти М.Ю. Кондратьева обозначила актуальные проблемы современной социальной психологии. Результаты представленных исследований, выполненные не только квалифицированными специалистами научных лабораторий, образовательных, производственных и коммерческих организаций различных отраслей современной социальной психологии, но и студентами и аспирантами отечественных и зарубежных университетов, показали возможности практического применения методологии научной школы А.В. Петровского—М.Ю. Кондратьева. Сборник материалов конференции «Социальная психология: вопросы теории и практики» [1] опубликован на портале психологических изданий Psyjournals.ru, свободный доступ к нему по ссылке: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2023>.

Литература

1. Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (11-12 мая 2023 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. 988 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2023> (дата обращения: 22.05.2023).

References

1. Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki [Elektronnyi resurs] [Social psychology: questions of theory and practice]. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M.Yu. Kondrat'eva «Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki» (g. Moskva, 11-12 maya 2023 g.) [Proceedings of the Eight International Scientific and Practical Conference "Social psychology: questions of theory and practice"]. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2023. 988 p. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2023> (Accessed 22.05.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Есина Галина Константиновна, старший преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0644-2056>, e-mail: esinagk@mgppu.ru

Information about the authors

Galina K. Esina, Senior Lecturer, Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0644-2056>, e-mail: esinagk@mgppu.ru

Получена 13.06.2023

Received 13.06.2023

Принята в печать 22.06.2023

Accepted 22.06.2023

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
Факс +7 (495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс — 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.pressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Корректор А.А. Буторина
Компьютерная верстка: М.А. Баскакова

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
fax: +7(495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index — 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.pressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Technical editor А.А. Буторина
Maker-up М.А. Баскакова